

18+

Елена Долгова

Генератор участи

Фантастический роман

Елена Долгова

**Генератор участи.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Долгова Е.

Генератор участи. Фантастический роман / Е. Долгова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968689-3

Приключения шайки авантюристов в огромном городе, которым управляет разумная машина. Технократы и хакеры, сыщики и мятежники в остром детективном сюжете, оформленном в стиле «киберпанк».

ISBN 978-5-44-968689-3

© Долгова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Афера Неудачников	6
Глава 1. Остров	6
Глава 2. Визит к Кантеру	14
Глава 3. Экспериментатор	27
Глава 4. Подробная оценка ущерба	49
Глава 5. В ловушке	65
Глава 6. Странствие двойников	75
Глава 7. Прощальная вечеринка	86
Глава 8. Погоня	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Генератор участи Фантастический роман

Елена Долгова

*Памяти О. Б. Н.,
соратника и технократа*

Иллюстратор Grandfailure

Иллюстратор IrLi

© Елена Долгова, 2020

© Grandfailure, иллюстрации, 2020

© IrLi, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4496-8689-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события вымышлены, все совпадения случайны

Часть первая. Афера Неудачников

Глава 1. Остров

Северо-восточная Европа

«Обмен Разумов – грязное дело!»
(Роберт Шекли)

Лес шумел всю ночь. Циклон раскачивал мокрые ели, ливень хлестал по старым корягам, потоки дождя заливали одинокий остров и приземистый купол посреди него. К утру непогода улеглась и перестала будоражить заболоченное озеро.

Было тихо. Под слоем земли и бетона, в одной из подземных комнат, возле зеркальной стены устроился человек с мольбертом. Художник разглядывал свое отражение в зеркале: силуэт, голову, твердо очерченное лицо. С таким отстраненным интересом изучают чужие фото. Он сменил кисть, взял немного краски и подправил автопортрет, придавая изображению большее сходство.

– Довольны?

Собеседник внезапно вошел через раздвижные двери. Зеркало искоса отразило и этого – низенького, подвижного, словно белка.

– Нет. Картина мне не удалась. Мне сейчас ничего не удастся. Похоже, но не отражает внутренней сути. Дешевая поделка в самом полном смысле.

– Ерунда, к черту неприятие. Воспринимайте себя целостно, в зеркале вы, ваш собственный облик в силу сложившихся обстоятельств... А портрет этот, Тони... знаете, он очень хорош. Спалите-ка его на всякий случай. Допишите до конца, раз мазня вас развлекает, а потом бросьте в мусоросжигатель. Нам лишние улики ни к чему.

Живописец отложил кисть и криво улыбнулся.

– Я до сих пор не могу понять, как со мною проделали *это*. Послушайте, Феликс, скажите мне правду – как?

– А разница есть? Лишнее знание – лишняя скука. Детали не нужны. Главное, результат очень хорош, вы несомненная удача эксперимента.

– Я ведь смогу позже вернуться в прежнее состояние?

– Конечно, легко вернетесь, если захотите. У обратной манипуляции и своя цена, и своя технология.

Тони воззрился на Феликса, пытаясь найти хотя бы легкие признаки лжи. Их не было, чужое лицо выглядело добродушным и честным, поза – естественной и чуть небрежной.

– Хорошо, не будем об этом. Лучше сознайтесь, зачем вы ходите следом за мной?

– Хожу следом? Я просто бродил по дому, потом выбрал пустую комнату, чтобы в ней посидеть. Зашел сюда неудачно. Иногда меня нестерпимо тянет избавиться от компании Кота и Вильмы. Жизнь взаперти почему-то вызывает у меня нелюбовь к людям.

Собеседники замолчали, не зная, как продолжить разговор. Феликс осторожно попятился, словно бы не желая подставлять под удар незащитную спину. Мягко отъехала в сторону дверь, и он ретировался с непринужденной ловкостью.

Оставшийся на месте Тони подождал, пока тот, другой, уйдет подальше, тоже вышел и в одиночестве прошагал а конец коридора.

– Это я, Тони Лейтен. Сними блокировку, Кот.

За бронированной дверью оказался еще один коридор, а там – полки вдоль стен, запечатанные ящики, выключенный компьютер на маленьком столе, рядом универсальный измеритель, упакованный в прозрачный футляр и забытая баночка с засохшей пастой.

– Хлам развелся.

Хмурый брюнет, со странным прозвищем Кот, техник с потугами на лидерство, перевел на товарища взгляд воспаленных глаз. Его усталость уже сделалась привычной как неизлечимое недомогание, с которым постепенно свыкаются.

– Вещи собираются сами собой, когда перегружен утилизатор. Этот мошенник Феликс после эксперимента переломал все лишнее. Не вызывать же сюда мусорный фургон? Можно, конечно, просто вытащить весь этот хлам на поверхность, и сбросить его в болото.

– Лучше оставить все, как есть.

– Конечно, парню ведь все равно, – насмешливо отозвался техник и ткнул пальцем в угол.

Тот, которого звали Тони, подошел поближе и склонился над продолговатым предметом. Предмет походил на гроб с выпуклой крышкой. Прозрачная выпуклость позволяла разглядеть голого человека с безмятежным лицом, окутавшую его субстанцию, детали оборудования и сложную внутреннюю поверхность саркофага, повторяющую общие контуры тела.

Тони Лейтен не без брезгливого интереса рассматривал все содержимое разом.

– Что ты чувствуешь? – спросил его любопытный Кот.

– Не знаю. Говорят, некоторые видят во сне себя со стороны. Душа смотрит на спящего, но не может вернуться туда, куда положено. Если бы не мое новое тело, я бы тоже подумал, что попал в разновидность кошмара.

– Это все?

– Есть еще кое-что интересное – например, получив его оболочку, я вдруг понял его родной диалект. Мне кажется, у меня теперь его почерк.

– А картины, имена, воспоминания?

– Почти ничего. Понимаешь, моя личность не изменилась – почти нет чужих воспоминаний, только чужие навыки. Я могу говорить и писать на его родном языке, но не помню, как все это выучил. Кстати, как он?

– Дрыхнет мирно и глубоко.

– Может оклематься сам по себе?

– Нет. Если душа бедняги нас сейчас слышит, то, должно быть, молится о благополучном исходе предприятия. В самом деле, если ты не вернешься из Элама, ему придется вечно прозябать под крышкой.

Тони вздохнул.

– Кома или окончательная смерть – какая, к черту, разница?

Кот принялся излагать свои теории:

– Все дело в шансе. Покуда остается хоть крохотный шанс пожить еще, люди за него цепляются.

– Ты думаешь, он понял и принял бы такое?

– Не знаю. Помнишь, каким мы нашли его?

– На дне жизни. В роли сторожа при зоопарке – он там улыбался и кормил ежей, после того, как выкарабкался из клиники для душевнобольных.

– Если бы не знал точно, никогда бы не поверил, что брат такого растения – большая шишка.

– Что тебя удивляет? Чисто анатомически – у обоих нормальный мозг. Они братья-близнецы, просто второму сильно не повезло в жизни. Ты хорошо помнишь их мать – эту шикарную стерву?

– Немного. Я был тогда ребенком.

– Я тоже, но записи ее культовых ролей лежат в Сети. Девушка оставалась секс-символом, пока не постарела так, что увядание не могли скрыть никакие хирурги. Оба парня – дети от ее предпоследнего брака. Один парнишка оказался умником и стал наследником матери. Второго прибрали в психушку, но временами выпускали – он слыл довольно тихим пациентом. Бывшая красотка постепенно отошла на второй план, но доживала шикарно, если под шиком иметь в виду все, что можно купить за деньги. Умерла совсем недавно, по слухам, от склероза конечностей. Сынок, тот, что рос нормальным, живет сейчас в Эламе и сделал там карьеру. Его брат лежит у нас в «гробу», в моем теле. Я стою перед тобой в заемном теле несчастного.

Кот расхохотался.

– Странно, что мы оба стали много болтать.

– Конечно. Пришлось вызубрить кучу всякой ерунды. Я ведь не хочу оказаться пойманным и, к тому же, должен отработать деньги. К тому же, после переноса я не уверен, что с моей памятью все в порядке.

Техник задумался.

– Мне не нравится Новаковский, – нехотя сказал он. – Доктор не из нашей компании. Ты веришь в то, что он не виляет?

– Феликс очень хорош как медик.

– Я не про то. Просто, у меня странное чувство и довольно неприятное. Иногда мне мерещится, что эксперимента не было вовсе, и меня дурачат все – и ты, и Феликс.

– Брось.

– Я-то могу о себе позаботиться. Но мне кажется, что ты, Тони, рискуешь съехать мозгами.

– Ерунда. Мое сознание сейчас работает великолепно – восприятие стало четким, поразительно объемным. Яркие краски, каждый звук слышится отчетливо...

– Вот это мне и не нравится. Слишком похоже на мечты идиота.

– Через две недели я вернусь в собственную шкуру.

– Конечно, желаю тебе уцелеть, компаньон, к тому же, сам очень хочу, чтобы все обернулось удачей. Только мне не верится, что дать человеку новое тело можно по дешевке. Калек, некрасивые женщины, больные старики – все бы они только этого и хотели бы. Такая штука все равно, что бессмертие задарма.

Тони хмыкнул и отвернулся. С минуту он внимательно рассматривал лицо спящего в саркофаге. Стекло с внутренней стороны слегка затуманилось.

– Ты ведь понимаешь, что это не навсегда?

– Ты опять о своем?

– Да все о том же. Феликс говорит, что хотел легально зарегистрировать свое открытие, но в последний момент испугался. Дело в сроках – понимаешь? Я могу пробыть в чужом теле только полгода. После этого начнутся необратимые изменения, мое сознание растворится в этой оболочке как кусок сахара в чашке с чаем. Я перестану быть собой. Не понятно, что получится в результате, но мне, конечно, не хочется и пробовать. Наш расчет строится на том, чтобы обернуться гораздо быстрее. Две недели – и конец. Поэтому никакого бессмертия, друг. Чужую шкуру можно только примерить, но нельзя украсть навсегда.

– Знаю. Вот в этом и загвоздка.

– Какая?

– Если Феликс очень точно определил безопасный срок, значит, этот срок он на ком-то проверил. Не удивлюсь, если наш друг уже в розыске, и не только у интерпола. Ему нужны деньги наличными, чтобы смыться и доработать свой агрегат. Феликс пойдет на все, чтобы сохранить секреты, и, к тому же, трусоват, значит, склонен к панике или перестраховке.

– На что намекаешь?

– Я бы, до твоего возвращения, посадил парня в кладовую под замок.

Тони задумался.

– Не надо, он обидчив как всякий зазнайка. К тому же, мы специально сняли этот дом, вместе со старыми сооружениями, лесом, болотом и прочим барахлом. Внешний выход заперт, подъемник отключен, ключ только у тебя, и никому не уйти наверх, если, конечно, ты не начнешь выпускать на волю кого попало.

– Да, место забавное. Говорят, раньше тут было личное убежище богача. Он опасался врагов, уж не знаю, может, они существовали только в его воображении. Старик умер от приступа язвы, именно там, где и прятался – в бункере посреди болота, в окружении защитных систем.

Оба замолчали, прислушиваясь к слабому шелесту вентиляции. Пространство, скрытое под слоями бетона и металлической обшивкой, нагоняло смутную тревогу, но ни тот, ни другой ни за что не признались бы в своих ощущениях.

– Все работает как часы, – с не очень искренним восхищением добавил Кот.

– Новаковский настаивает на том, чтобы я как следует свыкся с новым состоянием. Думаю, наш перестраховщик прав.

– Это тот редкий случай, когда и я с ним почти что согласен. Отдыхай. Я подежурю у трупа.

– Полегче в выражениях. Это ведь не труп, а я сам.

– Не заболей раздвоением.

– Да я уж постараюсь.

– Уходи, хватит. Иначе мы поссоримся, а я не хочу бить морду тому чокнутому парню, он ведь ни в чем не виноват.

Необъяснимая вспышка Кота почти сразу прошла.

– Извини, друг, – добавил он в смущении. – Меня сбивает с толку твоя двойственная натура.

Тони пожал протянутую руку.

– Не бери в голову. Я пытаюсь смотреть на перенос как на смену одежды. Так проще жить. Не забудь закрыться как следует. Наш медик ходит бесшумно и любит появляться без предупреждения.

– Буду помнить об этом.

Тони Лейтен протиснулся обратно в коридор, ненадолго ему почудилось, будто за поворотом мелькнула гибкая и верткая фигура медика, но Феликс растаял как морок.

Играла тихая музыка.

За перегородкой плескалась вода. Размытый силуэт перемещался по стене из подсвеченного полупрозрачного стекла.

– Вильма?

Ему не ответили. Раздвижная стена снова распахнулась, привычно отзываясь на приближение.

Девушка сидела на краю кафельного резервуара, ее босая нога с розовой пяткой касалась бурлящей поверхности. Это прохладное кипение породило насос и мириады воздушных пузырьков. Капли воды стекали по загорелым плечам, по глянцевої ткани купальника, но волосы каким-то чудом оставались сухими – коротко остриженные, густые и выющиеся от природы.

– Долго еще? – хмуро спросила она, подняла голову, и Тони в который раз дрогнул от странной смеси отторжения, влечения и печали.

Со смугло-розового лица девушки на него пронзительно и ясно смотрели хрустальные глаза – слепые и зрячие одновременно. Зрачков, не было совсем, веки двигались не часто, но то, что заменяло Вильме мимику глаз, выглядело более выразительным. Свет, преломля-

ясь на крошечных датчиках, создавал странный эффект тревожного сияния и пронзительной, нечеловеческой глубины.

– Долго еще? – повторила она и усмехнулась – улыбка получилась широкой, «от уха до уха».

Болезненное очарование тут же рассеялось. Голос девушки звучал хриловато и вызывающе – так было всегда, сколько ни помнил ее Тони. Раньше он любил размышлять, что может видеть Вильма своими датчиками, и насколько этот мир отличается от привычного для него, Кота и других. Потом он это занятие бросил – понял, что ему безнадежно не хватает воображения.

– Ты так и будешь молчать?

– Извини, задумался о другом. Пришел тебе напомнить, что завтра утром ухожу на дело. Ты довольна?

Девушка вынула гладкие ноги из воды и подтянула колени к подбородку. В такой позе она казалась статуей, которой щедрый скульптор пожертвовал бриллианты вместо глаз.

– Нет, – изрекла Вильма. – Я не довольна. Мне не нравится позиция Кота в этом деле – ты говорил с ним по душам?

– Только что. Мне показалось, что он не доверяет Феликсу.

Вильма тряхнула кудрями. Из ее глазниц струились темнота и сияние одновременно.

– Феликс слишком труслив, чтобы вильнуть в сторону, но с самим Котом будь поосторожнее – он тебя недолюбливает.

Девушка ловким, сильным движением поднялась на ноги, не стыдясь, стянула с себя мокрый купальник (черт возьми, зачем тогда было его надевать – подумал Лейтен) и зашвырнула яркую тряпицу в угол.

Потом неспешно вытерлась ладонями и надела белье и комбинезон.

– Когда видишь то, что могу заметить только я, остальное не имеет особого значения.

Тони переварил двусмысленный намек, но ничего не ответил. Она улыбнулась снова – слишком широко, поэтому не очегь красиво.

– Новая оболочка лучше, чем старая, та уже начинала тебя полнить.

– Это не надолго, максимум на две недели, – машинально отозвался Лейтен.

– Иногда мне кажется, будто неподалеку околачивается оживший труп сына этой самой дивы.

Чья-то тень – то ли Кота, то ли Феликса Новаковского, снова мелькнула по ту сторону стеклянной перегородки, но музыка глушила чужие шаги. Монотонное бречание струн складывалось в изменчивую мелодию и навевало почти приятную тоску.

– Пошли в мою комнату, поболтаем без лишних свидетелей.

На этот раз в коридоре было пусто – ни следа чужого присутствия. Они дошли до внутреннего подъемника, клеть послушно поползла вверх, стена раздвинулась, пропуская. Вильмина комната располагалась у самой поверхности. Сквозь прозрачный непробиваемый купол круглого отсека струился мутный свет пасмурного дня. Никаких признаков мебели, только роскошный толстый ковер ночного цвета, задвинутый в стенную нишу кейс с инструментами и расплющенная оболочка надувного матраса у стены. Лейтен знал, что Вильма избегает рассматривать свое лицо. Пустота ее временного пристанища напоминала ангар для дорогого устройства.

Полуденный пейзаж за стеклом оставался удивительно четким, как картина гиперреалиста – низко нависшая пелена облаков, серо-зеленая поверхность трясины, редкие и невысокие свечи мертвых стволов.

Зубчатая стена леса торчала вдалеке, подпирая унылое небо. Твердый грунт небольшого острова, окаймленного болотом, почти не просматривался – его скрывали выступы конструкции. Странную неподвижность мертвенного пейзажа подчеркивало полное отсутствие птиц и даже мелкого гнуса. Понемногу навалилась осязаемая тишина. Лейтен непроизвольно дотро-

нулся рукой до стекла – ему казалось, что он видит голограмму, хотя пейзаж по ту сторону купола, без сомнения, оставался настоящим.

Крыша отсека торчал над трясинной словно пуп.

– В документах на аренду это место называется «Сонный остров».

– Зачем понадобилось забираться в такую дикую глушь?

– Феликс все твердил, что скопления людей влияют на точность его приборов. Хорошо и то, что это место никак не связано с Эламом.

– С Эламом связано все, великий Элам суть тавро на нашей голой заднице, которое можно смыть разве что кислотой, но и тогда останется шрам от ожога – грубый и безобразный.

– Хватит!

Вильма замолчала, устроилась на ковре и поджала ноги.

– Тебе повезло, – хмуро добавила она. – Тебя трудно поймать. У тебя нет запоминающегося лица.

– Зато у меня нет и твоих талантов.

– Лесть – очень грубое и жестокое орудие, Лейтен. Чего на этот раз ты хочешь?

– Прокрути всю историю заново. Меня интересуют финансовые расчеты.

– Ты и так в курсе.

– Хочу еще раз услышать – от тебя.

– Как скажешь. У нас классическая ситуация – все или ничего. В пассиве десять тысяч кредо, потраченных на незаметный вывоз Константина, пять тысяч за аренду Сонного острова, тридцать тысяч Феликсу Новаковскому за манипуляции и советы, еще двадцать тысяч на оборудование, перевозки и прочие расходы. Круглых восемьдесят тысяч убытков – мы практически опустошили счет нашей дутой компании.

– Что в активе?

– Полмиллиона от заказчика, если ты найдешь архив. Неучтенное число кредо, которое можно получить из семейных денег, некоторое время оставаясь в шкуре близнеца.

– Почему у них такая странная фамилия – Рассвет?

– Не знаю. Наверное, псевдоним.

Вильма встала и прислонилась спиной к стене, скрестив руки на высокой груди. Неопределенный взгляд ее жутковатых глаз шарил по Тони.

– А теперь, когда ты освежил свою драгоценную память, убирайся прочь. Оставь меня в одиночестве...

Лейтен сразу же ушел.

Ночью он долго не спал и опять слушал вентиляцию – на этот раз она пела как мистраль. Перед рассветом уснул и видел во сне будущее – кресло, обтянутое красной кожей. Мертвое тело самого Лейтена. Распластанная на полу книга в смятом переплете.

Вильма, которой совсем не мешала темнота, встретила рассвет, всматриваясь своими датчиками в кусок заболоченной равнины за толстым стеклом купола. Стволы мертвых деревьев казались вешками, грубой разметкой строящегося лабиринта. Вильма жадно изучала каждый завиток и излом, ей казалось, что вот-вот, еще немного, и тайное станет понятным, и это открытие вернет ее миру гармонию и покой. За ночь не изменилось ничего. Темная аура прочно зависла над местом. Редкие пузыри газа поднимались сквозь трясину и лопались на поверхности воды, но купол легко глушил эти слабые звуки.

Вильма попыталась вспомнить прошлое, то время, когда ее глаза еще оставались человеческими, но не нашла в памяти ничего интересного. Тогда она открыла кейс и выложила на черный ковер немногие уцелевшие реликвии – пластиковую бирку, выданную в сиротском приюте, диплом технического колледжа, нательный крест с давно обломившимся ушком, помятую фотографию женщины с добрым, безвольным лицом.

Утилизатор, должно быть, за ночь справился с перегрузкой – он мягко светился индикатором.

Вильма без жалости выбросила бирку и сертификат. Крест сунула в нагрудный карман комбинезона. Ее не видел никто и, перед тем, как уничтожить вещи, она украдкой поцеловала фотографию.

* * *

– Подъем, мои друзья бездельники! Вы можете проспять банкет...

Голос Кота разнесся по внутренней связи и наполнил веселым гулом пространство яруса.

– Проснись, Тони, скотина, Элам ждет тебя! – орал Кот, отбивая зажигательный ритм пальцами.

Было немного слышно, как по связи вяло ругается Вильма. Она делал это по-латыни, чем изрядно развеселила Лейтена – половины слов он даже не понял.

– Мне снился изумительный сон, а вы помешали, – недовольно заспанным голосом отозвался Новаковский. – Куда теперь?

– В банкетный зал – отметим начало акции и повторим роли.

Лейтен встал, оделся, и инстинктивно отпрянул – прямо из стены навстречу ему шагнул смутно знакомый человек. Опешивший поначалу, Тони сухо рассмеялся, сообразив, что не узнал собственное отражение в зеркальной панели.

– Наверное, Кот прав, мне действительно нужно беречь здоровье.

Банкетный зал, просторный, но с низким потолком, блестел посудой и серебряными приборами. Должно быть, догадливый Кот нашел и активировал бытового кибера – пыль из зала за ночь исчезла, скатерть постирали, теперь она напоминала Тони тонкий нетронутый снег. В той, прошлой жизни, точно такой снег выпадал стылými ноябрьскими ночами, покрывая поле на окраине города.

– ...Не люблю креветок в кляре, – брюзгливо заявил Новаковский. – Пусть твой кибер подаст мне что-нибудь еще. Наверняка, он стряпал все это из консервов. Соус разведен из порошка, персики неправильно разморожены, а поэтому слишком вялые.

Вильма задумчиво крутила в пальцах стаканчик с «Шериданом». Куда она смотрит своими искусственными глазами, толком не поймешь, Тони и не пытался угадывать.

Кот чуть-чуть перебрал выпивки, его выдавал особенный прищур, пылающие щеки и постоянное стремление взять на себя роль председателя.

Лейтен не стал возражать – призрак полузабытого жутковатого сна все еще портил ему настроение. «Никогда в жизни не сяду в красное кресло». Кот тем временем твердил свое, назойливо повторяя до мелочей разработанные подробности. Вильма взяла пальцами сочную вишенку, съела ее и стрельнула косточкой в сторону механика, но он даже не заметил подначки.

– Контакты только в случае крайней необходимости. Никакого прямого текста, одни условные фразы. Вильма проводит Лейтена сквозь паспортный контроль и в случае неудачи помогает ему отступить. Вы, наш дорогой, наш бесценный друг доктор Новаковский, останетесь здесь – ученый парень такого калибра слишком большая ценность, чтобы рисковать им в Эламе...

Новаковский уже понял подоплеку и сухо усмехнулся, но спорить не стал, должно быть, смирившись в душе с неделями заточения.

Кот угрюмо ссутулился.

– Я буду держать под контролем саркофаг – твердо заявил он. – Вы, Феликс, не соскучитесь в одиночестве. Охранные системы, которые нам оставил покойный богач, очень кстати, они будут задействованы, так что возвращаться без предупреждения не советую – ни тебе, Лейтен, ни тебе, девушка.

Вильма, зрячая и слепая одновременно, повернула голову в сторону председателя.

– Я согласна, Котик, но не слишком ли много ты на себя берешь? Мы все равны, и на этом стоит компания.

Подвыпивший техник несколько секунд в упор рассматривал девушку – его взгляд блуждал по ее лицу, темным коротким кудрям, потом прошелся по крепкой фигурке.

– В конце концов, хотя бы во время акции кто-то должен оставаться главарем. Ты не можешь командовать, Вильма, и не только потому, что женщина. Просто ты всегда держалась на отшибе и была сама по себе. Я не знаю, что делается в твоей башке и что прячется за бриллиантовыми глазами...

– Кот, заткнись.

Техник обернулся к Лейтену и нечаянно уронил тарелку. Остро тренькнуло разбитое стекло.

– А ты, Тони, мог бы стать лидером, но у тебя кишка тонка со мною драться. Давай, бери нож, если хочешь, и попробуй меня завалить. Я сверну тебя голыми руками и даже не стану калечить, чтобы не ломать операцию в Эламе.

Лейтен брезгливо скривился.

– Я бы мог тебя проучить, но точно знаю, что твоим языком сейчас ворочает выпивка. Ты ведь проспился, приятель, а потом сделаешь свое дело на совесть, потому что очень хочешь денег, и потому что без компании ты ничто. Если хочется немного побыть вожаком – валяй, развлекайся. Через несколько часов наше общение ограничится условными фразами, так что форсить в роли босса любому из нас остается недолго.

Краска медленно сползла со щек Кота. Он сел и отставил недопитый стакан. Стояла тишина. Ловкий и гибкий, Феликс потихоньку отодвинулся в сторону, по-видимому, отыскивая пресловутый пятый угол, в котором принято укрываться от драки.

– Ладно, пусть будет мир, мы оба погорячились, – буркнул заметивший это Кот, но руки не подал.

Тони кивнул ему и ничего не ответил. Кибер суетился под ногами у смутившихся людей, собирая тонкие и хрупкие осколки хрусталя.

– Очистить пол. Я собираюсь танцевать, – дерзко заявила Вильма.

А потом играла музыка, та самая, вчерашняя, под которую девушка плескалась в бассейне. Ласково гудели струны, навевая приятную грусть. Техник оттер соперника и по-хозяйски обнял Вильму за талию. Через минуту они крутились в танце и чему-то смеялись, словно позабыв про недавнюю стычку.

Лейтен отвернулся. Он зажмурился, заново вспоминая недавний сон. Чужую незнакомую комнату. Открытую книгу с надломленным переплетом. Красное откидное кресло. Свое мертвое тело на нем.

Глава 2. Визит к Кантеру

Элам. Несколько дней спустя

Вильма ненавидела этот город и втайне боготворила его – за громаду легких на вид конструкций, за гений архитекторов, за суету воздушных такси и за особую атмосферу всеобщего безразличия. Этот муравейник позволял затеряться бесследно. В тот день Вильма предпочитала выглядеть как все. Защитные очки скрывали ее глаза и душу.

Лайнер снизился и гималайская панорама изменилась, ледник сверкнул под косыми лучами вечернего солнца. Бирюзовые краски вершин незаметно переходили в зеленоватые оттенки горных лугов, чтобы на дне ущелий сгуститься в синие непроницаемые тени. Контраст между нежно-голубым сиянием гор и древним зловещим словом – Элам¹ трогал Вильму.

Влага живых век попала на электронные глаза и безобразно испортила картинку. Магия красоты моментально исчезла – бирюза и зелень жалко поблекли, превратив мир в однообразное подобие черно-белой фотографии.

Вильму замутило. Если придерживаться голой правды, ELAM – только искаженное неправильным произношением сокращение. «Восточная лаборатория автоматического менеджмента»², имя организации, подаренное городу навсегда.

Конструкции мегаполиса приблизились, теперь они выглядели словно циклопический посев, гигантские ростки башен, грубо продырявившие землю долины.

– Сядем в аэропорту, и пойдет обычная суета с формальностями, черт бы их побрал, – буркнул сосед в кресле напротив. – Не понимаю тех маньяков, которые имплантируют чип в черепную коробку – мой мозг отчаянно протестует против такого надругательства. Я позаботился, чтобы микросхему мне ввели в подмышку. Это довольно удобно, но боязно, что он сломается.

Вильма вежливо согласилась. Кулон на батарейке – пурпурное сердечко величиной с ноготь, мерцал пониже ее ключиц. Сосед, который оказался лысоватым и добродушным на вид толстяком, вошел в раж и не унимался, назойливо рассказывая очередную историю.

В горной долине темнеет рано, там, в густом и живом полусумраке мерцали бесчисленные огни Элама. Толчок заставил вздрогнуть корпус лайнера, накатила минутная тошнота. Вильма подавила неприятные ощущения и вернула ноги в туфли – ступни отекали и это удалось не сразу. В ту же минуту снаружи заиграла музыка, в ласковой мелодии встречи преобладали звонкие колокольчики, а потом тонко и грустно запела синтезированная свирель.

– Вот мы и дома. Пойдемте на выход. Здесь очень ленивые рабочие киберы. Вам помочь с багажом?

Вильма придала своему лицу чувственное и туповатое выражение. Мягкая и полупустая, очень легкая, ее сумка валялась под креслом.

– Не надо, меня встречают.

Толстяк двинулся прочь с самым разочарованным видом. За трапом повеяло техногенной жарой, а за кромкой поля – теплой влагой и стриженной зеленью. Куртки пассажиров флюоресцировали, позади бордюра из стриженных кустов тоже едва заметно, но очень нехорошо мерцало.

«Это барьерное поле, которое окружает площадь. Его не видит никто, кроме меня».

Вильма подобралась. Людской ручеек тек в сторону арки. Неспешно работало устройство сканирования. Толстяк, тот самый, из лайнера, с чипом под мышкой, потел от волнения и жары в первых рядах. Сразу за ним в очередь пристроился худой, долговязый парень в пестром сви-

¹ По случайному совпадению – название древнего государства, в котором, если верить легендам, жили колдуны.

² Eastern Laboratory of Automatic Management

тере. Свитер, весь в продуманно расположенных дырочках, обвис мешком. Небрежность, скорее всего, составляла неотъемлемую часть стиля и усиливала общее впечатление беззаботности.

Толстяк тем временем робко причитал: то ли в схемах арки что-то не заладилось, тот ли чип и вправду подкачал. Возня вокруг него просматривалась плохо, обзор скрывали пестрые спины. Вильма отступила немного в сторону, выбрала хороший ракурс, дала команду глазным датчикам и три раза сфотографировала арку прохода – сначала общий вид толпы, потом доброе лицо толстяка и, наконец, сама не зная, зачем – долговязого парня в свитере.

Толстяка оттеснили. Он хватался за карманы, скорее всего искал там сердечное. Толпа беззлобно посмеивалась, пережидая, пока освободится проход. Парень в свитере переступил с ноги на ногу и немного переставил свою сумку.

Тревога охватила Вильму. «Дева Мария, только бы не случилось ничего особенного. Только не в Эламе, не здесь и не сейчас, когда я в деле». Она еще не поняла, что происходит – а толстяк уже обмяк, провел пухлой рукой по груди и рухнул ничком, но не на бетон площадки, а на долговязого, который развел руки, чтобы поддержать чужое тело. Лысый с силой вцепился в плечи помощника и осел еще ниже – датчики Вильмы сами собой поймали это движение и приблизили картинку. Хватка явно выглядела чересчур крепкой для больного.

– Посторонитесь!

Все смешалось. Дикий крик перекрыл и тихую музыку, и шелест голосов. Датчики Вильмы отчетливо показали, как толстые пальцы плешивого поспешно раздавили что-то под грубой вязкой чужого свитера. Скорее всего, это был дублирующий чип, то ли вживленный под кожу парня, то ли просто приклеенный к его руке пластырем.

В ту же секунду сломанное устройство перестало подавать ложный сигнал, сработал настоящий чип, ограждение сомкнулось и парень отлетел в сторону в неожиданно умелом, отточенном прыжке. Отброшенный толстяк сгруппировался и мягко шмякнулся на бетон.

Толпа брызнула в стороны. Вильма, остолбенев, смотрела, как парень в свитере пробежал несколько шагов, потом ловко перепрыгнул через живую изгородь, собираясь удрать.

Упал он от столкновения с невидимым защитным полем. Судорожным движением перекатился на спину, выгнулся дугой.

Вильма отвернулась, чтобы *не знать*, но зрительные датчики, подчиняясь подсознательному желанию, успели сделать последнюю серию моментальных снимков, и эти снимки в ее сознании слились в один короткий ролик.

Длинное и худое, еще живое, но уже парализованное тело беглеца на бетоне.

Угловатый силуэт, словно бы возникший ниоткуда – темная униформа, лицо под затемненным щитком, видны только яркие губы.

Второй похожий силуэт, развернутый в полупрофиль, безликий и грозный.

Чтобы обменяться короткими фразами, оба ловца сдвинули головы. Слов Вильма слышать не могла, но легко читала их по губам.

«Ты вызвал ему санитарную машину?»

«Да, но парень все равно испекся. С гарантией инвалид»

«Я не понял, чего ради было ломиться сквозь барьерное поле»

«Может быть, он не думал ни о чем, а, может быть, просто захотел сдохнуть»

«Лайнер только что сел»

«Да, поэтому барьерное поле города не удержало бы человека.

На подобный случай тут и стоит внутренняя защита»

«Смешно до коллик»

«Мне тоже, особенно если помнить, что за пределами внешнего барьера лед».

Она заплакала от жалости. К счастью, очки прикрывали эти слезы. Толпа рассосалась очень быстро. Силуэты ловцов ушли, толстяк-провокактор тоже.

Музыка еще позвенела и постепенно притихла вдаль – стереоэффект чистого успокоения получился потрясающе правдоподобным. Сеялся мелкий теплый дождик, этот подарок городской климатической установки. Чей-то кибер метнулся в сторону из-под ног, Вильма вытерла с лица воду и слезы, закинула сумку за плечо и зашаркала туфлями по направлению к арке, к двум сутуловатым технократам, судя по петлицам – служащим двенадцатого ранга³.

– Да вы опаздываете, девушка.

Таможенники посмотрели на ее двусмысленный кулон и перебросились парой непонятных фраз на смешанном языке.

– Ваш индекс-чип в порядке?

– Думаю, да.

– А не будет наглостью спросить, куда вы его прицепили?

Вильма молча коснулась пальцем головы, потом сдвинула очки и, свирепо прищурившись, показала зрительные датчики. Тот из технократов, который выглядел помоложе, сдавленно ругнулся. Лучик фонаря уперся Вильме в лоб. Лицо мужчины в неверном свете казалось белесым и жирным блином.

– Проходите.

Мерцая поддельным сердцем, она без спешки миновала арку детектора и чуть спустя со злорадством услышала чужой неуверенный голос. На этот раз Вильма хорошо разобрала диалект. Говорили на сильно изуродованном непали в смеси с английским.

– Вильма Кантер. Ты как следует ее прочитал?

– Фью! А ведь все чисто. Виза не неограниченный срок. Пожизненные привилегии.

– Откуда эта птичка? – тихо спросил второй.

– Из гнезда одного технократа. Сама, кстати, индексом не блещет. Но на повседневных делах это не сказывается. Семейный клан – великая сила для таких вот выскочек, потому что умники из Совета не дают подросших внучек в обиду.

– А я, пока не увидел стеклянные зенки, подумывал приударить за ней.

– Пока не лезь. Когда станешь хорошим мальчиком, она возьмет тебя в маникюрщики.

Оба развязно засмеялись, а Вильма уже уходила сквозь теплый мелкий дождик и капли отскакивали от непроницаемых стекол очков...

* * *

Несмотря на потрясение после инцидента в аэропорту, Элам в который раз заворожил Вильму. Цепь озер, почти не различимая в сумерках, тянулась по дну долины. Погруженные в амортизирующую жидкость фундаменты башен, темнели как панцири гигантских черепах. Километровые конструкции жилых ярусов, испещренные точками огней, уходили вверх. Вильма непроизвольно дотронулась до собственной шеи возле кулона – и тут же отдернула пальцы. В разных культурах жесты толкуют по-разному. То, что уместно среди своих, чужаку покажется намеком на совсем иные намерения. Вильма родилась в Эламе, но этот город вобрал в себя слишком много разнообразия, чтобы по-настоящему сделаться домом.

³ Всего пятнадцать рангов. Пятнадцатый – самый низкий.

– Хорошая погода для вечеринки, – пробормотала она тихо, но разборчиво.

Кулон опять призывно мигнул. Прохожий, худой подросток, засмеялся и задел ее плечом.

Внутри украшения скрывался миниатюрный передатчик. Что, собственно, не запрещено.

Ретранслятор прибыл грузовым багажом и, вероятно, уже действовал. Где-то по ту сторону эфира и очень далеко от ночного города, настороженный Тони Лейтен принял условный сигнал и ответил почти мгновенно – тихий звук его голоса шел из дужки темных очков, прямо в ухо Вильмы.

– Горного тумана сегодня нет.

Ответ означал благополучие для них обоих, и Вильма, отбросив страх, беззаботно окунулась в теплое искусственное ненастье улицы.

Ближнее озеро окрасилось цветными огнями фонарей. Созданный лишь для того, чтобы защитить башню от сейсмических колебаний почвы, резервуар заодно предоставил свою поверхность десятку лодок. На борту пели, причем, довольно приятно – ночь сильно приукрасила пьяные голоса.

Толпа, слегка усталая от сырости, с унылой старательностью веселилась под дождем. По мокрым дорожкам и мостикам брели призрачные из-за тумана силуэты выпивох. Вовсе не призрачные бутылки и банки прибирал одинокий кибермусорщик. Контейнер на его тележке давно уже переполнился, но в полуразумной машинке что-то разладилось, и она продолжала с бесполезной старательностью собирать и ронять хлам.

Город спал. Так дремлет огромное существо, не злое, а только равнодушное... Вильма подумала, что все эти мужчины и женщины, ночные любители приключений, на деле только часть сновидений полуразумного города. Гигантские башни подавляли, темные озера, напротив, создавали ложное чувство пустого пространства. И то, и другое вместе соединялось в то своеобразное и непередаваемое, что называется ночной Элам.

– Здравствуй, место проклятое.

Вертокое такси притормозило рядом. Вильма забралась в кабину и отчеканила адрес на эламы, стараясь выговаривать слова как можно правильнее. Неясное бормотание, неправильно понятое автопилотом, грозило обернуться бесконечным блужданиями по островам.

Машина очень плавно скользила над самой землей, два-три раза сворачивала под арки, должно быть, давая возможность сканерам считать индекс-чип пассажира. Это означало приближение к кварталам, закрытым для посторонних, но чип Вильмы был самым настоящим, и она позволила себе задремать, всецело положившись на память автопилота. Гироплан⁴ сел на почву, аккуратный кусок газона темнел под ногами. Ближняя дверь раздвинулась, как только Вильма подошла поближе. Уличный фонарь сначала включился, а потом сам собою потух за ее спиной, видимо, система управления башней работала в режиме экономии. Точно так же, на короткие минуты, необходимые, чтобы найти дорогу, осветился кусок холла: шахматный порядок плит на полу, панели темно-зеленого камня и металлическая, изломанных очертаний скульптура.

Скульптура выглядела жутковато. Возможно, она изображала человека. С точки зрения Вильмы изображение походило на виселицу.

Узкую, словно пенал, трубу лифта можно было легко рассмотреть сквозь прозрачную оболочку.

– Зачем вы здесь?

Спрашивала женщина – одиноко стоящая, с точеной фигурой, затянутая в серебристое вечернее платье. Скорее всего, дама уединилась, чтобы незаметно покурить. Шум вечеринки прорывался едва-едва, его глушили стены чужих апартаментов. В тонких пальцах незнакомки подрагивала и осыпалась невесомым пеплом сигаретка.

– Я внучка генерал-координатора, его зовут Влад Кантер, – пробормотала Вильма.

Красавица грациозно кивнула. Бриллиант в ее серьге дрогнул, кольнул чужачку радужным лучиком.

– Генерал в последнее время в плохой физической форме. Быть может, вы прибыли как раз вовремя, моя дорогуша. Хотя смерть – это такая гостья, от объятий которой принято уклоняться.

⁴ Легкий летательный аппарат личного пользования

Вильма струсила. Сказанное на изощренном элами⁵ имело двоякий смысл. Гостьей была она сама, Вильма, и оставалось неясным, назвали ли ее причиной близкой смерти координатора или только персоной, призванной для последнего «прости».

Разозлившись, она откинула на темя очки и обнажила зрительные датчики.

Странно, но красавица не шокировалась, а лишь проявила умеренный интерес. Было в этой эламитке нечто странное, мерцающее.

– Изящно, в бижутерии на твоём личике чувствуется стиль – только и заявила она.

Растерянная Вильма вернула очки на нос. Странность незнакомки объяснилась очень просто – от женщины тонко, но вполне определенно несло дорогим алкоголем.

– Прощай, милочка, – бросила красавица-эламитка. – Мы еще увидимся.

Уходя, Вильма принудила себя не спешить...

И дальше, дальше, по черному мрамору пола, по переходу на головокружительной высоте, мимо холодно-прозрачной стеклянной стены, за которой тлела бесчисленными огнями панорама долины.

Арка, за которой начинались личные апартаменты генерал-координатора, оказалась не перекрыта – ни створок, ни защитного поля, ни видимых для глаз Вильмы контрольных лучей.

Она осторожно ступила на ворсистую поверхность покрытия, и через несколько шагов видимая реальность исказилась.

Сначала погас свет. Потом пол зыбко дернулся под ногами – видимо, сработал внутренний подъемник. Вильма опустила веки, по привычке, мысленно досчитала до семи и снова открыла глаза.

Торжественно-мрачный колорит интерьеров башни исчез. Ни мрамора, ни металла, ни стекла. У самых колен цвел розовым садовый шиповник. Полосатый шмель, весь в пыльце, ерзал в чашечке цветка. За кусты бузины убежала деревенская песчаная дорожка. Небо, бледно-голубой чуть прохладный купол умеренных широт, навис как раз в том самом месте, где по логике вещей должен находиться потолок.

Светило и пригревало сверху, но видимый источник тепла не показывался. Солнца не было совсем, зато на маленькой стриженной лужайке еще покачивались недавно покинутые садовые качели.

Вильма пошла по тропинке вглубь сада, с интересом прислушиваясь к пisku и чириканью в траве. Растения выглядели очень естественно, она сорвала и растерла в пальцах стебель мятлика – зелень на пальцах оказалась настоящей.

– Влад!

Знакомый сухой и надтреснутый голос ответил ей почти сразу.

– Пройди немного вперед, дорогая, я уже давно хотел посмотреть на тебя.

Заросли бузины расступились. Домик, деревенский коттедж с красной крышей, ждал гостей под искусственным небом. Сам Кантер сидел на веранде – сухопарый невысокий человек, до сих пор ловкий и подтянутый, но с чуть заметными признаками слабости. Эта *исчерпанность* проглядывала в особом положении спины, в похудевшей шее. Руки генерал-координатора, еще сильные, красивых очертаний, лежали на коленях и слегка подрагивали. С прошлой встречи волосы Кантера отросли на пару сантиметров и поседели до оттенка горного льда. Он встал, чтобы обнять Вильму.

– Мне пришлось слишком долго ждать.

– Я вижу, ты переделал свои комнаты. Шмель настоящий?

– Настоящие тут домик, все растения до единого и климатическая установка. Можно даже загорать. А шмель всего лишь проекция. Объем пространства вокруг – художественная

⁵ Язык эламитов.

иллюзия. Труднее всего оказалось скрыть стены башни. Знаешь как это сделано? Сухой туман специального состава используется как экран для проекции пейзажа.

– Ты звал меня, чтобы похвастаться?

– Нет, моя милая. Просто наш разговор слишком важен для меня, чтобы я начал его вот так вот, вдруг, не разглядев тебя как следует.

Вильма стащила очки, убрала их в карман и уставилась на генерал-координатора сияющей чернотой датчиков.

– Я все такая же.

– Время покамест терпит. Сходи, прими душ, если хочешь, можешь поспать после перелета...

– Сколько тебе лет, Кантер?

– Достаточно для печали, но не достаточно для ума.

Внутри коттеджа пахло немного деревом и очень сильно – кофе. Вдоль потолка передней комнаты шла мореная балка. Пустой холодный маленький камин сиял чистотой и изразцами. Кабинка деревенского душа отыскалась на задворках. Гоняя по коже мыло, Вильма призадумалась, куда же девается вода. Слив, скорее всего, отправлялся в санитарные коммуникации башни, но здесь, поблизости от жимолости и шиповника, под куполом ложного неба и крышей поддельного деревенского домика, ей казалось, что мир Элама – сложная схема, которая существует только в воображении.

Брошенный кулон алел среди одежды. Там же валялись очки. Если Лейтен в этот момент повторял одну из заученных фраз, его старания, конечно же, пропадали даром, но Вильма нарочно позволила себе пять минут бездумного блаженства.

Стал радужным и легким мир.

Шмель покинул кусты и показался по ту сторону покрытого водяными потеками стекла...

Кантер, возможно, так и сидел на веранде. Вильма не слышала за стеною его шагов. Мысли о том, что предстоит сделать, заставили ее не торопиться, она намылилась еще раз, согнала с себя пену с запахом мимозы, неспешно выключила воду и вытерлась хрустящим полотенцем.

Потом оделась, поправила влажные кудри и вернула на место кулон, он в такт пульсу просигналил беспокойным биением. Исчезло легкое искажение мира в виде радужного марева, для этого понадобилось только протереть зрительные датчики.

– Эй, Кантер!

Он покорно ждал у пустого камина – фигура и лицо без возраста, волосы цвета льда и холодные пустые глаза.

– Я не устала. Если у тебя ко мне разговор, лучше начать его прямо сейчас.

– Изволь. Если ты хочешь, прямо сейчас и начнем.

Он закурил и закашлялся, отложил сигарету в сторону и задумчиво уставился на бесполезный камин.

– Излишним будет говорить, что ты моя собственность. Нет, не в юридическом смысле, – генерал-координатор медленно качнул головой. – Времена рабовладения давно канули в прошлое, оно и к лучшему. Но я создал тебя, я вложил в это дело то лучшее, что оставалось во мне самом. Не хочу, чтобы эти небольшие остатки ты выплеснула словно помой. Где ты болталась последние месяцы?

– Отдыхала в Европе.

– Ты была нужна мне здесь, в Эламе.

– А ты не звал меня.

– Ладно, пускай. Я, конечно, просто старый дурак, который вообразил, будто ты догадаться сама.

– Я сделалась взрослой и больше не хочу играть с тобою в недомолвки – скажи прямо, чего ты хочешь?

Генерал кивнул. Упадок сил опять проступил во внешности координатора, хотя Кантер казался невероятно моложавым – прямая спина, ни намек на полноту.

– Ты дочь моего сына, пусть и внебрачная, но я признал тебя.

– Знаю. Еще я знаю, что родилась уродом с мертвыми глазами, что ты нашел меня в приюте, поднял из грязи и сделал принцессой настолько, насколько деньги могут облагородить случайного пригулка. Не сомневаюсь, что я не единственное незаконное потомство моего папочки. Странно только, что ты так промахнулся и выбрал именно меня – этакое неблагодарное дерьмо.

– Вильма, Вильма! Какой изощренный цинизм... – генерал-координатор стиснул пальцы так, что побелели ногти. – Оставь свои домыслы. Ты моя внучка по крови, этого достаточно для моего внимания и заботы. То, что ты принимаешь за уродство, для понимающего разума – лишь отличие. Я давным-давно почти равнодушен к оттенкам девичьего имиджа, но если бы такая похвала не звучала смешной в устах деда-технократа, я бы сказал, что ты прекрасна. Пусть, по-своему, но это яркое и несомненно обаяние. От того, что ты такая независимая, эти чары только усиливаются.

– Кантер, ты льстец.

– С тех пор, как мой сын погиб в горах, я объективен как никогда. Не хочу собственными руками повредить семье.

– Ты хочешь, чтобы я повторно прошла интеллектуальные тесты?

– Да.

– Хочешь, чтобы я получила-таки права избирателя и занялась политикой?

– Да.

– Ты думаешь, что в предыдущий раз я схитрила и нарочно ухудшила результаты?

– Да.

– Ты считаешь меня сумасшедшей?

– Нет, только немного взбалмошной. И я не слишком тороплю события – думай, только не затягивая размышления до бесконечности. Ты цветешь словно роза, у тебя почти вечность впереди, вот только я не протяну и года.

– С ума сойти, а я-то думала, что ты бессмертен.

Вильма опустила темные очки на переносицу, отсекая хрупкий уют гостиной, камин, бледное лицо Кантера, фальшивый мир деревенского полуденного лета. Где-то за пределами иллюзорной пасторали стояла ночь Элама. Там, среди башен и холодных озер, под искусственным дождем, бродили бледные тени, и кибермусорщик безрезультатно совал в переполненную тележку мятые жестянки.

– Хватит. Не хочу с тобою спорить, мне просто нужно отоспаться. Пусть будет между нами мир, я снова пройду все тесты – почему бы нет? Ты, наверное знаешь, что *вовне* сейчас полночь. Давай, обговорим детали завтра.

Кантер, который немало поразился такой покладистости внучки, возможно, заподозрил подвох, но он ничем не выдал удивления. Только коротко кивнул и непринужденным движением, с подобием прежней кошачьей ловкости поднялся с кресла.

– Комната ждет тебя. Я закажу киберу луну и звезды. Это будет не ночь Элама в утробе башни, а совсем другая – в такой ночи шуршит трава, поют цикады, падают метеоры, и за маленьким окном вьются крошечные мошки, но они тебя не тронут. Отдыхай спокойно, дорогая девочка. А на утренние часы можно выбрать розовую зарю. Или нет – пожалуй, тебе больше подходит заря золотая.

«А Кантер-то романтик, – решила про себя сильно озадаченная Вильма. – Вот ведь льстивый подлец! Красиво лжет и сам себе поверил. А, может, и не лжет, а только обманывает себя,

но это как раз хуже всего. Мне уже его жаль, а если я совсем размягчусь, то не смогу сделать то, что сделать необходимо. И Тони не попадет в Элам. И весь риск *дела* и все наши муки окажутся напрасными».

– Спокойной ночи.

Она ушла в свою комнату. Кровать тоже оказалась колоритной – высокой, с грудой пестрых подушечек и толстым одеялом. Все добротное и настоящее. Из дерева, полотна и пуха.

* * *

Сон пришел сразу. Во сне она «видела» себя в приюте – темный мир слепорожденного ребенка, наполненный образами-символами без цвета. От символов веяло покоем и легкой тоской. Почти все они казались безопасными.

Сон прервался как бы от толчка извне, и сразу сменился другим. На этот раз Вильма увидела себя двенадцатилетней, на дорожке в парке клиники, в легком платье, с датчиками, к которым она еще не успела привыкнуть. Мир видимой формы, свежий, как маргаритка. Летний полдень. Высокая стена из металлических прутьев.

Один прут оказался выломанным. По ту сторону стены сидел пес – поджарый, с коротким обрубком хвоста и почти без ушей. В его красноватых миндалевидных глазах тлея естественная неприязнь зверя. Слюна с красноватого языка тонкой ниточкой стекала на сухой асфальт. Вильма попятилась, чувствуя опасность голыми руками и ножками, слишком тонкой шеей подростка, всем своим существом, и мягкое тепло лета только усиливало эту тревогу.

Собака шевельнулась, собираясь войти в пролом и напасть, но сон уже смешался, почти перестал быть сном и превратился в обычные воспоминания.

Вильма видела себя в технологическом колледже – знакомые стены, полузабытые приятели, ровные, одинаковые ряды столов. Тонкие уловки. Шпаргалка, записанная в память глазного протеза. Текст подсказки, невидимый другим, тянулся поверх высокомерного лица экзаменатора словно бесконечные титры плохо переведенного фильма. Она могла бы без риска повторять это мошенничество неоднократно, но воспользовалась им всего два раза.

Один раз, чтобы понять и полнее ощутить свое тайное превосходство.

Второй раз, чтобы сознательно ухудшить результаты проверки.

Она хорошо помнила разочарование и плохо подавленную ярость Кантера. «Дура! Я ждал большего, ты обошлась мне слишком дорого». Вильма держалась спокойно, сияющая чернота искусственных глаз хорошо прятала ее душу.

Провал был не полным – полный вызвал бы ненужные подозрения. Итоговый индекс вкупе с происхождением давал ей возможность въезда в Элам, кое-что значил, но сводил ее избирательное право к жалкой отметке в тысячу раз меньшей, чем индекс самого Кантера.

Для генерал-координатора это было сокрушительным поражением, и его раненое самолюбие не выдержало. Вильма с равнодушием фаталиста, холодно посверкивая искусственными глазами, вытерпела оскорбительный разнос.

Они расстались полуврагами, но не без муки в душе: внучка из-за того, что так и не смогла полностью избавиться от благодарности, Кантер – потому что вопреки рассудку успел привязаться к непутевому «созданию рук своих».

Непутевое создание много путешествовало, и деньги координатора на ее счет приходили исправно. Однажды, в уютном и чистом городке Европы, она наконец встретила увидела свою мать. Эта обретенная мать оказалась бесцветной робкой шатенкой. Она и ее черноволосая яркая дочь посидели за столиком кафе, неловко имитируя доверительный разговор, и расстались уже через час, крепко пообещав друг другу встречаться как можно чаще. Обе понимали, что никогда больше не увидятся. Вильма в тот же вечер перебрала в ночном клубе и, шутки

ради, соблазнила первого встречного. Шутка оказалась довольно жестокой, потому что превратилась в полугодовой роман, который кончился ссорой и неприятными объяснениями.

Порой Вильме казалось, будто логика ее жизни напоминает порванную нить, и стоит только связать концы...

Впрочем, деньги от генерал-координатора всегда приходили вовремя. Иногда это вызвало подобие угрызений совести – очень неприятное ощущение. Чтобы заглушить беспокойство, Вильма читала что придется, загружая тексты прямо в глазной протез, через крошечный разъем возле края века – ровные строки ползли поверх картины дюн и пасмурного моря, поверх интерьеров отелей и пейзажей «исторических» уголков старой Европы, эти строчки вообще покорно накладывались на любую картинку.

ELAM, [И-Эл-Эй-Эм], существует неверный вариант произношения «ЭЛАМ».

1. Восточная лаборатория автоматического менеджмента: организация, изначально ставившая целью технически целесообразное управление экономикой и глобальным сообществом. Широкие исследования по кибернетике и телекоммуникациям. Работы в области генетических технологий. Поиски альтернативных источников энергии завершились частичным успехом на пятнадцатом году существования. Широкое использование методов стимулирования человеческого разума. Управление образованием. Система интеллектуальных цензов компетентности под названием «тесты Госалы» поначалу введена как внутренняя мера, позже широко используется как всеобщий способ выявления и поощрения умственно одаренных персон.

2. ЭЛАМ – государство-мегаполис. Права эламского гражданства и связанные с ним привилегии предоставляются по результатам теста Госалы, пройденного лично, в Центре Тестирования на территории Элама.

...Они встретились совершенно случайно – Кот, Тони и Вильма. Бывают случайности, которые в самом своем зарождении несут черты неизбежности.

Все трое с треском провалили избирательный тест. Кот – потому, что тяжело презирал теорию, Вильма – потому что пыталась бежать от навязанной ей Кантером судьбы. И только Тони Лейтен оставался темен.

Последнего, по его же словам, ошеломляло собственное невезение. Казалось, система тестирования ополчилась против бедолаги. Возможно, у Тони еще оставалась авантюрная жилка, которая попросту мешала сосредоточиться.

Разнородная троица превосходно ладила в одном – не получив престижного места в общественной иерархии, все они пытались превратить недостаток в преимущество. Некоторое время жизнь, не отягощенная борьбой за величину индекса, шла как по маслу. Кот где-то подрабатывал, Вильме казалось, что эта скрытая от нее сторона жизни Кота не вполне законна, но деньги у него то иссякали, то появлялись снова. Лейтен вяло готовился к очередной попытке пройти тест индексации и проживал остатки наследства. Вильма широко тратила деньги координатора Кантера – так широко, что накануне очередного взноса почти всегда оказывалась на мели.

Они перепробовали все легальные развлечения и кое-что из того из безусловно запретного. Так прошло полтора года, Лейтен провалил свой тест, а Вильма приняла первый безжалостный удар судьбы.

В тот день, когда осенний дождь острыми струйками брызгал в стекла отеля, она прочитала короткое неожиданное письмо. Кантер не считал нужным озвучить его, Сеть принесла только невыразительный текст:

В связи с существенной переменной обстоятельств, твое содержание прекращается раз и навсегда. Работу ты сможешь получить у меня, в Эламе, до конца этого года. Если данное предложение не будет принято, я слагаю с себя всякую ответственность и предоставляю тебе свободу.

К.

Вильма беззвучно выругалась и быстро стерла сообщение, потому что не умела отомстить иначе. Кантер оказался по-своему прав, и этого нельзя было отрицать.

Кот выслушал, обещал помочь, а немного позднее в подробностях описал что, когда и как требовалось сделать. Этот же Кот сам подправил ее глазной протез, встроив куда надо миниатюрный блок фотосъемки. Вильма неплохо разбиралась в технической стороне дела и вполне одобрила улучшение. С неделю пришлось привыкать.

Еще через семь дней она, в числе прочих, не очень многочисленных, но и не то, чтобы совсем малочисленных гостей бродила по комнатам частного музея. Картины занимали ее мало, пока Вильма не заметила полотно, исполненное странной экспрессии – кучи облаков цвета красного золота, из которых встают контуры башен покинутого города. Облака отчасти походили на окрашенный огнем дым. Люди, жалкая цепочка согбенных темных фигур, брела вдоль нижнего края картины. Золотой ураган бил им в лица, развевал полы мужских плащей и истерзанные волосы женщин.

Вильма прочитала табличку:

Armageddon

Она отошла в сторону, сделав, однако, пару снимков на память.

Темперы с гималайскими пейзажами и голубоватая Канченджанга восхитили ее ум, но не тронули воображения. Перед самым уходом она прошлась по комнатам еще раз, ленивой походкой, снимая подряд окна, косяки, общую планировку и, отдельно, места, где могли находиться датчики...

...Частную коллекцию обокрали через месяц. С визитом брюнетки в темных очках преступление не связывал никто, да она и сама не знала, куда Кот подевал отснятые материалы.

Денег хватило еще на полгода.

Потом были и другие эпизоды, в которых тройственная компания действовала необычайно успешно. Для Вильмы это стало подобием охоты – щекочущее нервы развлечение, в котором важен не столько результат, сколько сам процесс. Роли распределились естественно, подбирал заказчиков основательный, лишенный воображения Кот, Тони Лейтен тоже пришелся кстати – он, с его фальшиво-безобидным имиджем легко входил в доверие. В решающий момент за дело бралась Вильма. Акции отличались логическим разнообразием и никогда не сводились к насилию, оставаясь только некой разновидностью умной игры.

Однажды, попивая любимый «Шеридан» в полужнакомой компании, Вильма задумалась, внимая разглагольствованию случайно затесавшегося туда юриста.

На следующий день она вошла в Сеть, переписала в память зрительного протеза уголовное законодательство и запустила поиск по словам «мошенничество» и «хищение». То, что там обнаружилось, охладило азарт сообщества на целых два месяца.

Потом деньги кончились в очередной раз, и криминальное действие двинулось дальше своим чередом.

Окончательный слом наметился только на следующий год – первым устал, как ни странно, Кот. Он слегка похудел, нервно чистил ногти и усиленно поглощал выпивку. Пьяный Кот выглядел развязно и, вместе с тем, жалко. Неведомый для Вильмы мир заказчиков дышал за его спиной. Что-то разладилось в делах и «администратор» предложил троице расстаться. Навсегда, и, если удастся, после финального дела, которое обеспечило бы всех троих на долгие годы.

Вильма с видимой беспечностью согласилась. Именно тогда она заметила в душе в Тони подавленный страх, который скрывался очень глубоко, в самой сердцевине, искусно прикрытый имиджем обаятельного разгильдяя. Они вдвоем обсудили возможные пути отступления, но поначалу не нашли ничего приемлемого.

– Я ненавижу Элам, – однажды сказала Вильма.

– Почему?

– Он символ неравенства, от которого я не могу избавиться.

– И это говоришь ты, любимица фортуны?!

– Конечно, это говорю я, а не кто-то еще. Неравенство вошло в мою кровь и мои кости, в моем черепе болтаются мысли о том, кем я могла бы стать без глазного протеза и подачек Кантера.

– Я думал, ты ему благодарна.

– За что? Тут голый расчет. Он и думать обо мне не думал, пока мой отец не погиб в горах.

– Твой отец тогда тоже жил в Эламе?

– Да. Я никогда его не видела. Пока он жил, я не имела глаз. Когда он умер, и про меня вспомнил Влад Кантер, и мне вставили дорогостоящие протезы, тело отца уже исчезло в ледниках. Можно сказать, что его похоронили Гималаи.

– Тебе лучше помириться с дедом-координатором.

Вильма намотала на палец тугой черный завиток волос.

– Не хочу лизать им задницы. Все люди имеют равную душу, тест придумали те, кто недостатки по части честности пытаются компенсировать избытком наглости.

– Вильма, Вильма! Что ты несешь! Будь у меня твои способности, и такие же удобные для «списывания» глаза, и дед-координатор, я бы не стал выламываться и попросту поднял то, что положили к моим ногам. Но я-то не ты, а всего лишь недоучка художник, которому никогда не пройти проверки. Нужная куча знаний, которые просто не помещаются в моем черепе.

Они, впрочем, не поссорились, и очередная афера раскручивалась все серьезнее. Феликс Новаковский, которого отыскал все тот же Кот, четвертым присоединился к компании.

В следующие недели Вильму тоже начал усиленно посещать страх. Он приходил бессонными ночами и стоял у ее изголовья. После переезда на Сонный остров страх только усилился и дошел до нестерпимых приступов, тогда она, втайне от компаньонов, стала принимать таблетки, которые, вызывая легкое оупение и снимали тревогу. Идея с близнецами представлялась безнадежной – не столько по сложности исполнения, сколько из-за неучтенных последствий. Фигура нанимателя, заказчика преступления, оставалась за кадром. Пожалуй, это пугало сильнее всего.

– Не бойся, не бери с меня пример – как-то сказал Вильме Лейтен, интуитивно пронзительный, как все люди, не чурающиеся творчества. – Стоит мне влезть в дом «брата», и я получаю ключи к отступлению. Через его вход в Сеть мы заметем все следы. Кем бы ни был наш наниматель, он не эламит, значит, не сможет распутать весь клубок, и мы благополучно исчезнем, как только получим деньги.

Вильма успокоилась, потому что Тони говорил правду, она понимала это.

Сейчас, под покровом поддельной ночи, в поддельном сельском коттедже, устроенном внутри настоящей башни, страх вернулся, но прежней власти уже не имел. Внучка Кантера тихо встала и запахнула халат, потом босиком прошла по комнатам, стараясь не производить лишнего шума. Как и следовало ожидать, терминала внутри домика не оказалось – Влад не любил допускать Элам в свое внутреннее пространство.

– Тебе что, не спится? – раздраженный голос координатора раздался слева.

– Ты забыл дать мне стакан. Я хочу выпить водички.

– Зайди на кухню, там найдется все. Если понадобится, можешь найти и больше – в шкаф встроено устройство доставки.

Вильма отыскала пресловутый шкаф и приготовила себе молочный коктейль, потом вернулась в комнату, залезла под толстое одеяло и, досчитав до ста, задремала без снов.

Глава 3. Экспериментатор

Элам, ресторан «Восхождение», утро следующего дня

Дневной город меняется и производит совершенно другое впечатление, чем ночной – в этом легко убедиться, проведя пару часов на открытой платформе ресторана «Восхождение». Площадка для любителей острых ощущений без видимой опоры (невидимая не в счет) висит на высоте птичьего полета. Можно без помех рассматривать суету прохожих. Датчики Вильмы давали возможность укрупнить картинку, и оценить ее как в общем, так и в мелких деталях. Дух ночного беспутства уже развеялся. Людская масса состояла в основном из мелких офисных служащих, которые вышли поразмяться в перерыв, не довольствуясь виртуальным отдыхом или иллюзорными пейзажами внутри башен. С точки зрения Вильмы фигурки внизу смахивали на статистов освященного спектакля, которые уже осознали провал главной звезды и без толку суетятся, не имея шансов выправить положение.

Плечи внучки Кантера, сквозь тонкую алую блузку, холодил сквозняк. Она поймала несколько профилей крупным планом и вдруг поняла, что сильно ошибается. В целом эламиты держались с достоинством, но вот с напыщенным высокомерием – крайне редко. В толпе почти не было глупых лиц.

«Вот он, любуйся, отбор по индексу в действии».

Вильма перегнула через ограждение, чтобы взять удачный ракурс – ребенок в собственном маленьком гироплане с брызгливым и серьезным личиком – и не заметила, как за ее столик подсели.

– Вильма Кантер, я не ошибся?

Пришел именно тот, кого она ждала. Прежде и единожды Вильма уже видела это правильное лицо, правда, всего лишь в записи, но для искусственных глаз разница между непосредственным восприятием и техническим изображением не важна.

– ... Дин Шеннон, психотехнолог. Обер-координатор Шеннон. Простите, если невольно заставил вас ждать.

– Пустяки, извиняться не за что. Это я оторвала вас от более серьезных занятий.

– Серьезные дела скучны, а занимательные несерьезны, и только увидев вас, я поверил, как можно совместить несовместное.

Тот, кто проговорил этот комплимент, сам впечатление производил.

«Он старше меня примерно лет на десять, но словно не имеет точного возраста. Блондин, причем на глаз национальное происхождение не определить. Крупный, но двигается легко. Мог бы стать хорошим бойцом, если бы захотел. Умный и расчетливый, к тому же без потребности лишний раз демонстрировать это. Выдержанный и спокойный. Одним словом, эламит».

– Я внучка координатора Кантера.

Кулон на груди в очередной раз мигнул рубиновым сиянием. Шеннон, не чета толстяку в лайнере, в декольте пялиться не стал. Вильме это понравилось.

– Генерал-координатор – мой давний друг, – коротко сказал он. И добавил:

– Очень жаль, что придется помешать вам любоваться видом.

– Предлагаете начать работу прямо сейчас?

– Если вы не возражаете. Я вырвался из Центра на десять минут, только затем, чтобы забрать вас.

– Я могла бы добраться самостоятельно.

– Да, конечно. Но вашего индекса не хватит, чтобы одной пройти в здание. К тому же, вы моя приглашенная гостя...

– Кантер очень хорошо отзывался о вас, – осторожно сказала Вильма и почувствовала, что промахнулась.

Шеннон улыбнулся – широко, приветливо, тщательно пряча иронию. Улыбка на правильных губах вышла лишь чуть кривоватой.

– Мы работали вместе... одно время. Кантер по натуре теоретик, он умен, наверное, даже гениален, когда имеет дело с теорией искусственных систем. А я склоняюсь к практике и развитию естественных способностей человека. Мы, признаться, расстались, но расстались добрыми друзьями.

Вильма встала и едва заметно поежилась. Высота внезапно испугала ее. «Ходячая логика. Влад говорил мне, что Шеннон психотехнолог. С таким не поспоришь, с ним не знаешь, как и держаться»

– Пойдемте.

Она уже знала подоплеку встречи, и знала, что Шеннон ее знает тоже. Кантер (дела которого в недрах технократической системы всегда оставались широки и многообразны) вызвал старого знакомого, чтобы помочь Вильме пройти тест.

Такое намерение, не являясь преступным, вызывало очередное двоякое толкование.

Задачи подбирали вычислитель – машина Госалы. Каждый тест оставался уникальным, хотя все они признавались одинаковыми по сложности. Считалось, что угадать невозможно, Вильма допускала возможность злоупотреблений вокруг индексов, но до сих пор любые подозрения оставались без доказательств. Кантер, впрочем, отправляя ее к другу, выглядел несколько смущенным – словно протекционист, пойманный за руку приятелем.

– Чем мы займемся? – хмуро спросила она у Шеннона.

– Я обещал Кантеру развить ваши скрытые способности.

– О!..

Эламит снова улыбнулся – на этот раз открыто и обаятельно.

– Полностью согласен – мера, очевидно, излишняя, но, поверьте мне, безопасная как чистка зубов и довольно забавная. По крайней мере, в том виде, в котором я ее предлагаю вам. Над собою я проделывал подобное десятки раз и, как видите, не совсем еще лишился рассудка...

Вильма оценила юмор и влезла в гироплан, приткнутый к ресторанной площадке. Белевая невыразительная официантка скептически посмотрела вслед, но с места не тронулась. Можно было не сомневаться, что чип неплательщицы уже прочитан и стоимость обеда попросту вычтут с банковского счета Вильмы.

Под свист ветра машина отчалила и перестроилась в нижний ряд.

– Это далеко?

– Да совсем недалеко, мы почти на месте.

Они поднялись чуть повыше и влетели в люк башни, видимо, Шеннон пренебрегал наземными дверями.

– Тут черный ход, – подсказал он.

– Ваш мозговой метод на самом деле создает гениев?

– Да как сказать... Влад преувеличил и сочинил легенду, в которую сам же и поверил. Я пользуюсь установкой, чтобы отдыхать – она и в самом деле забавна. В целом считается, что каждый сеанс развивает скрытые способности, но нет способа сравнить сбывшиеся и несбывшиеся варианты. А потому я так и не уловил эффекта, – довольно беззаботно объяснил эламит.

Вильму передернуло от необъяснимой неприязни. Ненадолго показалось, что ожило устройство связи, потом она поняла, что Тони молчит, и этот звук – лишь едва уловимый шум крови самой Вильмы.

Изнутри Гуманитарный Центр выглядел блеклым, просторным и холодноватым. Машину Шеннон припарковал на внутренней стоянке, прямо в башне. Сотрудники, изредка в униформе, а чаще в гражданской одежде, шли мимо Вильмы, на брюнетку с пылающим кулоном

никто не обращал внимания, и несколько полезных снимков тут же отложились во встроенную память ее поддельных глаз. Занятый своими мыслями координатор не заметил манипуляции.

Они вместе свернули под арку и вошли в кабинет Шеннона. Раздвижная дверь сомкнулась за их спинами, отрезая ропот многих голосов, шаркающие звуки шагов, сияние полудня в широких окнах. В комнате оказалось пусто, спокойно, и очень тихо. Блеклый пустой телеэкран занимал стену напротив стола. Вильма присела на кушетку и вытянула ноги. Она не видела себя со стороны, а если бы могла увидеть, то оценила бы несоответствие собственного яркого облика холодной чопорности Гуманитарного Центра.

– Начнем прямо сейчас. Пожалуйста, возьмите этот шар в ладони.

Шар (величиной с крупный грейпфрут) оказался теплым и немного зернистым на ощупь.

– И все?

– А вы ожидали, что я подключу вас к компьютеру?

– Пожалуй.

Шеннон устроился напротив нее, на стуле. Его ладони, спокойные и уверенные, красивых очертаний, оставались пустыми – ни пульта, ни кнопки, никаких признаков явного контроля.

– Расслабьтесь, не надо слишком напрягаться, думайте о приятном – этаким теплым ветром в душе.

Вильма опустила веки. «А ведь это никакая не стимуляция мозгов, – вдруг отчетливо и тоскливо осознала она. – Это проверка на правду. Кантер не поверил мне. Он понимает, что перемена в моих воззрениях произошла неестественно быстро. Он отправил меня, собственную внучку, к Дину Шеннону – к этому холодному расчетливому типу, чтобы пошарить в моей душе и вывернуть ее на изнанку. Именно так выворачивают карман, одно движение, и вот – из него сыплется то, что еще не успело потеряться: пыль и труха, нечто серое, потом дешевый талисман, купленный на распродаже и, под конец, потраченная на две трети губная помада.

Дин, развлекается... А для Кантера собственная внучка только средство. Он может счесть меня мусором и сбросить со счетов, может уничтожить, а может и пригреть, если эксперимент с шаром его устроит. А я не знаю, как держаться, и о чем думать, тоже не знаю. Я понятия не имела, что такое вообще возможно...»

– ...расслабьтесь, ей богу, у вас напряжено лицо, так не годится, если не будет расслабления, придется начинать процедуру заново...

Разум Вильмы метался в поисках выхода. Ладони, которые держали шар, слегка вспотели, их покалывали невидимые иголки, ощущение получалось неприятное, словно от укусов голодных муравьев. «Вот ведь дрянь, и откуда оно черпает энергию?».

Шеннон, похоже, подстроился и легко угадывал чужие мысли.

– Здесь многие устройства подпитываются так, – с деланной любезностью отозвался мучитель.

«Самые дорогие мои воспоминания – для него только лабораторная грязь».

Вильма проглотила горький комок в горле.

– Мне щиплет руки – это нормально?

– Пощипывание – только результат вашего внутреннего неприятия, – мягко отозвался

Шеннон.

«Господи, хоть бы случилось что-то и помешало ему...»

Темные очки, откинута на темя, скользили по волосам, внутри дужки едва слышно шуршало – далекий голос Тони казался встревоженным:

«Горного тумана сегодня нет»

«Как он некстати вылез, я ничего не могу ответить».

Вильма попыталась выгнать размытый образ Лейтена из своей памяти. Ненадолго ей показалось – Шеннон почувствовал что-то интересное и весь напрягся в предвкушении раз-

вязки. Она чуть приоткрыла веки. В щелочку можно было наблюдать правильное, спокойное, немного ироничное лицо эламиты.

– Мне кажется, лучше снять эти очки, – внезапно сказал он. – Очки нам только мешают.

Координатор сократил дистанцию, довольно развязно протянул руку, коснулся головы Вильмы. Она сжалась. Через секунду темные очки оказались у него в руке. Шеннон сложил их и убрал в собственный внутренний карман.

– Попробуйте представить себе ветер, – вежливо, но настойчиво попросил он.

Она снова сомкнула веки.

...Горячий вихрь нес острые песчинки, песчинки кололи лицо, бесчисленные мелкие уколы походили на укусы муравьев... Напор воздуха пригибал волю и изнурял зноем. Голова казалась пустой изнутри и легкой – вот-вот унесет.

– Все в порядке, – подбодрил Дин.

Вильма (та, которая существовала только в воображении) попыталась отвернуться. Ее невесомая сущность заколебалась и немного подвинулась, почва (почвой оказался песок) вязко поплыла под ногами.

– Замечательно...

Этот довольный как мурлыканье голос отрезвил. Вильма из видения обрела жесткость, своей неподатливой сущностью отодвигая ветер. Он, однако, не прекратился, а сделался злее, песчинки опять хлестнули по скулам.

...Мучительно хотелось заслониться. Она перебирала воспоминания, подыскивая среди них подходящий заслон. Абстрактные, безвидные впечатления слепого детства на какое-то время придержали опаляющий жар урагана, но не выдержали и, сметенные, распались на вполне зримые рваные клочья. Жизнь в колледже запомнилась слишком пресной, чтобы сгодиться в дело. Память услужливо подсовывала совсем другие образы – Лейтена, Новаковского и Кота, пасмурный день над серым островом посреди болота, влагу, прохладу, изломанные очертания деревьев, тесные переходы и мрачную роскошь подземелья, стеклянный саркофаг и бледное лицо спящего в нем человека.

«Вильма!»

Сначала показалось, что Тони зовет ее, но очки с секретом оставались в кармане у координатора. Скорее всего, очередную шутку сыграло воображение. «Сейчас этот эламит догадается обо всем». Калейдоскоп воспоминаний крутнулся еще раз. Внучка Кантера нацелилась, и выхватила из пестрой картинке-мозаики один-единственный подходящий крошечный осколок.

Им оказался летний полдень в сквере клиники. Солнце раскалило высокий забор с выломанным металлическим прутком. По ту сторону стены, в густой пыли, сидел уже знакомый поджарый зверь. В его красноватых миндалевидных глазах тлела ненависть. Слюна с языка вязкой ниткой стекала на асфальт. Вильма-из-видения в отвращении попятилась, чувствуя опасность всем своим существом и счастливое свечение лета только усиливало эту тревогу.

Собака напряглась, собираясь напасть.

Вильма хорошо видела миг начала прыжка – напряглись рельефные мышцы под рыжей шкурой, широкие, сильные лапы (сначала передние, потом задние) оторвались от земли, взбив напоследок фонтанчики невесомой пыли.

В следующий миг мощный удар сбил ее с ног. Горячий скользкий язык коснулся шеи, острые клыки впились в кожу...

В полупустой комнате Гуманитарного Центра перепуганный Шеннон склонился над потерявшей сознание внучкой генерал-координатора.

– Эй, помогите! – позвал он в растерянности, и, конечно, не получил ответа.

«Что я наделал – я ведь, пожалуй, перегнул палку, когда пошалил с ее сознанием. Это было слишком интересно. Чертовски яркие образы – меня и самого проняло насквозь».

Сейчас, когда датчики девушки оставались прикрытыми веками, ее странность почти исчезла. Яркий, с точки зрения Дина довольно вульгарный кулон в виде сердечка, короткими вспышками мерцал где-то пониже ее ключицы. На лице, напротив, застыла маска дерзости и облагороженного упрямства. Спутанные темные кудри свесились на лоб.

«Бог мой, как дико я промахнулся – если внучка Кантера заболеет, то скандал с самим Кантером мне гарантирован. Даром, что старый лицемер лично попросил меня вмешаться...»

Переживая минутное раскаяние, он поднял безвольное тело на руки и переложил на кушетку. Нащупал пульс – тот бился слабо, но ровно. Ненадолго Шеннону показалось, будто шнурок от украшения впился девушке в шею и мешает дышать, он попытался найти застежку, не нашел, вынул из кармана летней куртки складной нож, перерезал нить и убрал беспокойное сердчишко с глаз долой – в ящик стола. Красное мигание прекратилось и это ему понравилось.

«Если я сейчас по связи вызову врача, огласки не миновать. В лучшем случае инцидент сочтут кабинетно-любовной интрижкой садистского толка, а в худшем пойдет слух о том, что я в своих исследованиях слишком вольно экспериментирую с непосвященным в дело материалом. Все это, конечно, мелочи, но накануне голосования в Совете любые сплетни могут обернуться скандалом».

Он подобрал брошенный шар и запер его в сейф, нашел на стеллаже миниатюрную диагностическую аптечку и прижал контакты чипа к голому запястью девушки. Должно быть, в этот день против Шеннона восстала сама судьба, но лекарственный картридж устройства оказался безнадежно пустым – характерный запрос на подзарядку сразу же легким покалыванием отозвался в пальцах координатора. Тогда он, проклиная в душе неудачу, отпер дверь и выбрался в светливое пространство коридора.

Как оказалось, кстати. Верный соратник, доктор медицины Ливнев, ждал чего-то у стены. Вид доктор имел рассеянный, задумчивый и неприкаянный, хмурился, морщился, и смотрел словно бы сквозь Шеннона, куда-то вдаль.

– Ты в порядке?

Они охотно пожали друг другу руки.

– Пожалуй, не совсем в порядке – с утра чертовски трещит башка.

– И у меня та же самая проблема. Вчера вечером был на банкете у нашего специалиста по эвтаназии.

– А по виду свеж.

– Я вынужден считаться с этим чудаком, он не признает отказов. Но, явившись на вечеринку, мне не следовало там дегустировать несовместное. Я не выполнил это золотое правило, и, как следовало ожидать, нажрался. Так что, моя покладистость – вот настоящая причина моих несчастий.

– Могу только посочувствовать.

– Кстати, у тебя не найдется запасного картриджа к аптечке?

– Психотропный или общего профиля?

– Общего, – с непроницаемым видом отозвался обер-координатор.

– Несколько штук завалялось у меня в кабинете. Тебе прислать *это* через доставку? Я все сделаю, – пообещал Ливнев, хотя на деле даже не тронулся с места.

Шеннон, однако, на уловку не поддался.

– Если хочешь, я зайду за картриджем вместе с тобой, – любезно предложил он.

Ливнев нехотя сдался и побрел к лифту, неспешно передвигая ноги – как видно, и вправду чувствовал себя неважно. Обер-координатор оглянулся на дверь кабинета. Он испытывал сильнейшее желание захлопнуть и заблокировать ее, но для этого пришлось бы сначала

войти внутрь, чтобы забрать ключ. Ливнев не отличался деликатностью и вполне мог завалиться следом или заглянуть в проем и обнаружить бесчувственную Вильму.

Шеннон пережил короткий миг колебаний, после чего решил – и быстро зашагал к лифту, едва ли не подталкивая медлительного коллегу перед собой.

– Тебе, друг, должно быть, и вправду плохо, – вяло прокомментировал доктор медицины.

В кабинете Ливнева Шеннон забрал то, что хотел, прервал беседу и заторопился обратно, с легким удивлением замечая, как нарастает в душе иррациональная тревога. Лифт оказался занят. Элегантная женщина в пурпурном, ожидая кабинку, вертелась перед зеркальной панелью. Она норовила рассмотреть в зеркале свой акцентированный костюмом зад, а потому выгибала шею так, что живо напомнила Шеннону фламинго.

Он едва сдержался, чтобы не наградить незнакомку грубой репликой. Лифта все не было. Постепенно паника охватила координатора.

Он прикинул количество этажей, который отделали его от Вильмы и незапертого кабинета – нечего было и думать, чтобы воспользоваться лестницей. «Похоже, я тут застрял на полчаса», – понял взбешенный Шеннон и не сдержался:

– Вы прекрасны, словно видение человека в абстинентном синдроме⁶.

Красавица перевела непонимающий взгляд в сторону Шеннона, но он уже мчался по лестнице, перешагивая через две ступени...

Координатор влетел в свой кабинет через десять минут и вздохнул с облегчением. Вильма заторможенная, но вполне живая, устроилась в его кресле и смотрела на телеэкран, задумчиво накручивая на палец завиток темных волос.

– Вы знаете, я был в отчаянии, я помчался за помощью – примирительно и жалобно сказал Шеннон. – У вас акклиматизация, так что оставим эксперименты – они вам не идут. Простите меня, ради бога, за неудачную попытку помочь. Мне кажется, ваши способности не нуждаются в улучшениях.

Вильма вздрогнула и отвернулась от телеэкрана. Шеннон проследил за ее реакцией и оторопел.

«Она включила экран – зачем? Конечно, чтобы посмотреть передачу и расслабиться после неприятных впечатлений. Девушка искала обычного развлечения».

То, что показывал экран внутренней связи, к развлечениям не относилось никак. Камеру, которая посылала изображение, воткнули где-то под потолком. Сейчас она искоса давала панораму знакомого координатору небольшого зала, выхватывая зеленоватые халаты, деловито ссутулившиеся спины двух медиков, стойку с оборудованием, толстый шнур, уходящий в розетку на стене, и длинный, прозрачный ящик-саркофаг.

Человек в саркофаге спал или находился в беспомощности. Он не был мертв – обручи ребер медленно приподнимались в ритме дыхания. Лицо оставалось спокойным, бледные опущенные веки не дрожали.

Если бы Шеннон мог проникнуть в тайну событий недавнего прошлого, он понял бы переживания Вильмы безо всякого шара. Внучка координатора хорошо помнила залегшую под серой пеленой облаков топь, бункер, секретную комнату, и другой саркофаг, в котором точно так же теплился чужой, похищенный и запертый разум. Аналогия больно поразила ее. Не жалостью, нет, скорее страхом.

Но Шеннон, пронизательность которого вовсе не была абсолютной, видел совсем другое – нестати включившийся экран и расстроенную девушку в кресле. Она была красива – яркой и теплой красотой активного существа, которую не портили странные глаза. Напротив, с точки зрения Шеннона они придавали Вильме сходство с бабочкой-нимфалидой и делали это

⁶ В похмелье

сходство законченным и совершенным. Вульгарное сердечко на шнурке, брошенное в дальний ящик, больше не мешало его восприятию.

«Вот извращенец, – подумала догадливая Вильма. – Ему нравятся мои датчики».

– Поищите очки, ладно? – неуверенно попросила она.

– Да вот они... О, господи!

Искренне расстроенный, обер-координатор пошарил в кармане и вытащил то, что осталось: раздавленное левое стеклышко пошло трещинами, дужки перекошились.

– Не припомню, как это произошло, – с искренним раскаянием заявил он. – Должно быть, я слишком торопился и ударился о двери. На мой дилетантский взгляд, эта вещь не совсем в вашем стиле. Она вам очень дорога? Может быть, отдадим ее в ремонт?

– Не надо!

Вильма живо представила, чем чреваты попытки ремонта.

– Бросьте в мусор, – моментально нашлась она. – Этот фасон устарел еще в прошлом сезоне.

Шеннон покорно сунул сломанную безделушку в отверстие утилизатора.

Между тем Вильма втайне прикинула, насколько просветил эламанита эксперимент с шаром. Получалось, что вообще не просветил – обер-координатор держался очень открыто, хотя и выглядел несколько обескураженным. «А нужно ли спрашивать про саркофаг? Если спрошу, он решит, что интерес спровоцирован обычным любопытством, а если промолчу, моя замкнутость будет выглядеть подозрительно».

– Что это было? – она кивнула в сторону мертвого, угасшего экрана.

– Ах, это...

Шеннон замялся.

– Съемки реанимационной установки, – ответил он после короткого колебания. – Замечательная вещь, можете мне поверить, но внешне выглядит просто ужасно – как хрустальный сказочный гроб.

– Понятно. А вы не подбросите меня в резиденцию Кантера?

– Конечно, да. Рабочий день кончился – с меня довольно.

Фраза «а что вы делаете сегодня вечером» вертелась у него на языке, но показалась самому Дину слишком банальной.

– Кстати, показать вам город? Это можно сделать по дороге.

– А разве его можно показывать?

– Почему бы нет?

– Элам слишком большой, и слишком погружен в себя. Этакая самодостаточная громадина. Мне кажется, настоящая жизнь идет внутри башен, а то, что снаружи, глядится до странности однообразно.

– Не знаю, наверное, все дело в том, что вы не видите город так, как вижу его я. Говорят, привлекательность в глазах смотрящего.

Она отметила, что обер-координатор произнес слово «глаза» мимоходом, несколько не смутившись. По-видимому, он не имел в виду физического различия между нормальными людьми и Вильмой.

– Так вы собираетесь вместе со мной посмотреть кое-что интересное?

– Пожалуй, да.

– Тогда садитесь в гироплан.

За пределами Центра Шеннон вырулил повыше, похолодало, Вильме сделалось зябко. Она заметила пропажу кулона, но никак не могла вспомнить, видела ли вещицу на себе до момента возвращения Шеннона в кабинет. Лейтен наверняка пребывал в тревоге, но внучка Кантера ничего не могла поделать и с этим – она только слабо надеялась, что шнурок попросту

перетерся, после чего сомнительное сердечко тихо затерялось среди мелкого канцелярского мусора.

«Если этот эламит подберет кулон и разберется в его устройстве, то наверняка разоблачит меня, и тогда Кантер узнает все, его непрочная приязнь растает как снег на солнечном склоне, а расплата будет такой, что подумать страшно».

– Куда мы, все-таки, летим?

– Сейчас узнаете.

Гироплан пошел вниз, от иллюзорного падения захватывало дух.

Шеннон вылез первым и протянул Вильме руку.

Местечко, где они оказались, должно быть, находилось за пределами застройки, неподалеку от барьерного поля. Горы, лиловеющие и громадные, терпеливо ждали за невидимой границей Элама. Впереди смеркалось, солнце садилось где-то за спиной. Багровый диск уже наполовину скрылся за силуэтами башен. В этот час разница между рукотворными громадами башен и камнем хребта незаметно стиралась. С гор принесло тревожный запах пустоты и льда.

– Пойдемте, – позвал Шеннон.

Дорожка, выложенная плоскими осколками гранита, уходила в сумерки, деревья, не очень высокие, но живописные в своей неухоженности обступали ее с двух сторон. Порода растений Вильма не рассмотрела, во всяком случае, выглядели они достаточно дико и естественно.

– Это предверие.

Сумерки давали Вильме преимущество. В неверном свете она видела лучше эламита. В двух десятках шагов впереди выгибалась арка из дикого камня, сразу за нею редковатая темнота вечера сгущалась до смоляной черноты, оттуда исподволь и чуть-чуть потянуло настоящей серой.

– У вас есть фонарик?

– Он нам не пригодится.

С каменной арки свисали рваные плети вьюнка. Вильме показалось, что по дорожке совсем недавно прошло крупное животное. Сломанные стебли сочились вязкой влагой. Оторванный и разможенный лист подсыхал на гранитной плите.

– Это место за пределами города? – не уверенно спросила внучка координатора.

На этот раз Шеннон промолчал.

Он шагнул в темноту и тут же исчез. Оставшаяся в одиночестве Вильма попыталась понять соль шутки с исчезновением. Снова повеяло серой. Животное грузно возилась в глубине зарослей.

– Шеннон!

Молчание.

Она еще раз присмотрелась к мертвому листу на граните. Сок из растения уже вытек. Раздавленная оболочка сморщилась и высыхала. Процесс распада происходил невероятно быстро.

– Ладно, эламит проклятый, тебе меня не запутать.

Вильма вслед за Дином переступила грань темноты. На долю секунды ее датчики ослепли, не помогало даже ночное видение. Казалось, что мир исчез, придавленный бесконечным океаном перевозданной ночи. В пустом пространстве мерно колыхались тоска и покой. Им не было ни конца, ни края, ни в смысле протяженности, ни в смысле философическом. Несчастливая как никогда Вильма захлебывалась от уныния и неизбежности. Она попробовала плакать, но горячие слезы на щеках остывали и оказывались холодны словно лед. Она не испытывала никакой боли и не понимала природы своего отчаяния, к тому же, не задумывалась о природе.

Все это – видение, темнота и мучительная депрессия продолжались совсем не долго.

– «Оставь надежду всяк, сюда входящий», – насмешливо протянул Шеннон.

– Ну и шуточки у вас.

Арка и темнота напрочь исчезли. Внучка координатора находилась в непонятном, но явно не под открытым небом расположенном месте. В клубящейся коричневой дымке терялись дальние стены и свод помещения. Оно ощущалось огромным, но все же замкнутым и глухим. Скрипели базальтовые осколки под ногами. Их острые края Вильма чувствовала даже сквозь толстую и упругую подошву удобных ботинок. Место, которое в целом походило на преувеличенно просторную пещеру, небольшое озеро лавы пополнялось из неширокой реки. Веяло жаром и серой. Исток огненного потока прятался вдалеке.

– Где это мы?

– В аду, – снова иронично ответил Шеннон. – Вы умны и не наивны, и я не решился приглашать вас в рай – что бы ни значил заслуженный рай по ту сторону жизни, устроенный тут, на земле, он выглядит банально и пошло до невообразимости.

– А вообще-то он есть?

– Есть.

– А это настоящее? – Вильма ткнула пальцем в сторону озера кипящей лавы.

– Не сомневайтесь, – невозмутимо отозвался эламит. – Кстати, не советую пробовать на ощупь – вы серьезно сожжете себе пальцы.

– А я уже подумала, что все это виртуальность.

– Бог с вами, чтобы виртуальность для вас?! Никакой такой иллюзорной дешевки – я не решился бы сопрягать свою гостью с компьютером.

– Не верю.

– И не надо. Все оно настоящее. По крайней мере, в какой-то мере, то есть существует не исключительно в наших мозгах, и не только в виде сигнала.

– Натура слишком громоздка.

– Конечно, – Шеннон охотно кивнул, и тут же добавил. – Это, безусловно, громоздко, безумно дорого и технически совсем не рационально... Но это роскошно именно потому, что подлинное сделано и до вызова расточительно. Излишества нужны, потому что они создают праздник и истребляют избытки, которые в противном случае сами по себе превратились бы в катастрофу.

– Занятная идея, – буркнула внучка генерал-координатора. – Я где-то такое уже слышала.

Огненная река, смесь оранжевого пламени и черных сгустков пемзы, лениво текла у ее ног. Черные рогатые тени медленно перемещались по ту сторону. Одна из фигур – косматая, похожая на фавна, приблизилась, стала очень заметной, и напоказ помешала пламенеющую жидкость багром.

«Сгинь, собака зла».

Черт, похоже, понял и потрусил прочь, унося багор в лапах, а на заднице – бичеобразный хвост, увенчанный кисточкой.

– Он тоже настоящий?

– Мутант.

Обер-координатор смотрел куда-то вдаль, в хаотически извитые клубы едкого дыма. Тени этих подземных облаков блуждали по камню купола.

– Вы верите в переселение душ? – внезапно спросила Вильма.

– А вы?

– Я просто верую.

– Понятно. Значит, классически, в западном смысле религиозны.

– Ад на земле – кошунственная затея.

– Почему?

– В нем нет грешников.

– А вы хотели бы посмотреть на их мучения?

– Нет!

– Почему?

– Ни один человек не имеет морального права приговаривать другого к аду.

Шеннон сухо усмехнулся.

– Может быть. Но то, что вы видите – только парк развлечений. Тоска и безнадежность на пороге игрушечного ада – лишь часть проходящих развлечений эламитов. Вам что, затея не нравится совсем?

– От чего же, антураж занятный... Зло очень часто выглядит ярче добра, иначе все выбрали бы добро, не задумываясь.

Шеннон понял и, похоже, согласился с охотой:

– Прежде чем окончательно освоить то или другое, нужно хотя бы знать приблизительно, из чего выбираешь. Кстати, о переселении душ...

Вильма, которая хорошо помнила о саркофаге, насторожилась, но технократ продолжил как ни в чем не бывало:

– Переселение души – идея древних, она же – основа индийских религий. Я бы удивился, если бы вы поверили в это.

– Почему?

– Идея исходит от другого мироощущения. Она предполагает вечность впереди, многократные попытки жить заново, и почти бесконечные поиски смысла. А такие натуры, как вы, любят все делать окончательно и бесповоротно – раз, хлесть, и отсекли навсегда. И при том, не имея пути к отступлению.

И снова непрощеный страх посетил Вильму.

«Он сломал мои очки и выбросил кулон – почему я решила, что Шеннон ни о чем не догадывается? Он мог догадаться и догадался наверняка. Просто занят своими мыслями, выдавать меня Кантеру прямо этой ночью или немного потянуть время».

– Хотите немного пройтись?

Она охотно согласилась, и не выдала страха. Вильма стояла перед Дином, выпрямившись, и скрестив руки на груди – ловкая и подвижная от природы, и эта естественная грация маскировала напряжение, вызванное тревогой.

Координатор не мог спрятать лицо, а потому сохранял на нем самое любезное, разве что чуть насмешливое выражение.

– Держитесь за мою руку.

Мост через огненную реку оказался без перил – просто базальтовая балка. Силуэты бесов по ту сторону исчезли.

– В вашей карманной преисподней тоже девять кругов?

– Конечно. Все, как положено, полноценное развлечение. Я не древний поэт, и не стану водить вас по всем девяти, так что мимо некоторых пройдемся беглым шагом.

Вильму опалило жаром огня. Мост под ногами крошился, но не сильно. Огонь адской реки пек лопатки, зато прямо в лицо тянуло сквозняком. Очередной порыв (откуда ветру взяться под землей?) принес горсть ледяной крупы.

– Мне холодно, Шеннон, давайте вернемся.

Эламит не выпускал руку Вильмы, он переплел свои пальцы с пальцами Вильмы, и все попытки выдернуть кисть отзывались только болью в суставах.

– Если уйдем сейчас, то пропустим самое интересное.

Вихрь усилился, гудело всерьез – пронзительно и уныло. Пару раз Вильме показалось, что она видит призрачные тени, уносимые потоками воздуха, они казались прозрачными и бесплотными, но имели объем и на удивление человекоподобную пластику.

– Кто эти ребята?

Психотехнолог не ответил. Одно из лиц, перекошенное страданием, приблизилось. Уголки широкого рта доходили почти до ушей. Существо вполне осмысленно заглянуло Вильме в лицо, губы зашевелились, невнятно проговаривая непристойное слово.

– Ну, это уже слишком.

Дин молча отмахнулся от привидения. Произведенное этим жестом воздействие смяло и перекосило призрак. Он развернулся к эламитам тощей спиной и метнулся в клубящуюся мглу грязного тумана.

Ветер стихал. Туман то ли распался, то ли превратился в дым... Да, именно в дым – там, в отдалении курились костры, и паленая трава пахла пронзительной и сухой пепельной горечью. Пропал потолок пещеры, незаметно сделавшись сумрачным небом северного лета. Пологий плоский холм хорошо скрывал источники огня – видны были только последствия горения – серые клубящиеся хвосты. Длинный и правильной формы ров тянулся вдоль подошвы кургана. Земля, выброшенная из него, уже успела порости сорняком, осыпаться и оказалась отчасти смытой дождями. Аура запустения окутала и холм, и равнину.

Внучка координатора вздрогнула – заунывно выли псы. Этот вой начинался на хриплой ноте рычания и заканчивался пронзительными и переливающимися тоскливыми звуками. Потом он сменился чавканьем и грызней. Буро-рыжие гладкие спины сновали среди высоких стеблей шпорника. Одно из животных обернулось, показав плоскую голову хищника. Шеннон, который в эту минуту думал совсем о другом, не увидел ничего странного, а Вильма узнала рыжего зверя из собственного кошмара.

– Хватит! Выключите немедленно!

Дин невозмутимо вглядывался куда-то в колеблющуюся перегретыми испарениями костров дымку.

– Вы же знаете, что это невозможно сделать.

– Сделайте. Я сыта по горло вашими виртуальными извращениями.

– Это не компьютерная имитация, – бесконечно терпеливо повторил обер-координатор. – Там, у арки, я вам уже объяснил...

– Хватит! – прикрикнула Вильма, переходя грань истерики. Ее словно охватило яркое пламя, этот внутренний огонь не слишком обжигал, а, скорее, подталкивал на решительные действия...

– Хватит, Дин, я и так поняла, что тут творится. Вы бездарно пародируете ад. Сначала преддверие – этот лес, толстое чудовище в кустах и каменная арка, потом первый круг, это там, где стылый сквозняк гонит проблудившиеся души. Наконец, второй. Тут, по легенде, должен засесть Цербер, но я его никогда не видела, и угодливое подсознание подсунуло мне бультерьера из детского кошмара. Сколько их еще осталось, этих кругов – семь? Восемь? В третьем положено гореть огню, не сомневаюсь, что вы угостите меня очередным мерзким зрелищем. Это гадко. Пустите мои пальцы. Выключайте систему, иначе я пожалуюсь Кантеру.

Психотехнолог бросил ее руку.

– Ладно. Развлечение не удалось. Давайте, поднимемся на холм, надеюсь, там все кончится. Во всяком случае, приношу свои искренние извинения.

Она медленно побрела по пологому склону, то и дело попадая носками ботинок в кротовые и мышьи норы. Обер-координатор плелся сзади и немного в стороне. Он сорвал стебель шпорника и, насвистывая, сбивал им надоедливых слепней.

Вильма остановилась на вершине кургана и обомлела – равнина плавно уходила за горизонт. Мелочи мира – трава, побитая непогодой, проплешины разнообразной растительности, осколки валунов и сами валуны, выбоины конских и оленьих следов, тусклый огонь костров – все это выглядело абсолютно реальным. Сохранялась даже воздушная перспектива: предметы на расстоянии менялись не только в размерах, но и окраске, причем не преувеличенно, а ровно настолько, чтобы выглядеть естественными. Общий колер пейзажа – мутный, серый, тусклых

коричневых и зеленоватых тонов, с оранжевыми пятнами костровых огней, не походил на моделированную картинку – в нем не было яркости и отточенности стиля.

– Смотрите внимательно, – прошептал Шеннон.

У огня скорчились плотные фигуры. Один из чужаков поднял широкоскулое лицо и с явным интересом уставился Вильму, взгляд ощущался как разумный и, одновременно, нечеловеческий.

– Вот, дьявольщина!

Шеннон, похоже, не на шутку встревожился.

– Вы правы, пожалуй, отсюда лучше уйти. Нас закинуло в сторону – быть, может, я напутал с заказом...

– Что?

– Я говорю, что мы немедленно уходим.

Он подхватил Вильму под локоть и рьяно, к тому же не очень вежливо потащил ее обратно – в сторону собачьего рва. Она все же успела обернуться и видела начало угрожающего движения странного получеловека. Он встал во весь рост – голый, низенький, очень коренастый. Стайка гнуса подобно нимбу вилась над его нечесаной низколобой головой.

По ту сторону холма Шеннон облегченно вздохнул и нервно расхохотался. Вильма, как ни странно, обрела утраченное было спокойствие – холеная и красивая, но очень раздосадованная физиономия эламита сильно позабавила ее.

– Кто это был, там, у огня?

– Считайте, что досадившее вам существо – только случайно затесавшийся в шоу эпизод. Я пытался выстроить что-нибудь пооригинальнее, подбирал фрагменты в мифологическом стиле. Внезапно все это вывернулось из-под контроля – сначала этот дурацкий бультерьер, потом, затесался неандерталец.

– Так все это, – Вильма махнула рукой в сторону равнины, – компьютерная имитация?

– Нет. Дотроньтесь до своего лица – вы не ощущаете видеоочков?

– Откуда я могу знать, что мои ощущения меня не обманывают?

– Такие ситуации очень плохо моделируются. Человеку можно показывать потрясающе правдоподобные картины виртуальной реальности, но обмануть его восприятие собственного тела до конца не удастся. Используйте старый метод – укусите себя за палец.

Вильма хмыкнула, но проверять не стала.

– Значит, весь пейзаж – декорации?

– Нет, не совсем. Я потом вам все объясню. Он существует. Это не имитация.

Шеннон потянул ее прочь. Желтые псы уныло затаились среди высоких стеблей. Вильма больше не слышала их утробного урчания, ощущалось только чужое и недоброжелательное присутствие, потом это чувство померкло. Купол из камня вернулся на положенное место над головой. Очень медленно и лениво несла свои «воды» река лавы. Ее беспокойное бурление уменьшилось, черт с багром тоже ушел.

Изнутри проем выхода выглядел блекло – прилично и неинтересно. Шеннон и Вильма выбрались из-под арки и оказались под жемчужным небом летнего вечера. Пейзаж изменился в который раз. Сумрачный лес напрочь исчез, стало просторнее. Ощущение покоя и безопасности непроизвольно охватило Вильму. Шеннон это заметил.

– Ну и что? – лукаво поинтересовался он.

– Отвратительно, – ухмыльнулась в ответ внучка Кантера.

– Совсем не понравилось?

– Да как сказать... По-своему стильно и с сумасшедшинкой. А где мы стоим теперь?

Шеннон продолжал улыбаться. Не оставляло ощущение, что эламит встревожен тайными мыслями, но довольно искусно притворяется беззаботным.

– Были в аду, по правилам должны бы попасть в чистилище, но на чистилище сэкономил городской бюджет, поэтому мы миновали его незаметно и сразу же очутились в раю – шаблон невероятный.

Вильма огляделась.

Рядом плескалось темно-лазурное, как на живописном полотне, море (виртуальность или имитация ощущений?). Тридцатиметровые пальмы мотал упругий бриз.

– Так выпьем же что-нибудь.

Они устроились за ажурным ограждением прибрежного ресторана. Лощеный официант с неприметным лицом принес ужин и холодный пунш. Играл маленький оркестр – гитара, старинная скрипка и звонкий барабанчик.

– За нашу дружбу.

Вильма дотронулась своим стаканом до стакана координатора.

– Как вы это проделали? Если мир вокруг не имитация, значит, мне дали наркотик и все это великолепие только видение одурманенной девушки. Плохие шутки, очень плохие шутки дорогой друг Дин Шеннон.

– Зачем же? Нет, я не шучу. Так вы верите в переселение душ, Вильма?

– Чушь! – резко ответила она, чувствуя, что по-настоящему пьянеет. Голова слегка кружилась. Логика событий смазалась, словно от случайного прикосновения недосушенный акварельный рисунок.

Оставалось неясным, заметил ли обер-координатор ее страх.

– Я и сам не верю, – добавил Шеннон. – Не верю умом и все тут, но иногда мне кажется... Кроме того, теория хорошо объясняет все...

Он внезапно задумался и замолчал, отставил пустой стакан. Тонкое стекло холодно отразило случайный лучик закатной зари.

– Пошлите отсюда. Уходим прочь.

– Куда уходим?

Вильма уже отрезвела – легкую алкогольную эйфорию запросто выгнала предвечерняя прохлада.

– Пора возвращаться. Вон там калитка в ограде. За нею знакомая нам обоим реальность Элама.

Непроницаемый для взгляда забор тянулся от горизонта до горизонта – вдоль всего побережья безымянного ненастоящего моря. Калитка оказалась белой, сплошной, аккуратно сколоченной из крашеных досок. Шеннон толкнул створку кулаком, Вильме показалось, что он сжимает в ладони какое-то устройство.

По ту сторону и впрямь оказался ночной Элам. Спинами гигантских чудовищ чернели горы, башни подпирали звезды, и Луна стояла довольно высоко – сияющий ущербный диск с откусенным краем.

Юркнул в сторону кибермусорщик, тележка с банками задрезжала и едва не опрокинулась. Должно быть, освещение снова работало в экономическом режиме, потому что фонарь поливал светом совсем небольшой участок тротуара под ногами. Гироплан Шеннона торчал неподалеку. Двое молодых парней сомнительной внешности тоже околачивались поблизости – их ловкие фигуры без явных признаков нетрезвости вдруг возникли на границе света и тьмы.

Последовал короткий разговор на элами, к тому же, так густо уснащенный жаргоном, что Вильма не поняла и половины. Шеннон попытался пройти мимо незнакомцев, словно бы их не замечая. Тогда технократа сбили подсечкой – быстро, и даже, можно сказать, профессионально. Вся троица драчунов отдалилась от фонаря и ухнула в потемки, но система городского управления среагировала на чип координатора так, как и следовало ожидать, то есть включила для его удобства соседний фонарь.

С точки зрения Вильмы открывшееся зрелище сильно походило на дебош, причем исход складывался явно не в пользу обер-координатора. Он сумел подняться, но его свалили снова.

О Вильме совершенно забыли, да, похоже, не интересовались ею изначально, сочтя за пустое место.

«Господи, что же мне делать...», – внучку Кантера охватило беспросветное отчаяние.

«Если Шеннона сейчас убьют, а на это похоже, все мои труды пойдут прахом. А если вмешаюсь, получится еще хуже. Мужчина хочет от женщины потакания, прощает ей глупость, кое-как мирится с ее умом, но совершенно не выносит ее превосходства. Я видела проигрыш Шеннона. Если я спасу технократа, то он в душе оскорбится. Влечение сменится формальной благодарностью, и в его резиденцию мне уже не попасть. Ах Кантер, Кантер, будь ты проклят за то, что не держишь дома терминала... И, все-таки, хочется что-нибудь подправить».

Она подскочила к тому из двоих, что был пониже, и без лишних затей пнула его, но не в пах (как он того ожидал), а в шею, под основание челюсти. Парень завалился на тротуар и принялся, елозя по грязи, стоически бороться с удушьем. Вильма развернулась ко второму противнику – как раз вовремя, чтобы прикрыться рукой. Попало по предплечью, очень больно, но кость, кажется, не сломалась. Внучка Кантера двинула парня локтем другой руки, метя в кadyк, промахнулась, отскочила в сторону, и, крутнувшись, пнула, стараясь достать. Носок ее ботинка врезался человеку в живот, но не произвел на того особого впечатления.

«Да он словно каменный, не пробьешь».

Она, не останавливаясь, ударила еще раз – прямо в висок, но попала только в скулу. Противник, кажется, пошатнулся и тут же что-то мокрое и холодное скользнуло по ее руке и едва не задело грудь.

«У него нож».

Холодное сменилось теплым. Из перерезанного сосуда обильно и пенисто подтекало, к счастью, в темноте Вильма не видела цвета. Тело уже не слушалось, боль получилась такая, что хотелось заплакать.

«Дева Мария, как все получилось глупо. Я думала, будто что-то могу изменить в этом мире, а на самом деле не могу ничего, и поэтому сдохну прямо здесь, на грязном тротуаре задворков Элама. И на мне нет кулона связи. И некого позвать на помощь. И Тони не узнает, как все произошло».

Вильма сама не заметила, как осела и скорчилась, свернувшись клубком. В висках стучало и звенело. Она больше не смотрела на противника. Страх тоже не чувствовала, пришла разве что досада и легкое оупение – предвестник настоящего обморока.

– Эй, есть тут живые?

Что-то переменилось в ночи.

Вильма не заметила, куда подевался уцелевший враг – он, словно бес, растаял в тумане, чужая машина тяжело осела на тротуар, и свет фонаря ударил в лицо женщины, в ее зажмуренные искусственные глаза.

Она заставила себя разлепить веки.

Две высокие фигуры – угловатые от амуниции. Темная униформа защиты, скулы под затемненным щитком, видны только шевелящиеся губы ловцов на бледных лицах.

«...Задача по арифметике. Четверо баранов. Один исчез, второй попался, двое остались лежать на земле...»

«Прочитай чипы у этих двоих...»

«Технократ и девица со стеклянными гляделками – хорошая компания...»

«Может быть, врача...»

«Лучше заберем для проверки того, у которого кровооттек на шее»

Вильма перестала ловить диалог. Вплотную подступала мерзкая тошнота. Чужой ботинок стоял возле ее лица. Потом он отодвинулся – и в просвет стали видны звезды. Сразу стало полегче. От земли несло холодом и свежестью влажного камня.

Потом послышался голос Шеннона, слов не разобрать, но в целом звучало с напором, убедительно. Ловцы тоже что-то отвечали, вроде бы, без лишнего хамства, но и без трепетного почтения. Пререкались не очень долго – те двое закинули безвольное тело в кабину гироплана, попрыгали следом, машина тяжело, как нажравшийся хищник оторвалась от земли и поплыла в сторону. Вильма заметила, что по руке больше не течет, осторожно дотронулась до предплечья – рукав оказался то ли вспоротым, то ли закатанным, плотная тонкая оболочка из перевязочного вещества прилегла к коже. Вспомнить момент перевязки почему-то не удавалось. Шеннон сидел рядом, на корточках, его несчастное лицо размазанным пятном белело в полутьме.

– Господи, вы ведь спасли нас обоих, а я вас подставил, как это было глупо, как преступно и бессмысленно...

– Что?

Он только помотал головой и ничего не ответил.

Вильма села на корточки и подтянула колени к подбородку. Кровь, которая обильно попала на блузку, уже начала подсыхать. Ткань противно липла к коже. Боль, впрочем, притупилась. Вильму вдруг осенило.

– Вы меня чем-то укололи?

– Использовал аптечку. Она сделала вам диагностику. Там обычный картридж, должно быть, обезболивающее и еще... кое-что такое, чтобы остановить кровь. Вам сейчас очень плохо?

– Нет.

– Я отвезу вас в клинику.

– Нет, мне *совсем* не плохо.

Она едва справилась с паникой. В памяти оставался пустой провал, Вильма не поняла, теряла ли сознание. Эти, пропавшие из ее жизни четверть часа, беспокоили хуже раны. «Я отключилась как-то вдруг. Потом Шеннон с помощью какого-то устройства поставил мне укол. Говорит, что обезболивающее, но что он под этим подразумевает? В ампуле мог оказаться наркотик. Я могла потерять контроль над собою и попросту проболтаться».

Она пригляделась к чужому лицу, в ужасе выискивая скрытые черточки неприязни или злорадства.

Ничего подобного не оказалось – Шеннон казался страшно огорченным, но не более того.

– Вас сильно побили?

– А?

Технократ, кажется, поначалу не понял вопроса, а потом беззаботно отмахнулся.

– На мне сейчас защитный костюм. Он с виду совсем как обычный, но удары изрядно смягчает. Вообще-то, такое снаряжение рассчитано на аварии...

– Помогите мне встать.

Она ухватила за теплые пальцы координатора и поднялась. Колени противно дрожали, но в целом жить было можно. Ужасно смущенный Шеннон, похоже, не знал, куда деваться от отчаяния.

– Я отыщу вам лучшего врача в Эламе. Клянусь, не останется и следа, никакого шрама на вашей коже... Какой же я идиот!

– Почему?

– Потому что не защитил вас – попросту, не успел. Потому что поступил не как прагматик, а как осел – нам не следовало бездумно идти в ночь.

– Да?

– Эти идеалисты сочли меня подходящим объектом, чтобы сорвать злость. Вы, наверное, помните спящего человека в лаборатории?

Вильма моментально насторожилась.

– А? Нет, почти не помню.

– Бедняга был задержан в аэропорту – вчера вечером, в одиночестве, с поддельным чипом под кожей. Там же устроил драку с ловцами и покалечился, забежав в защитное поле. Сейчас его мозг поврежден, мы пытались кое-что подправить, но тут как раз случай, когда самые лучшие методики терпят фиаско.

– И что?

– Сейчас вы видели не пьяный дебош, а самую настоящую попытку мести.

– За что?

– С точки зрения этих людей я вивисектор.

Вильма оценила ответ и поначалу ничего не ответила. Лицо психотехнолога сделалось непроницаемым.

– Но вы ведь хотели ему помочь?

– Наверное – хотя кто знает? Я из научного интереса пытался вернуть ему память и сознание.

– Чтобы ловцы могли узнать правду?

– Мною двигало лишь любопытство, обычное желание хорошо сделать работу. Поймите, Вильма, фактически этот человек уже умер – не в тот момент, когда коснулся барьерного поля, а гораздо раньше, когда попытался сломать нашу систему контроля.

– Формально это преступление. Но разве оно кому-то повредило?

Шеннон опять стиснул пальцы – Вильма хорошо видела эти беспокойные руки, они, в отличие от лица, сильно выдавали хозяина.

– Не поддавайтесь эмоциям, особенно жалости, – быстро проговорил он. И добавил уже спокойнее, – Мы – сообщество, которое дает преимущество самым достойным. Заметьте, более знающим, чем другие, талантливым, и тем, кто умеет использовать свой талант. Человек, который походя ломает систему индекс-чипов, не просто незаконно повышает свой статус. Он отнимает законное место у другого. Быть может, у того, кто вложил в путь наверх все, что подарила ему природа. Поэтому «взломщик» – хуже, чем вор, хуже, чем формальный убийца, он крадет самую жизнь, сущность другого существа, чтобы присвоить ее себе...

Шеннон еще говорил, а Вильму тем временем пробрал нешуточный холодок, и не только от кровопотери.

«В тот миг, когда он узнает, что я задумала и осуществила на пару с Тони и с помощью Кота, он возненавидит меня за обман. Рано или поздно правда выплывет наружу, и этот красавец-эламит жизнь уложит на то, чтобы поймать меня. А, поймав, сунуть под свой холодный колпак. Под *тот самый*».

– Проводите меня. Я мерзну, тут грязно и пахнет смертью.

Он, осторожно поддерживая, довел ее до машины.

– Не могу вернуться к Кантеру, – мрачно заявила Вильма. – Дед сотрет меня в порошок, окатит презрением. Скажет, что я нарочно ввязалась в драку с подонками. Влад человек вежливый, он почти никогда не теряет хладнокровия, а потому обидные слова подбирает очень легко.

– Господи! Вы бились как настоящая амазонка – я никогда не видел ничего подобного, эта отвага...

– Лучше оцените, на что стала похожа моя блузка – рукав разодран, все в крови... Да мне же больно, наконец. Эта пленка на руке просто чудо медицины, но она давит на кожу как сатана.

– Вильма! Вы не плачете?

– Нет.

– Вам больно, я настаиваю насчет врача.

– Любой медик Элама с восторгом настучит Кантеру. Меня ждет ужасающий разнос. Не сегодня, так завтра... Надолго рассчитана ваша повязка? – чуть капризно спросила Вильма.

«Не переиграть бы – невесело подумала она. – С этим психотехнологом не знаешь, на что можно нарваться. Не дай бог, если сцена начнет отдавать балаганом, он довольно умен и в два счета раскусит подделку. И выставит меня. Или, вернее, начнет держать вежливую дистанцию, которая все испортит... А время, время... Лейтен, сгорая от тревоги, ждет. И времени осталось трагически мало».

Шеннон, однако, игру принял, не замечая чужого страха, на этот раз его улыбка была едва заметной.

– На двое суток, моя королева. Потом повязка регенерирует ткани. Если хотите, будьте у меня гостьей, для генерал-координатора мы вместе выдумаем чудесную, правдоподобную историю.

Вильма поколебалась напоказ – в ход пошла точно отмеренная доза вежливого сомнения.

– Я не хотела бы вам мешать.

– Ну что вы! Вы мне никогда не мешаете – такое предположение немислимо, оно задевает здравый смысл Вселенной.

– Вселенная не обидчива.

– Так вы решительно настроены против?

– Пожалуй, не против – я решила не обижать понапрасну высшие силы, ведь когда я попала в беду, они послали мне вас.

В который раз зрительные датчики Вильмы спрятали ее ложь и ее душу, Шеннон не заметил ни мучительной тревоги внучки Кантера, ни ее яркого, короткого торжества. Для него с золотистого женского лица сияли странные глаза без зрачков – чудесные по форме и более выразительные, чем настоящие.

«Технократ чертов», – тут же решила про себя Вильма, смутно догадавшаяся о его состоянии. «Шеннона по его природе забирает на всякие странные штучки, которые совсем не похожи на прозаическую реальность».

Она кое-как устроилась в гироплане. Озерная поверхность лениво проплывала вниз. Машина снизилась и довольно неуклюже ткнулась о покрытие у подножия башни – то ли Шеннон нервничал, то ли не совсем справился с управлением, но это сотрясение неприятно отозвалось в раненой руке Вильмы.

«Хоть и больно, а повезло-то как, – подумала она. – Теперь, после стычки с этими психопатами, он чувствует себя виноватым, а потому не станет меня подозревать, даже если получит к этому новые основания».

Башня поглотила их, кое-что в местной ауре отличалось от жилища Кантера. Меньше изломов, ни следа торжественного и тяжеловесного декора – плавные линии, множество оттенков серебристого цвета.

– Погодите.

Шеннон повозился с карманным устройством.

«Он отключает защиту».

Вильма прошла под аркой, на секунду ощутив колкие мурашки на коже. «Что это было – проверка?»

Дин мысленного вопроса слышать, конечно, не мог, а потому промолчал. Что бы там ни было, преграда уже осталась позади. Внутреннее пространство разительно отличалось и от резиденции Кантера, и от путаного мироздания развлечений – в ней не держали ничего поддельного или неестественного.

Тут не сияло над головой подкрашенное фальшивой лазурью небо. Шмель не сновал по цветам. Стену отчасти покрывали панели хорошего дерева, а отчасти...

– О!.. А это что?

– Да так, ерунда, самый обыкновенный аквариум.

Аквариум, впрочем, обыкновенным не был – оттенки цвета для его обитателей, должно быть, подбирал талантливый дизайнер. Толща воды не позволяла рассмотреть заднюю стенку, заросли водорослей размеренно колыхались, словно их шевелили настоящие волны. Среди растений, кораллов и камней, в туманно-синей перспективе вились бойкие стайки рыб. Их упругие тельца образовывали изменчивые потоки.

Вильме захотелось зажмуриться.

Она поняла смысл.

Душою точно выстроенной панорамы оставались непрерывное движение и глубокий покой – изменчивый и неизменный, воспроизведенный в небольшом объеме за счет гениального выбора оттенков. Таким иногда бывает настоящее море.

– Слишком просто?

– Да.

– Нравится?

– Да.

– И знаете, почему? Что-нибудь посложнее напрочь испортило бы эффект.

Вильма кивнула, избегая разговаривать. Впервые за эти дни нервное напряжение сменилось полной беспомощностью. «Мы, мошенники-любители, думали залезть в их карманы, а по глупости затронули нечто большее. Тут море не воды, а чужих возможностей. Все мы трое – и Кот, и Тони, и я сама, только песчинки, которые хаос и порядок Элама легко смешают в общую кучу».

– Вам не плохо?

– Нет, просто слишком поздно. Покажите, где я смогу отдохнуть.

Гипнотическое ощущение бездны понемногу развеялось. Комната для гостей оказалась самой обыкновенной, но роскошной и очень удобной. По дороге туда Вильма сделала несколько тайных снимков – косяки, расположение окон, вид на аквариум, закрытые шкафы с непроницаемыми дверцами хорошего дерева, светильники, толстый ковер на полу, сам Шеннон с застывшей, странной улыбкой.

– Спокойной ночи.

Она лежала в темноте и смотрела во тьму.

Темнота стояла в душе.

Стоило зажмуриться, как на фоне век начинали плясать белые искры.

Догадка больно поразила Вильму – а что, если и у Шеннона в резиденции нет терминала?

Она ждала около двух часов, то проваливаясь в сон, то выныривая из водоворота фантастических образов, порожденных вечерним аттракционом. Раненая рука почти не болела, повязка прилегла к коже и не мешала.

Через два часа внучка Кантера встала и, двигаясь абсолютно бесшумно, выскользнула из комнаты. В первую очередь она отключила «сур» – систему управления резиденцией. Это легко можно было сделать с маленького пульта у кровати. Теперь квартира не реагировала на перемещения и, следовательно, некстати воссиявшая люстра не могла разбудить психотехнолога. Расположение комнат в виде схемы залегло во встроенной памяти глаз, эта схема пополнялась по мере необходимости. Рыбы в аквариуме равнодушно смотрели вслед странному существу без плавников – для них Вильма была лишь неясным образом за пределами обитаемого мира.

Она же быстро и ловко обшарила гостиную, но не нашла там ничего полезного, проскочила через холл и вернулась к выходу из резиденции.

Защитное поле, невидимое для обычного зрения, для Вильмы выглядело пленкой – безобидной, пока не трогаешь, и малоинтересной, если не нужно выбирать пути для отступления. Арка выхода мерцала так призывно – прямо как ворота в рай. Дин, по-видимому, всерьез позаботился, чтобы Вильма не влетела в опасную преграду – поперек проема был выставлен символический, но довольно прозрачно намекающий на истинное положение вещей барьерчик.

«Он не знает, что я вижу мир совсем не так, как видят они», – с некоторым удовольствием подумала внучка Кантера и вернулась в холл.

В попавшуюся по дороге ванную комнату заглянула мимоходом – и так было понятно, что там нет никого. Скорее всего таких местечек в резиденции отыскалось бы несколько, в расчете на ватагу гостей, но сейчас во всем пространстве, отведенном башней обер-координатору, не было никого, кроме Шеннона и самой Вильмы. Внучка Кантера закрылась в ванной, поколебавшись, на всякий случай включила освещение вручную и бегло осмотрела вещи. На полу лежал ковер, который отлично глушил шаги – это понравилось. Ящички трельяжа оказались по большей части пусты, той особой тоскливой пустотой, которую придает мебели длительная ненужность. Чистота, порядок и ни единого уголка, где оказалось бы что-нибудь полезное.

Вильма алиби ради смочила руки водой и выбралась наружу.

В гостиной стояла тишина, не нарушаемая ничем, кроме шелеста легких пузырьков в аквариуме. Дверь справа вела в бильярдную комнату, следующий переход – в домашнюю оранжерею. Там колыхалась влажная духота, было тепло и пахло цветами. Капли воды ползли по кожистым листьям. В глубине, среди листвы, причудливо искривленных веток и бледных ночных цветов, то ли возился питомец, то ли работала климатическая установка. Раздался резкий крик, наподобие свирельной трели, но это оказалась всего лишь запертая в клетке птица. Рядом с клеткой горел фонарик. С полминуты они смотрели друг на друга – девушка и птица. Девушка отступила, птица повозилась и затихла. Терминал мог находиться где угодно – в том числе и в укромном уголке оранжереи, хотя такое влажное место казалось странным и неудобным. Он мог оказаться даже в кармане куртки координатора. Вильма сдалась и потихоньку попятилась, почему-то не желая поворачиваться спиной к живой массе растений. Птица свистнула вслед.

В гостиной Вильма терпеливо выждала, пока успокоятся нервы, прислушалась – было очень тихо. Имело смысл обшарить кабинет, и винтовая лестница в углу вела как раз туда, но, поймай обер-координатор гостью в собственном кабинете, и для ночных блужданий уже не подобрать безобидного объяснения.

Она решила и осторожно взбежала наверх. Преображенный ночным зрением, интерьер кабинета принял призрачный вид и наводил на пустые мысли о потусторонней природе места, но Вильма только цинично ухмыльнулась.

Координаторского терминала, конечно, не было нигде. Не оказалось даже простенького компьютера. «Сейф, должно быть, в спальне».

Вильма без церемоний выдвинула несколько ящичков стола, тщательно обшарила их и собрала немногие бумаги – в основном ими оказались фотографии. На изображениях преобладали нежные и округлые женские лица, стройные фигурки высоких пропорций и неприкрытый антураж. Снимал, очевидно, сам координатор, по крайней мере, его не было ни на одной фотографии, зато на лицах моделей горел искренний, и даже экзальтированный интерес. Некоторые были обнажены, одна дерзкая нимфа, с волосами бледными, словно крылышки моли, расположилась в совершенно экстраемальной позе.

Вильма тихо затряслась от смеха и сложила карточки на прежнее место. «Если Шеннон водит их *всех* сюда, то какого черта держит в общей кучке изображения? И ящичек не заперт. Или подружки не из любопытных (ну уж это вряд ли), или технократа развлекает их бешеная ревность».

Она уничтожила следы обыска и уже собиралась закрыть ящик, когда обнаружила любопытный предмет. Обычный лист бумаги, слегка помятый, с оторванным уголком, сложенный вдвое. Кто-то, скорее все сам психотехнолог, покрыл его поверхность уже побледневшими от времени каракулями, причем, преобладали неразборчивые надписи и скупые, наподобие чертежей, зарисовки.

«Занятно. Что-то он мне напоминает».

Чертеж походил на план квартиры, изображение которого осело в зрительном устройстве Вильмы. Она прикинула так и сяк и поняла, что план аквариума намечен явно, но вот с северной стороны... Она, прихватив с собою листок, поспешно скатилась с лестницы. Рыбы таранились сквозь грань миров. «За резервуаром спрятана комната». Время шло, Вильма металась вдоль поддельного океана, в упрямой надежде отыскать проход.

– Помогите мне, святые...

Она провела рукой по стеклу – нигде ни выбоины, ни зацепки. Панели стен казались гладкими. Рыбы, почуввав чужое движение, заматались в подсвеченной толще воды.

– Пропадите вы пропадом, молчуны...

Внучка координатора шлепнула ладонью по непробиваемому стеклу и – о чудо! – стена с аквариумом слегка поддалась под рукою.

«Шеннон не любит закрывать внутренние двери резиденции, как не имеет привычки прятать личные вещи».

Вильма, уже в полной уверенности, налегла посильнее, и аквариум, вместо того, чтобы вдавиться внутрь панели, отошел в сторону – сработали невидимый датчики.

По ту сторону было не очень просторно, но вполне сносно. Столик приткнулся у стены, персональный терминал Дина (маленький, плоский, с закрытой крышечкой) лежал на нем, очень удобное кресло стояло напротив. Это кресло приглашало присесть, недоверчивая Вильма сначала попробовала рукой – нет ли подвоха, потом опустила на сиденье и пристроила разъем в уголок своего зрительного устройства. В тот же миг изображение развернулось и сделалось очень ясным.

Судя по нему, терминал использовался в основном для общения с другими координаторами – всплыла картинка спальни в чужом доме, колоритная фигура сухопарого старика под белым одеялом. Внезапно разбуженный технократ заворочался, брюзжа себе под нос что-то вроде: «Чертов энтузиаст Дин»

Пришлось немедленно оборвать связь. Лейтен, скорее всего, уже понял, что компаньонка лишилась кулона, он ждал сообщения, и мог получить его прямо сейчас. Но не крылась ли в очевидном поступке возможность разоблачения?

Припертая к стене обстоятельствами, Вильма все же осмелилась. Она использовала адрес Тони, в надежде, что тот носит компьютер с собой.

Некоторое время не происходило ничего. Потом выплыли неопределенные пятна – внучка Кантера узнала в них болотистую панораму, видимую из-под прозрачного купола. Лейтен сидел на полу, в той самой круглой комнате, которую она покинула шестьдесят часов назад. Судя по ракурсу, работающее устройство лежало рядом. Тони опустил голову (голову Константина Рассвета) на скрещенные руки и дремал так, как это случается только у людей, переживших мучительно длинные часы тревоги и ожидания.

– Эй! – позвала Вильма, избегая называть имя.

Лейтен вздрогнул и посмотрел прямо ей в лицо. Вернее, он перевел взгляд на собственный компьютер, но Вильма могла наблюдать каждую мелочь его облика – мятый воротник, покрасневшие от бессонницы веки, усталую, напряженную позу.

– Горного тумана сегодня нет, – произнес он условленную фразу и улыбнулся с искренней радостью, но Вильме в тот момент было не до мелочей.

– К чертям условный язык, – произнесла она быстрой скороговоркой. – Надеюсь, хоть этот канал не слушают... По крайней мере с моей стороны.

Лейтен кивнул.

– Старым адресом больше не пользуйся, – продолжила Вильма все в той же манере, – За меня не беспокойся и больше меня не ищи. Знаешь, я потеряла свой прекрасный кулон. Позже соединюсь с тобою снова и передам кое-что интересное. После этого уходи и начинай наш проект. Один, без меня. После того, что я сейчас сделала, мне придется отпасть на время.

– Что ты натворила? Там опасно?

– Встретимся *после завершения* в условленном месте, отсчитай два месяца от прежней даты – ответила Вильма, в надежде, что Тони поймет как надо. – Ну все, короткая пауза, друг. Оставайся пока наготове.

Пару минут она поманипулировала с терминалом, формируя для Константина Рассвета визу в Элам. Приглашающей стороной она, подумав, указала самого Шеннона, поскольку не была уверена, что другой вариант не отвергнет система управления городом. Теперь человек с чипом второго близнеца, мог спокойно пройти сквозь контрольную систему в аэропорту. Вопрос о возможной реакции Шеннона на такой подвох оставался открытым.

– Ты на месте, друг?

Изображение Лейтена на внутренней стороне очков появилось и окрепло.

– Я здесь.

– Все готово. Я сделала это. Отключаюсь. Прощай.

Она ощутила блаженство – ликование, которое возникает после хорошо проведенного дела. На открытом воздухе, должно быть, уже рассвело, там пятна утренней зари проникали сквозь толстые стекла, или бродили по стенам, подкрашивая их в теплые тона.

Вильма замешкалась всего на минуту, собираясь уничтожить следы своего вмешательства, но поняла, что не знает, как это сделать. Терминал Шеннона не позволял ничего подобного. Все ее попытки с обидным постоянством кончались ничем. «Конечно, этот терминал личное имущество обер-координатора. Надо успокоиться и понять, как с ним обращаются».

Она вскинула голову на легкий звук и обомлела. Силуэт обозленного Дина укором возник прямо в проеме.

Она, не тратя слов, вскочила, бросилась ему навстречу, и, в общем-то, рассчитала правильно. Раздраженный обер-координатор, не желая прикоснуться к Вильме, отстранился.

Внучка координатора выскочила в гостиную, промелькнула в холл, пробежала коридором и оказалась перед аркой.

Арка зияла. Защитное поле сияло.

По ту сторону призывно маячило утро.

– Вильма, стойте!

Она, подстегнутая криком, подхватила легкий барьерчик, метнула его в проем арки и бросилась следом, ожидая мучительного прикосновения поля. В эту минуту ее страх перед мстью обманутого Шеннона оказался так велик, что даже самоубийство показалось бы Вильме сносным способом избежать расправы. Поле, которое встретилось с брошенным предметом, ненадолго погасло – видимо, вмешался сур, стремясь избежать смертельного поражения человека. Попади Вильма под арку чуть пораньше или немного попозже, она и так получила бы удар, достаточный для болевого шока. Через миг все вернулось на свои места, и проход закрылся – то ли система успокоилась, то ли вмешался Шеннон и взял управление на себя.

Но Вильма ловкой рыбкой проскочила под аркой – как раз в ту самую долю секунды, когда поле еще оставалось выключенным. Потом она опрометью пронеслась коридором и только возле лифта обнаружила, что стоит на полу босиком. К левой пятке прилип потерянный конфетный фантик. Туфли так и остались в резиденции.

– Вильма, стой, остановись! – кричал Шеннон.

Он замешкался и не побежал следом, видимо, не сумел вовремя разблокировать проход. «Мне надо уйти, и подальше, и к Кантеру нельзя возвращаться. Дело, считай, провалилось, связь с Тони оборвана и я теперь не знаю, как сбежать из Элама».

Она быстро пошла по коридору прочь, стараясь скорее достичь лифта и держаться как ни в чем не бывало.

Глава 4. Подробная оценка ущерба *Элам, спустя некоторое время*

– Какого беса вы, мой дорогой коллега, бросаете где попало свой терминал без пароля? – грубо спросил своего друга генерал-координатор Кантер.

Оба сидели на парящей платформе ресторана «Восхождение». Палила полуденная жара. Дин (злой и плохо выспавшийся) ответил коротко:

– Не знаю. Кажется, я его устанавливал. К тому же, терминал лежат в тайнике.

– Надо было, как и положено, держать его или при себе или в сейфе.

– Идите к черту, Влад! – довольно рьяно огрызнулся Шеннон. – Я не люблю, когда оттопыриваются карманы. А взлом сейфа по силам любому криминальному профессионалу...

– Вы легкомысленный дурак.

– Это вы оказались легкомысленны. Следовало предупреждать, что девушка не в меру проникательна. Она с сумасшедшинкой под черепом. Ни один полноценный человек не нашел бы моего тайника – вы, кстати, в первую очередь не нашли бы его.

Кантер отмахнулся от друга и пробормотал нечто нечленораздельное и неодобрительное. Обер-координатор отметил про себя, что коллега сильно сдал физически – фигура оставалась подтянутой, но волосы побелели до пепельного цвета, а худощавое лицо без возраста выглядело бескровным. Временами, когда Кантер престаивал следить за собой, в его мимике проглядывали страдание и неуверенность.

«Я слышал, что он серьезно болен, и, похоже, это не сплетни».

– Много пакостей она натворила? – уныло переспросил Кантер. – Не понятно, чего моя внучка добивалась этим скандалом. Расскажите еще раз, причем, все по порядку.

– Сначала дело шло легко и естественно – я проверил ее...

Шеннон замешкался, не зная, стоит ли говорить другу про обморок Вильмы.

– И мне показалось, что она плохо переносит манипуляции, – добавил он на всякий случай.

Кантер только махнул рукой. Его длинные пальцы выглядели истончившимися и худыми.

– Мне плевать на ее ощущения...

Влад произнес эту фразу с такой прямоотой, что более корректный Дин Шеннон испытал некоторый дискомфорт.

– Мне плевать на все, кроме конечного результата, – упрямо повторил Кантер. – Вы сумели откопать что-нибудь подозрительное?

– Нет.

– Что вы видели в ее мыслях?

– Детские страхи, фантазии, злая собака, унылый северный пейзаж, болото, и все остальное в том же духе.

– Еще?

– Больше ничего.

– Что вы делали потом?

– Я почувствовал некоторую вину и повез ее поразвлечься на имитатор реальности.

– О!

– Вы знаете, что это безобидно. Я прервал тур, как только заметил, что девушка по настоящему устала. Мы вместе отужинали в ресторане и...

– Что-нибудь еще случилось?

– Да так, глупости, мелкий инцидент – на выходе из псевдореальности в Элам, нас попытались ограбить. Обычные подонки из опустившихся наркоманов. Тогда я воспользовался «кнопкой», вызвал полицию, потом предложил Вильме ехать домой, но она расстроилась, была

вне себя и почему-то опасалась встречи с вами. Помня о нашей договоренности, я не настаивал, потому что хотел завоевать ее доверие.

– И что?

– Потом привез девушку к себе, ночью она нашла мой терминал и использовала его.

– Вы с нею спали? – без околичностей спросил Кантер.

– Нет!

– Жаль, – заявил генерал-координатор. – Не надо было стесняться. Может быть, тогда у нее не осталось бы времени сотворить то, что уже сделано. Кстати, она повредила что-нибудь ценное?

– Нет. Я проверил всю информацию и все сделанные ею изменения...

Шеннон вздохнул и добавил:

– Она всего лишь воспользовалась терминалом, чтобы пригласить в Элам одного человека. Как будто бы от моего имени, но понятно, что виза липовая. Понимаете, я не вижу во всем этом никакого смысла.

– Кто он?

– Родной брат Павла Рассвета.

– Не понял.

– Он брат-близнец известного вам декан-координатора.

Кантер задумался, барабанил бледными пальцами по столешнице.

– Что известно о брате Рассвета?

– Он чокнутый.

– О!

– Вот то-то, что «о!». Если тип действительно воспользуется визой (а почему бы нет?), то наш коллега получит изумительного родственника на шею.

– Он отправит его обратно, в провинцию, где ему и место.

– Очевидно. Но испорченные дни Рассвету гарантированы. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

– Признаться, никакого смысла не вижу. Под маской брата может явиться кто-то другой?

– Такое едва ли возможно. У бедняги, естественно, уникальный чип. Человека можно убить или лишит сознания, а его индекс-чип – вырезать из тела, но вот вживить другому...

– Не получится?

– Нет, не получится. Чип не будет функционировать ни автономно, ни в контакте с чужой биосистемой. Если хотите, энергетическая и химическая несовместимость.

– Схему сложно подделать?

– Попытки случаются время от времени. Обычно, их легко раскрывают, а наказывают исключительно сурово, так что...

– Вы думаете, что моею внучкой двигали обычные хулиганские мотивы?

Шеннон задумался.

– ...Трудно сказать. С одной стороны, похоже на то – она типичное дитя приюта. С другой стороны – откуда девушка могла знать про безумного брата декан-координатора? Ответить нетрудно. Ее умело направляли, и некто осведомленный, скорее всего, хочет публичного скандала накануне голосования. Он плутует и в ход идет все – братец-психопат, эксцентричные выходки вашей внучки...

– Есть возможность этому помешать?

– А нужно? – честно спросил Шеннон. – Раз мы оба предупреждены, значит, не беззащитны. Что же касается неприятностей Рассвета – пусть выкручивается из них сам, как пожелает. Я прощупаю его намерения. Если он собирается нас поддерживать, то можно попытаться ему помочь, в противном случае я лично умываю руки.

– Мне очень не нравится потенциальный чужак в Эламе.

– Да бросьте! У нас тут презрительно собственных, доморощенных подонков. Одним больше, одним меньше – какая разница... В конце концов, подлинность брата всегда можно проверить, они с Рассветом близнецы, а это резко упрощает дело.

– Одинаковая внешность, общая группа крови, органов...

– Вот именно, что общая для них обоих.

– Брат Рассвета точно не в себе?

– Совершенно точно.

– Я хочу видеть этого человека.

– Думаю, нечто подобное еще можно будет устроить. Остается последний вопрос, что делать с вашей беглой внучкой? Девушка скрылась, чуть ли не пройдя сквозь защитное поле, и я понятия не имею, обращаться ли теперь в полицию.

– Рассвет начнет самостоятельно исследовать обстоятельства?

– Очень может быть, что и начнет. Тогда мне придется взять вину за визу для близнеца на себя.

– А справитесь?

– Я-то придумаю для него правдоподобное объяснение, – мягко усмехнулся Дин. – А вот ваша внучка...

– Она меня больше не интересует, – жестко отозвался генерал-координатор. – Вильма совершенно не оправдала моих ожиданий. Что ж, займусь поисками другого человека на освободившееся место.

– Так мне обращаться в полицию?

Кантер помолчал.

– Пожалуй, нет. Не стоит этого делать. Я отыщу ее своими средствами и поставлю точку в деле. Забудьте о ней. Считайте, что этой девушки больше нет.

Шеннон дрогнул в душе – голос старого друга звучал очень убедительно и вместе с тем равнодушно. В приговоре не чувствовалось ни единого оттенка игры или фальши.

«Вот так вот. Без колебаний и самокопания. И собственный физический развал ему не мешает».

– Мне пора уходить. Всего доброго, Влад.

Он ненадолго остановился у барьера, отрешенно рассматривая людей внизу. Мелькнул знакомый – ненадолго Дину показалось, будто он видит не кого иного, как самого Рассвета, но расстояние обычно мешает истинно человеческим глазам, а потому эламит отвернулся, решив что наверняка обознался. В прохожем присутствовало нечто чужое, нерассветовское.

А ста метрами ниже, на твердой земле, Тони Лейтен как раз запрыгнул в такси, изо всех сил борясь с искушением немного отодвинуть момент встречи с «братом».

Шеннон же побрел вдоль ограждения к своей машине, переживая весьма неприятное, и прежде не особенно знакомое ему чувство – грусть, переходящую в муки совести. Вильма ему нравилась, несмотря на инцидент с терминалом, но в повседневной жизни Элама была бесполезна, а Кантер не нравился, но оставался необходим. Дин прикинул, что может произойти с девушкой в ближайшие дни – варианты получались очень разными, но все были безобразны с эстетической точки зрения и это только усиливало дискомфорт самого Дина. Обер-координатор вернулся в Гуманитарный Центр и проработал там до вечера, а ближе к ночи, освободившись, посетил несколько увеселительных заведений, методично выбирая развлечения подороже. Ближе к утру Шеннон вымотался и был изрядно пьян. Незнакомая женщина держала его под руку цепкими лапками, пытаясь придать координатору вертикальное положение и затолкать добычу в такси. По дороге хмель отчасти выветрился, а потому охваченный подозрениями Дин позаботился, чтобы незнакомка не попала в его резиденцию.

Дама так и осталась по внешнюю сторону арки, в ярости и едва ли не в слезах, унижительно оскорбляя беглеца, а психотехнолог в состоянии пьяной недоверчивости отправился проверять сейф, в котором со вчерашнего дня отлеживался терминал, надежно защищенный паролем.

Под самое утро координатору приснились странные и завораживающие глаза Вильмы, которые незаметно сделались частью разветвленного, сложно выстроенного кошмара...

Он проспал до следующего полудня, проснулся в состоянии разбитом, а потому решил на будущее проявлять большее благоразумие и заняться неотложными делами всерьез. День выдался выходной, как и следующий день, а еще через один день психотехнолог Дин Шеннон, уже имевший достаточно времени поразмыслить, увиделся с координатором по фамилии Рассвет, и эта их встреча была обставлена как случайная.

Оба встретились в кулуарах, после заседания, на котором не были главными лицами, а потому могли без особых сложностей оставаться в тени.

Рассвет, который тоже выглядел усталым, охотно откликнулся на приветствие Дина и пожал ему руку, потом они обсудили все понемногу – в том числе финансовую сторону проекта, в котором Шеннон был заинтересован. Голосования ждали через шесть недель, и Рассвет твердо уверил обер-координатора в своей поддержке (лично ему она ничего не стоила).

Уже собираясь уходить, Дин замешкался всего на минуту, словно бы вспомнив кое-что необычно забавное и грустное одновременно.

– Нам нужно будет связаться через пять дней, когда формулировки для голосования будут готовы, обдумаем детали вместе. Надеюсь, моя проблема со связью уже будет решена. Кстати, как ваш терминал, коллега – он исправен?

– Не понял, – ответил Рассвет, слегка обозлившись.

– Не поверите, я не в ладах с электроникой, вечные проблемы, и вот позавчера мое персональное устройство...

– Что?

– Я его уронил на пол.

– Отдайте ремонтникам.

– Так и сделал, но после у меня осталось ощущение, что в вещице кто-то *слишком* покопался.

– Бред собачий! – очень невежливо сказал Рассвет.

– Нет, не бред. Если вам приходили от меня сообщения нелепого толка, допустим, провокационные, бессмысленные или оскорбительные, не торопитесь принимать все это на веру. Фальсификаторы могут оказаться выгодными конфликты и неприязнь в Совете.

– Я ничего такого не заметил, – не очень искренне отозвался декан-координатор.

– Тогда забудьте об этом, я просто несчастный человек, параноик, когда дело касается работы, – с самым виноватым видом пояснил Дин.

Он ушел, тайно посмеиваясь. Подспудное недовольство Рассвета указывало на то, что беспокойный брат, сразу и с большой охотой воспользовался неожиданным приглашением и уже заявился в Элам. Дин дал себе слово непременно проверить идентичность Константина, но торопиться не стал, чтобы не возбудить подозрений. Рассвет же, не дожидаясь конца заседания, взял гироплан и отправился домой, ругаясь на чем свет стоит, витиевато, но совершенно беззвучно. Чуть позже он поклялся самому себе при случае проверить Шеннона на правдивость.

Так и закончился этот день.

* * *

– Что с тобой? Может быть, ты заболел?

Тони промолчал. Он всегда пытался скрыть пробелы в знании за молчанием. Оба говорили на родном диалекте декан-координатора.

Рассвет отложил в сторону аптечку.

– Ты вовсе не простужен, и прибор это показывает. Зачем ты приехал, Костя?

– Ты сам меня пригласил.

– Не обманывай, у тебя это плохо получается – я не приглашал тебя. У меня сейчас много работы, и некогда возиться, здесь плохой сезон и городская обстановка вредна при твоей болезни.

– Ты звал меня приехать.

– Почему ты вообразил, что я тебя зову? – довольно терпеливо переспросил Рассвет.

Тони (который жил у «брата» уже сутки) упорно избегал прямых взглядов. Его пугала копия украденного лица.

«Что делать, если эламит ударится в воспоминания детства? Спросит, как звали моего первого щенка, или какое платье надела наша мать в день нашего же совершеннолетия? Я ведь не знаю почти ничего. Бред. Возможно, у нас не было собаки, и какой сын вспомнит все платья матери спустя годы? Эламит легко наврет, имея единственной целью внести путаницу. Остается надеяться на абсолютное сходство. Вообще-то, любые странности можно списать на чудачество Константина. Да и с чего я взял, что „брат“ мне не доверяет? Вот он, сидит напротив, держит на ладони аптечку, само воплощение родственной заботы».

– Я очень рад тебя видеть, – ласково сказал Рассвет. Безмятежная улыбка брата казалась Тони приклеенной. – Послезавтра уедешь домой, тебе лучше исчезнуть до того, как Марина вернется из отпуска.

Мариной звали жену координатора.

– Можно мне остаться еще ненадолго?

– А разве ты вспомнил, кто дал тебе приглашение?

Лейтен опустил голову на ладони.

– Я не помню. Меня сюда позвали.

– Кто?

Тони напрягся, подыскивая интонацию поправдоподобнее.

– Голос, – пробормотал он.

Эламит едва ли был сведущ в психиатрии, и Лейтен очень надеялся именно на это. Декан-координатор от души ругнулся.

– Тебя обманули, Костя, – добавил он уже спокойнее. – Тут беспокойное место и не очень подходящий момент – ехал бы ты домой, ей богу...

– Меня уже выгнали с работы.

– Это все ерунда – найдем тебе другую. Если захочешь, можешь совсем не работать, живи на деньги, которые я тебе даю. Чем отдых-то для тебя плох?

– Скучно.

– Займись собирательством. Хочешь попутешествовать – помнишь, где мы ловили рыбу?

Тони растерялся. Он тайно дотронулся до того робкого, почти уничтоженного, что осталось в нем от чужака. Он знал язык Рассвета как родной и чувствовал в себе необычайно яркую тягу к самовыражению, которой раньше не замечал.

Но он не мог вспомнить ни единой подлинной картины прошлого – ни рыбалки, ни детского облика брата, ни лица и рук Наташи, иначе как по фотографиям.

– Давай-ка, я лучше порисую, – нашелся он неожиданно для себя.

Рассвет кивнул.

– Я куплю тебе инструменты и альбом, они будут на месте через пять минут. Только не пачкай тут ничего – не вздумай мазать стены или сиденья, эта акриловая краска чертовски хорошо ложится.

Тони забился в угол – его все время тянуло устроиться в углу, как будто надежно защищенная спина что-то меняла в деле. Маленькое и ловкое скользнуло мимо, задев шкуркой его ботинки. Лейтен уже знал, что это ручной хорек, любимец координатора. Давным-давно (а на самом деле всего пять лет назад), еще оставаясь студентом Академии Искусства, Лейтен любил рассматривать леонардовскую «Даму с горностаем», хотя Да Винчи, с его тогдашней точки зрения, безнадежно устарел.

Тони знал, что красавица-итальянка на картине держит вовсе не горностаю, а только белого хорька, смиренного одомашненного альбиноса, который в минуту испуга вполне мог испустить на ее голубое платье вонючую струйку.

Хорек координатора был иным – зверь неиспорченной цивилизацией темной породы, что только укрепляло опасения Тони по части мерзкого подвоха.

– На вот, рисуй, – сказал Рассвет. – Мне даже интересно, что у тебя получится.

Лейтен развел краски, уже осознавая, что впутался в опасную авантюру. Он слабо представлял, как может выглядеть живопись неподдельного безумца. Возможно, качественная художественная работа натолкнула бы координатора на подозрения, а, может быть, только укрепила бы его в мысли, что ненормальность-сестра таланта.

Не мудрствуя, и не утруждая себя деталями, Тони принялся рисовать вид Элама – по памяти, таким, каким видел его позавчера через иллюминатор. Рассвет стоял рядом и рассеяно кивал, наблюдая, как ложатся мазки и обретают совершенство светотени.

– Неплохо. Очень даже сносно. Не знаю, как ты умудрился выучиться. При оплаченной рекламе мог бы сделать себе имя и карьеру в искусстве.

Лейтен посмотрел на результат и испугался.

Так, ярко, точно и экспрессивно, он не рисовал никогда. Что это – случайность? Влияние переноса? Свойство чужих пальцев? Манера выглядела почти не знакомой.

Тони отодвинул лист в сторону.

– Давай, что-нибудь еще. – Попросил Рассвет.

Лейтен нарисовал общий контур водоема, намереваясь дополнить его башней и вдруг понял, что первоначальный замысел не слушается его. Неживая вода эламитских резервуаров превратилась в зеленоватую воду заболоченного озера. Черные ели по окоему воткнулись в пасмурное небо. Тонко переданный дождь высекал из поверхности крошечные фонтанчики воды. Лейтен наметил было контуры купола, но опомнился, смял литок бумаги и швырнул его в камин.

– Зря, – заявил эламит. – Очень жаль. Рисунок был отличный, мне даже кажется, что я узнаю это место.

Паника охватила Лейтена. Ненадолго он решил, что рука Константина, движимая собственной волей, едва не выдала похитителя.

– Вообще-то, тебе нужно заняться делом, – добавил заботливый декан-координатор. – Утром ты уедешь, в самом деле, я не хочу, чтобы вы с Мариной лишний раз виделись. Знаешь, она, увидев тебя, нервничает. А ты вернешься домой, бросишь свой зоопарк, и всерьез возьмешься за рисование. Будут деньги и время поработать. Я найму людей, которые оценят результаты и сделают тебе известность.

Лейтен представил себе, как несчастный Костя Рассвет, получив тело обратно, покрывает груды бумаги бессмысленными каракулями, и подавил подступившую истерику. Он не сомневался, что этого не будет никогда, что Кот убьет сумасшедшего близнеца, как только он, Тони получит назад свое тело.

Но прообраз будущих рисунков все же не уходил. В тусклом смешении красок явственно проступал дождливый пейзаж Сонного Острова.

– Хватит мучиться, иди спать, Костя, – настойчиво предложил Рассвет. – Завтра будет трудный день, тебе лучше отлежаться перед перелетом.

Лейтен убрался в свою комнату. Он расположился в темноте, старательно делая вид, будто спит. Рассвет не обманул ожиданий, через полчаса он явился на цыпочках с аптечкой, приложил ее к руке брата и сделал инъекцию, скорее всего – легкое снотворное. Даже после этого взвинченный художник не уснул, а лишь погрузился в душевное оцепенение.

Он лежал очень тихо, слушая тиканье антикварных механических часов. Ложное окно на стене, показывало созвездия южного полушария. Светила, сообразуясь со временем, тихо ползли по куполу небес, но не непрерывно, а подергиваясь, и это техническое несовершенство, состоящее из крошечных скачков, хорошо замечал тренированный глаз Тони.

Он впервые понял всю безысходность ситуации.

«Даже если мы вернемся с победой, и сволочь Кот не подведет, и проходимец Феликс Новаковский выполнит обещание, и я получу назад свое тело – что тогда станется со мной? Сегодня я едва не почувствовал себя *настоящим* братом координатора. Смогу ли я освободиться от чужих мыслей? Где вообще граница души и тела? Мозг? Но у меня сейчас мозг настоящего сына Наташи. Не сделаться бы до конца жизни чудачком... А Вильма? Что будет с Вильмой, я не знаю. Мне ее жаль, но я не стану искать девушку в Эламе, потому, что боюсь ловцов, боюсь касаться глубин, и потому что эгоизм одиночек давным-давно вытравил в нас стремление к милосердию. К тому же я верю, мне хочется верить, что она спасется сама. Вильма всегда возвращается...»

Он выждал два часа – заунывные удары антикварных часов оказались как раз кстати.

Потом встал и бесшумным шагом прошел в кабинет. Рассвета там не было, он ушел спать, а спальня располагалась где-то в дальней стороне резиденции. Лампа на стене давала очень удобный пучок света – узкий и направленный. Сейф стоял рядом. Тони нащупал инструмент под кожей бедра. Тайничок, вживленный хирургически, не требовал при вскрытии разрезов, никакой крови, отверстие в тканях маскировала сделанная в виде родимого пятна наклейка.

Лейтен тут же сорвал наклейку и спрятал ее в карман. Вытащил из бедра отмычку, пристроил устройство куда положено, тонкая механическая гусеница немедленно поползла по металлу, вздергивая передний сегмент и отыскивая ей одной понятные приметы. Потом нырнула в отверстие замка.

Тони присел на пол. В замке едва различимо похрустывало. Гусеница ненадолго высунула из скважины «головку», но ее искусственный разум, возможно, располагался совсем в другом месте. Тони ждал с бесконечным, ровным терпением. Хорек координатора шмыгнул куда-то – ладно, хоть не нагадил прямо на виду. В замке противно скреблось, через минуту дверца приоткрылась на палец, штыри клацнули, уступили, гусеница упала на ковер и, ориентируясь на тепло, подползла к ногам Тони. Он, движимый чем-то вроде сострадания, поднял полуразумное существо и пристроил у себя в кармане.

Оставалось самое главное.

«Может ли Система различать близнецов?». Дактилоскопия, некогда популярная, а ныне затюканная наука об идентификации по отпечаткам пальцев, работала против Лейтена. У близнецов отпечатки разные. То же самое касается рисунков на радужной оболочке глаза. Он вынул заранее приготовленное зеркальце и бесконечно аккуратно пристроил на роговицу контактные линзы. Там, на Сонном острове, Тони получил их от Кота, где взял образцы Кот, оставалось загадкой. По словам техника, рисунки тайно скопировали с самого Рассвета, то же самое касалось напалечников с папиллярными линиями. Лицо и общая форма руки в усовершенствованиях не нуждались – сходство гарантировалось геномом близнецов.

Тони натянул напалечники, вздохнул, выждал секунду, помолился богу, в которого не верил, одним движением открыл вторую дверцу сейфа и приложил подушечки пальцев к панели.

В беззащитные зрачки ему смотрел объектив камеры. Несколько секунд внутренняя система резиденции сканировала внешность пришельца – лицо, почти точную копию физио-

номии Рассвета. Лейтен знал, что при неудачном тесте сур с безжалостной точностью включит сигнал тревоги. То, что сейчас лежало за тяжелой дверцей, стоило и защитных мер, и любой предосторожности.

Тонкая игла проколола напалечник и вошла в безымянный палец.

«Проба крови, – понял Тони. – То, ради чего мне понадобилось подлинное тело Константина Рассвета. Раз в дело пошла игла, значит, поддельные радужки и отпечатки вызвали некоторое сомнение. На анализ крови уйдет минут десять, и это в лучшем случае, а времени-то почти нет, декан-координатор вот-вот проснется, я интуитивно знаю это».

В кабинете стояла глухая тишина. Игла больше не появлялась. Сур, искусственный разум резиденции, должно быть, призадумался, пытаюсь закончить идентификацию.

Через минуту последняя, третья дверца хранилища лязгнула и отошла в сторону.

«Ну вот и все, я выиграл и спасен».

Лейтен тыльной стороной ладони вытер мокрый лоб. Искомое лежало совсем рядом, Тони вытащил крошечный диск и сунул в копировальное устройство. Подождал, когда устройство плюнет копией, и убрал ее в освободившийся тайник на бедре. Потом вернул оригинал на место, запер сейф, снял напалечники и вместе с контактными линзами зашвырнул их в утилизатор. Про разумную отмычку Лейтен не вспомнил, она легким комочком свернулась в кармане и там притихла, чтобы спастись.

Дело было сделано, и казалось, сделано как надо.

«Завтра уеду из Элама. Причем, за счет самого декан-координатора. Остается только собрать свои рисунки».

Он незаметно вернулся в свою комнату, и, охваченный эйфорией победы, прикинул, как лучше скоротать оставшиеся часы. Бессонница, последствие нервного перенапряжения, была тут как тут. Лейтен отыскал альбом и принялся рисовать по памяти. Как это иногда случается, грубые образы, отстоявшись в сознании, получались убедительными и одухотворенными. Тут тебе и задумчивый технократ Рассвет в полупрофиль с хорьком на шее, и вдохновленный декан-координатор в позе Наполеона с сигаретой в зубах, и Вильма, в сложном пируэте, с глазами, сверкающими как драгоценные камни.

...Опасный рисунок с Вильмой он спалил – немедленно, в том же самом утилизаторе. Портреты Рассвета прибрал в папку. Утренняя заря вливалась в окно словно сахарная глазурь – розовая и приторная. Тони пытался притвориться спящим. Как ни странно, сон пришел сам собой – и сон этот оказался страшен.

Художник видел смутно знакомую комнату, книгу в распластанном переплете, брошенную на пол. Опасность и откидное красное кресло, словно бы приготовленное для отдыха... Свое мертвое тело на нем.

* * *

– Вставай, Костя, хватит дрыхнуть!

– Сейчас.

– Одевайся, черт, даю тебе только четверть часа, потом сядешь в мой гироплан и я подброшу тебя в аэропорт. Пора кончать затянувшиеся каникулы.

– Я хочу забрать свои рисунки.

– Бери... Впрочем, погоди, оставь их пока на месте. Пойдешь со мною, на этот раз брату понадобилась твоя помощь.

Лейтен уже оделся, голова раскалывалась, ломило за ушами и в затылке – должно быть, настигли последствия вчерашнего стресса. Отмычка опасно шевельнулась в кармане рубашки, но заносчивый декан-координатор, кажется, ничего не заметил.

– Нужно переставить стол, – заявил он. —Хорек вчера нагадил под антикварным столом, размеры кибергорничной не рассчитаны на нестандартные щели и нестандартный вес.

Лейтен, негодуя в душе, поплелся вслед за Рассветом.

В кабинете царило спокойствие. Вскрытый ночью сейф выглядел нетронутым и даже казался исполненным достоинства. Письменный стол, и в самом деле, массивный, дубовый, нижней поверхностью ящиков почти касался пола.

– Возьмись за крышку с другой стороны.

Лейтен обошел нестати подвернувшееся кожаное кресло. Он не помнил, видел ли его вчера. Задетая книга сорвалась со стеллажа и рухнула на пол.

– Марина в отпуске, и всюду беспорядок.

Тони не ответил. Декан-координатор отстранил брошенную книгу и зашел Лейтену за спину, подбирая разбросанные безделушки.

– Хорек поработал, – заявил он очень серьезно.

Тони молчал.

– Смотри...

Лейтен инстинктивно обернулся на зов. Как оказалось – на вдохе. Густая струя аэрозоли попала ему в лицо. В тот же миг смешалось все – потолок и пол, стены, сейф, запертое окно, мебель, и панели...

Первое ощущение оказалось холодно-тошнотворным с маслянистым привкусом, потом стало все равно. Тони упал ничком на ковер и еще некоторое время ощущал щекой мягкое прикосновение ворса и биение крови в венах. Он напрасно ждал настоящего обморока. Рассвет держался на расстоянии, потом совсем исчез из поля зрения, только где-то поблизости нехорошо побрякивало, то ли стекло, то ли металлические инструменты. Слабость не только не отпускала Лейтена, а даже усиливалась, эффект походил на паралич.

Эламит подошел поближе и носком ботинка ткнул противника в бок.

– Что ты чувствуешь? Ты можешь говорить?

Тони попытался сказать что-нибудь оскорбительное, но язык накрепко прилип к гортани.

«Брат» поднял чужую бессильную руку и аккуратно закатал на ней рукав. Тони хорошо видел шприц. Сознание работало удивительно ясно, он не сомневался, что сумел бы выдумать и правдоподобно защищать в споре любую ложь, но, к несчастью, не мог даже пошевелить онемевшими губами. Игла приблизилась к вене, потом Рассвет заколебался, отошел и вернулся со жгутом.

«Значит, укол не смертелен, он не собирается меня травить, – подумал Тони. – Иначе не стал бы перетягивать вену. Почему? Да все это просто как разбитый орех – технократ хочет сохранить в целостности брата. Он был привязан к близнецу и еще надеется повернуть весь процесс вспять».

Эламит обмотал вялую руку противника, ткнул шприцем. Тони не почувствовал ни боли, ни даже самого укола. Он вытянулся на полу, на спине, и хорошо видел боковину дубового стола, пыльный уголок под шкафом, книгу, свалившуюся на пол, да так и оставшуюся лежать – странный предмет с распластанным переплетом и неловко подогнутой страницей.

– Ты меня слышишь?

Онемение с гортани сошло, Тони попытался ответить «да», но вместо этого закашлялся.

Задумчивый Рассвет сидел рядом на корточках, видимо, эта поза ему надоела, он, ругнувшись в выражениях, которые не подошли декан-координатору, подхватил Лейтена под мышки и довольно ловко зашвырнул в глубокое кресло.

– Дыши носом, иначе стошнит, я не хочу, чтобы моя горничная убирала за тобою блевотину.

– Меня не мутит.

– Врешь, впрочем, это не важно.

Тони попытался шевельнуть рукой, но не сумел – оцепенение продолжало сковывать конечности. Рассвет каким-то чудом заметил эти попытки и печально покачал головой.

– Не надо и пытаться, тут все надежно, перестраховка совсем не лишняя вещь, когда имеешь дело с аферистами.

То, что декан-координатор опознал присутствие чужака в теле брата, становилось слишком очевидным. Как он мог? Знал или догадывался? Лейтен не был уверен, что Рассвету эффект переноса знаком хотя бы в теории, таинственные эксперименты Феликса прошли где-то в недоступных Лейтену сферах. «А что я знаю о наследнике Наташи? – обреченно подумал он. – Я считал его сыном скандально известной примадонны, человеком, который стесняется умалишенного близнеца и дойной коровой по части денег. Может, у Рассвета плохо с милосердием, зато с логикой все в порядке. Но он меня не убьет, этого можно не бояться. Декан-координатор не рискнет оказаться заподозренным в братоубийстве».

Несмотря на эти утешительные мысли, Тони сильно мутило.

– Носом, – снова мрачно посоветовал Рассвет.

– Не помогает.

– Сейчас поможет. Впрочем, не пытайся воображать себя важной персоной. Я забочусь о твоём здоровье только из-за брата. Где ты оставил его?

– Не скажу.

– Он жив?

– Да. Поэтому прикладывать ко мне руки категорически не советую. Иначе ваш брат погибнет тоже.

– Где то, что ты спер у меня в сейфе?

Лейтен промолчал. Декан-координатор обшарил его – сначала небрежно, потом, не найдя ничего, более тщательно.

– Тайник под кожей, что ли? – спросил он поморщившись. – Ну и дрянь. – Кто тебя послал сюда?

– Наниматель.

– Я понимаю, что не Богородица – меня интересует его имя и род занятий.

– Мы общались только заочно и под псевдонимами, через Сеть и посредническое агентство.

– Ты хочешь сказать, через вашу подпольную биржу аферистов.

– Пусть даже так, если вы очень хорошо осведомлены о жизни аферистов, то сами, должно быть, знаете, что рассказывать мне особо нечего.

Рассвет задумался.

– Жаль, что ты вылитый Костя – сказал он сардонически. – Я бы проучил тебя с огромным удовольствием, но сделаю еще лучше.

Тони попытался не показывать страха.

– Декан-координатор Элама не станет рисковать карьерой, калеча человека, который выглядит его близнецом. Если хочется, вызывайте полицию – давайте, продемонстрируйте им свое обращение с больным братом.

Рассвет кивнул, задумчиво, без особой злобы и ответил почти вежливо, перейдя на «вы», от его прежней фамильярности не осталось и следа, но это еще больше испугало Лейтена.

– Пожалуй, верно – примитивные избиения не по моей части. Оставим это занятие для подобных вам ничтожеств. Впрочем, не спешите расслабляться от радости. У моего брата признанный схизис, расщепление личности, любые странности поведения объяснят этим. Молчите или выкрикивайте свои признания полиции, никто не докажет, что вы и Костя – не одно и тот же лицо... Знаете, что я сделаю? Как опекун отправлю вас в клинику. Там очень хорошие

условия – весь мыслимый комфорт, который можно предоставить за деньги. Замечательные лекарства. Остаток жизни вы проведете среди психов.

– Вы брата этим не вернете.

– Знаю. Но этим я за него отомщу.

Тони снова затошнило, на этот раз – от страха, а не от наркотика. «Впереди только полгода жизни. Он вполне способен выполнить угрозу. Он ее и выполнит, можно не сомневаться. Мое сознание будет постепенно растворяться в чужом теле, без помощи, без сочувствия и жалости, без свидетелей агонии. Что бы я ни говорил, все сочтут бредовыми видениями помешанного. Полгода. А потом я фактически умру – меня не станет как личности, а останется только это тело, которое я уже привык считать своим».

– Я сделаю все это, – пообещал декан-координатор.

– Может быть, лучше договориться?

– О чем?

– Мои друзья возвращают вам брата. Вы отпускаете меня.

– Не пойдет. Я не верю таким аферистам.

– Какого черта! Мы ведь не причинили ему ни малейшего вреда. Константин до сих пор жив, я отдал ему свою оболочку. Разум вашего брата слишком искажен, чтобы страдать от воспоминаний о переносе. Вы собираетесь мстить за то, что существовало только в теории.

– Что делать, я и по натуре и по профессии теоретик.

Рассвет подтащил поближе стул и уселся напротив Лейтена. Пожалуй что, он с интересом рассматривал копию собственной головы. Близнецы отличались немногим – волосы Константина отросли на пару сантиметров по сравнению с короткой стрижкой декан-координатора. В остальном сходство выглядело разительным. Зеркальный фрагмент стенной панели помогал Тони видеть и по достоинству оценить всю картину.

«Как две капли воды. А ведь он понимает, как сильно мы похожи. Это физическое сходство способно помочь – сыну Наташи очень трудно причинить вред собственной копии. Но у ситуации есть и вторая, скрытая сторона – внешнее сходство не совсем лжет. У нас есть что-то общее, на тонком уровне, почти неуловимое. Это подобие не между Рассветом и идиотом Костей, которые отличаются словно небо и земля, а между мною, Тони Лейтеном и декан-координатором Элама. Мы оба в здравом рассудке и не хотим крайнего исхода. Надо попытаться уговорить его...»

– Сколько отвалили за изменение внешности? – внезапно спросил Рассвет.

Тони, поколебавшись всего секунду, назвал настоящую цифру, после чего зеркало снова отразило скептическую гримасу координатора.

– К несчастью для вас, я ученый и твердо знаю, что обмен сознаниями невозможен. Долго объяснять, почему невозможен, поэтому просто поверьте – если даже каким-то чудом удалось обойти чисто технические трудности, если полдесятка фундаментальных законов оказались неточными, если даже нашелся гениальный до безумия специалист, который задумал и осуществил эту авантюру – цена результата баснословна. Господи! Да имея на руках такую технологию, вы могли царить в научных сферах. А вместо этого за гроши ввязались в уголовщину с подлогом. Врете вы все. Это обычная пластическая операция.

Паралич немного отошел, Тони в бессильной злости чувствовал, как пылает его лоб.

– Это не постоянный обмен, а только временный.

– В любом случае, открытие такого уровня не отдадут по дешевке.

– Хотите сказать, что я лгу даже сейчас, когда сижу перед вами совершенно беспомощный?

– А черт вас знает, все может быть, – грустно ответил координатор. – Я мог бы подумать, что вы и впрямь мой брат, что у Кости новая мания, и вся история с переносом рассудка – только игра его больного воображения, но...

– Почему «но»?

– Есть несколько мелочей, которые выдают преступный умысел.

– Что выдает?

– Да пыль на вашей одежде. Обычная пыль. Как только у меня возникли подозрения, я проверил ее под микроскопом – меня интересовали споры и пыльца растений. У пыльцы очень интересный состав – такого брат не мог нахвататься в пределах Элама. На карте есть всего несколько мест с подходящей растительностью, но все они довольно далеко отсюда. Брат не мог путешествовать, не имея свободных денег. Значит, его вывезли – только потом в Элам, а сначала куда-то еще. Это сделали вы.

Лейтен опустил веки, чтобы не видеть своей суровой копии.

– Когда меня заподозрили?

– Почти сразу же. Вы играли Костю чересчур бездарно. И, все-таки, я сначала не мог поверить, что передо мною другой человек. Такое предположение выглядело слишком фантастическим. Как хоть вас зовут на самом деле?

– Антон Лейтен.

– Это настоящее имя?

– А вы как думали?

Координатор укоризненно покачал головой.

– Вы тоже дурак, как и мой братец, только в другом роде. У того внешняя пассивность и сложная внутренняя жизнь. А у вас распущенное воображение и активная тяга к смертельному риску. Словно вы до конца не представляете последствий. Надеюсь, мои объяснения вас убедили?

– В каком смысле?

– В том смысле, что кто-то вас лихо надул. Не знаю, как именно был проделан трюк с сознанием, но целью наметили вовсе не диск, который вы украли. Из ценной информации там только банковский код. Я не беден, скорее, довольно богат. Но не настолько богат, чтобы опустошение моего счета окупило уникальный эксперимент с вашим сознанием.

– Тогда я не представляю, что вам и ответить. Я не знал, что было на тех дисках. Мне просто обещали заплатить за работу.

– А не отвечайте ничего – ваша неосведомленность и так вопиет о себе.

– Что собираетесь делать теперь?

– Не знаю, – хмуро отозвался эламит, и Тони в тот миг верил, что декан-координатор говорит правду. – Не знаю, Лейтен. Ваш паралич продержится до следующего полудня, за это время я решу окончательно, заявлять ли в полицию, или тихо спровадить вас в клинику для душевнобольных. Мой брат погиб в любом случае – вы не вернете мне его, даже если бы сильно захотели.

Тони, поневоле лишенный нормальной мимики, изобразил кривую улыбку.

– Стоило побережь Константина, пока он прозябал в роли сторожа зоопарка. Теперь мне трудно поверить, будто вы заботитесь о нем.

– Может быть, вы и правы – я негодный брат. У каждого свои недостатки.

Координатор махнул рукой и повернулся, чтобы уходить.

– Погодите!

– Чего еще?

– Негуманно заставляя меня почти сутки сидеть в кресле.

– Вор и лжец, вы еще рассуждаете о гуманизме.

Рассвет, впрочем, сделал шаг назад и нажал кнопку на панели. Кресло мгновенно запрокинулось, став кушеткой, и Тони оказался в лежащем положении.

– Я хочу пить.

– Ладно, пришлю кибера, он даст вам минералки. А без еды пока обойдетесь, поголодаете несколько часов – это полезно. С вами столько хлопот!

Декан-координатор прикрыл жалюзи, ссутулился и ушел, Тони остался в устроенной для него полутьме и почти сразу перестал ориентироваться в пространстве. Он не мог бы сказать наверняка, лежит ли к двери головой или ногами. В доме что-то похрустывало – то ли в потемках перемещался обещанный кибер, то ли хорек координатора вышел на очередную охоту. Пожалуй, это был хорек – мигнула пара светящихся глаз – и Тони сразу вспомнил Вильму.

«Господи, если ты есть, помоги хотя бы ей... А надо ли помогать?»

Он лежал опустошенный, и пытался скрепить распадающиеся звенья логической цепочки. Сейчас, после слов Рассвета, внешняя бессмыслица событий открылась во всей красе. Лейтен по очереди представлял себе Кота, Феликса или Вильму в роли провокаторов, и каждый раз воображение услужливо подчинялось, создавая необходимую картинку. Отчаявшись, он попытался дремать, но вскоре понял, что ничего не получится – мучительная тревога держала мозг в напряжении.

– Эй, послушайте!

Декан-координатор не ответил. Лейтен попытался вертеть головой, шея немного двигалась, но руки и ноги оставались тяжелыми и безжизненными – их словно свинцом налили.

– Эй, координатор!

Молчание затянулось. Эламит не ответил. Глаза хорька потухли – должно быть, животное убралось в свое гнездо. Скверное предчувствие, более глубокое и менее рациональное, чем обычный страх, все сильнее мучило Лейтена. Он попытался повернуться на бок, но это получилось не вполне. Лежать стало неудобно, но он уже не мог вернуться в прежнее положение, на спине, как ни крутился.

Красноватая обивка кресла коснулась его щеки.

– О, господи!

Теперь Лейтен вспомнил все – предпоследнюю ночь на острове, свой сон – странный и недвусмысленный.

Чужая комната. Жалюзи. Мятая книга на полу. Красное откидное кресло. Его, Тони, мертвое тело, застывшее в перекрученной позе.

Лейтен почувствовал, что задыхается от страха.

«Меня сейчас убьют».

Он снова попытался подняться, но парализованные мышцы ответили судорогой. Чьи-то шаги прощуршали украдкой. Через минуту острое холодное жало воткнулось в шею – не очень глубоко, но довольно болезненно. На этот раз Лейтен заорал так, что звякнули плафоны. За стеной рухнула мебель, заверещал перепуганный хорек. Характерные шаги координатора уже раздавались в холле.

– Рассвет!

На появление хозяина система башни среагировала мгновенно – свет вспыхнул, яркий и холодный. Рассвет держал в руке пистолет. Удушье отпустило, но шею все еще покалывало. Декан-координатор быстро поправил жалюзи, и только потом подошел к «гостю». Он наклонился над Лейтеном, осторожно выдернул из его шеи оперенную иголку и поднес к чужому лицу, позволяя рассмотреть. Кончик иглы оказался испачкан кровью.

– Откуда эта штука?

– Прилетела сквозь щель. Я по забывчивости не аккуратно закрыл окно. От земли высоко. Никто не смотрит. Скорее всего, стреляли прицельно, по вам, из зависшего гиросплана. С такого расстояния и дурак попадет.

– Зачем? Я ведь жив.

– Скорее всего, пулька была отравлена. Довольно экзотический способ расправы, зато тихо и незаметно, и не нужно боевое оружие, хватит пистолета, которым усыпляют животных. Как вы?

– Более-менее.

– Повезло. У брата, который тащил в рот что попало, выработался иммунитет к некоторым ядам.

– А вы уверены, что стреляли снаружи? Мне послышались чьи-то шаги и писк.

– Это бродяжничает Пушок, мой хорь. Я так торопился вас спасти, что наступил ему на хвостик.

Тони искоса, насколько позволяла поза, наблюдал за декан-координатором. Эламит на взгляд Лейтена выглядел не слишком напуганным, скорее, задумчивым.

– И не бойтесь, что в ваш дом вот-вот вломятся?

– Ко мне? Вот уж не думаю. Я только что заблокировал окна и двери. Система безопасности башни работает безотказно. Малейшая попытка взлома чревата кое-кому неприятностями.

Лейтен вздохнул.

– Как все же правильно произносить, «Рáссвет» или «Рассвѣт»?

– Рассвѣт. Надо же, какой позор, зная язык почти в совершенстве, погореть на ударе-нии...

– Оба варианта, особенно настоящий, очень странные – славянские что ли? Вы с северо-востока?

– Да. Не знали, что ли? Или не опознали язык, который обнаружили у себя в башке? Бездарный аферист. Если решились рискнуть и играть моего брата, следовало, по крайней мере, подготовиться как следует.

– Тут и знать-то нечего, ваши болота с клюквой и еловые заросли обильно поставляют технократов.

Рассвет только хмыкнул. Лейтена колотило и от злости, от пережитого потрясения, даже паралич слегка отпустил.

– Вы же знаете, что я хочу пить. Кибера с минералкой так и не дождался, зато ваш поганый хорь издевался надо мною как только захотел. Зачем вы его держите?

– Не ваше дело.

– Лучше бы завели кота. – Сказал Лейтен и осекся.

Прозвище сообщника легко и просто слетело с его языка. «Это не наркотик и не психоманипуляция, это только потому, что я все время думаю о них – о Коте и Вильме. В первую очередь о Вильме, ну и о Новаковском, конечно, тоже. Интересно, где они теперь?»

– Где, интересно, обретаются ваши сообщники? – поинтересовался Рассвет. – Я слышал, у Дина Шеннона взломали личный пароль – вашей компании работа?

К великой радости координатора Тони не ответил.

– Вот вы и сознались. Бывают молчаливые признания. Вам кто-то помогал в Эламе?

– Задумали вызвать ловцов?

На этот раз не ответил Рассвет. Браслет управления «суром» запульсировал на его руке – должно быть, снаружи кто-то явился.

– Придется подождать, – неопределенно пообещал эламит и исчез, бросив Лейтена одного. Некоторое время ничего не происходило. Потом раздались шаги – одни уже привычные, рассветовские, и чьи-то чужие, однако мягкие, не похожие на топот полицейских ботинок. Фразы разговора долетали урывками:

– Хотят прикрыть финансирование...

– ...бред зазнаек и интриги дураков...

– Не могу хладнокровно слушать...

– ...думаю, при правильном давлении, здравый смысл перевесит.

Рассвет вернулся довольно скоро, но не один, в обществе высокого блондина с правильным, несколько высокомерным лицом. Гость рассматривал художника безо всякой вежливости, даже не пытаясь ее изобразить.

– Это тот самый? – коротко спросил незнакомый эламит.

Тони отвернулся.

– Да, это он, – очень спокойно отозвался Рассвет.

– Вы с ним похожи, – с легкой иронией продолжил лощеный гость. – Болезненное состояние, кстати, не очень заметно. Хотите, чтобы я проконсультировал вашего брата?

Лейтен не поднимал век, опасаясь выдать себя затравленным видом.

– Не возитесь с ним, Шеннон. Костю исследовали без счета раз, это бесполезная трата сил, ничего с ним не поделаешь.

– Тогда всего хорошего, увидимся позднее.

Пришелец быстро удалился.

– Отлегло? – ехидно спросил Рассвет. – Струсили? Я думал, вы скончаетесь на месте.

– Кто это был?

– Специалист по психотехнологиям. Мой добрый знакомый и коллега.

– Может быть, определимся? – озлоблено бросил Лейтен. – Если вы хотите выдать меня полиции, то действуйте прямо сейчас – валяйте, звоните и выдавайте. Если решили устроить самосуд, то и это делайте поскорее, а если не решили ничего, то сами вы сумасшедший. Вся ваша семейка – псих на психе и погоняет психом.

– Успокойтесь, куда вы лезете? На тот свет? Хотите раньше времени умереть? Или предпочитаете думать о вечном в тюрьме Элама?

– А вы сами чего хотите?

– Разобраться в деле. Меня озадачило покушение и кое-какие другие обстоятельства. Я не собираюсь вам мстить, потому что вы очевидная пешка на этой испачканной дерьмом доске. Когда пойму, в чем тут дело, я вас выпущу.

– Так я и поверил.

– Честное слово.

– О!

Лейтен захохотал так, как давно уже не смеялся.

– Да ладно, бросьте интересно и разнообразно лгать. Чего вы от меня хотите на самом деле-то?

– Сведений о ваших сообщниках.

– А вот этого и не скажу.

– Глупости. Как, кстати, самочувствие, встать сможете?

Паралич Тони почти прошел, но слабость осталась. На притворство Лейтен пока не решился, решив оставить эту возможность на потом – он не хотел раньше времени злить декан-координатора.

– Пожалуй, смогу, если очень захочется.

Рассвет пошарил в ящике стола и вытащил малопонятный предмет, наподобие наручных часов.

– Вы любите подарки, Антон?

– Смотря какие.

– Хорошие. Этот вам подойдет.

Он взял правую руку гостя и защелкнул на ней браслет.

Тони «подарок» сразу не понравился.

– Что это вы мне подсунули – «противоугонное»?

– Вещица рассчитана на эксперименты с животными, так что не стану врать, вас она в любом случае не убьет. Но мерзость та еще, если попробуете от меня сбежать без спросу, весь

комплекс дискомфорта гарантирован. Снять тоже не пытайтесь – прекрасный металл, очень прочный и легкий. Я не думаю, что у вас хватит духу оттяпать себе кисть руки.

– Сволочь.

– Нет.

– Скажите это кому-нибудь другому.

– Напрасно злитесь, я даже не буду демонстрировать модель в действии. Просто предупреждаю, чтобы не отходили далеко. Думаю, сто метров устроит нас обоих. А теперь вставайте. Осторожно только. Голова не кружится?

Тони промолчал, он, пошатываясь, прошел вслед за декан-координатором, как оказалось, только лишь через анфиладу комнат, к противоположному окну. Плотные жалюзи закрывало проем. Рассвет с любопытством приник к щели.

– Смотрите, мой «дорогой братец», какое тут творится рандеву.

Лейтен тоже приник к отверстию. По ту сторону толстого стекла, на расстоянии примерно шести метров от стены здания, на головокружительной высоте завис двухместный спортивный гироплан. Номер густо пятнала то ли краска, то ли пена. Очки прикрывали лица и водителя, и пассажира. Оба чего-то ждали, пассажир, к тому же, не показывал рук, возможно, прятал приготовленное оружие, или просто предпочитал такую позу.

– А я не верю в случайности, – философски заметил Рассвет.

– Это те самые люди, которые пытались меня убить?

– Возможно.

Панорама Элама расстилалась перед ними. Холодно блестели покрытые рябью озера. Башни тянулись к небу, словно побегги противоестественно огромного растения. Точки машин перемещались вдалеке, и только один гироплан – серый, похожий на раздувшееся насекомое, ждал по другую сторону стены, маневрируя в потоках воздуха.

Глухая тоска, отягощенная непонятной логикой событий, нависла над местом действия.

– Пошли отсюда, – буркнул Рассвет недовольно. – Хватит тарашиться на безрадостное зрелище.

Глава 5. В ловушке

Элам, утро после побега Вильмы

Есть такое правило, если хочешь спрятаться получше – устройся под носом у охотника.

Ботинки навсегда остались в доме Шеннона. Вильма убедилась, что координатор не решился на погоню, и пошла босиком по мозаичному полу яруса с таким видом, как будто отсутствие обуви – дело самое естественное. Обычно в Эламе поощряли оригинальность, или, во всяком случае, смотрели на чудаков снисходительно. Спрятать нечеловеческие глаза труднее. Можно сдвинуть кудри низко на лоб и поднять воротник блузки, прикрыв подбородок и щеки. Можно напустить на себя осовелый вид и держать полуопущенными веки. Это немного затеняет глазницы, но не более того. Дорогая одежда в сочетании с напускной неряшливостью и босыми ступнями придает вам вид не лишенной шарма, но морально опустившейся личности.

«Девочка, ты уже вполне проснулась?» – бодро спросил кто-то на ходу и ущипнул Вильму за бедро.

Она безмолвно скользнула в коробку огромного лифта, затерялась среди двух десятков пассажиров, пробралась к стене и прижалась к ней. Чей-то взгляд ползал по лицу и шее – она чувствовала это внимание как щекотку от комара.

«Наркоманка», – довольно громко сказала сильное, грудное женское контральто. Голос гудел как виолончель, наполняя собой тесноту лифта.

Прочие попутчики поначалу промолчали. Кто-то исподтишка, зло и больно, ткнул Вильму пальцем в бок.

«Девушка, должно быть, заблудилась, надо бы проверить ее чип», – радостно произнес старческий фальцет.

В ответ легко и непринужденно рассмеялась женщина – так смеются над пустяками счастливые люди, не имея иных причин, кроме собственного состояния. Вильма испугалась. Чужие голоса раздавались с разных сторон.

«Честное слово, парни, она расстелится под ноги здешнему стаду – спорю на что угодно».

«Вот наш этаж, выходим, пошли...»

«Тут девушке плохо – господа, помогите»

«Девушке? Охотно, я всегда помогаю девушкам» (хриплый голос и хриплый смех)

«Не трогай ее...»

«Что вы сказали? Заразиться чем?»

«Да не толкайтесь, ради бога. Этот проклятый загон и так переполнен»

...Она прижалась к стене, удивленная и испуганная неестественной враждебностью попутчиков. «В чем дело? Обычно эламиты терпимы, если, конечно, чужой имидж не мешает работе. Должно быть, у меня вид отверженной – именно он провоцирует их на агрессию».

Лифт остановился снова и кабина почти опустела. Владелец фальцета, выходя, бросил напоследок: «падаль, сука». Когда Вильма выбралась из башни, ее колотило, словно от стужи, несмотря на то, что городская климатическая установка пригревала всюю.

«В моем зрительном устройстве чип внучки генерал-координатора. Вытащить чип и не повредить зрение может только хороший специалист. Пока что Дин Шеннон опешил, но он скоро в себя придет – такие типы слабаками не бывают. Наверное, прежде чем звать ловцов, Дин встретится с моим дедом. Оба будут держать совет по моему укрощению. Значит, есть еще несколько часов в запасе. И все – потом конец с гарантией. Система управления городом включит тревогу, и меня засечет первая же глупая-преглупая сканирующая арка на выходе из района».

Вильма отошла подальше от подножия башни к набережной амортизационного озера. Она брела, продолжая старательно шуриться, рассматривая мир сквозь радужный туман и не обращая внимания на редких прохожих. Незнакомый парень-водитель – очень смуглый, но с высветленными до соломенной желтизны волосами, возился возле двухместного гиро-плана. У желтоволосого что-то не ладилось. Вильма остановилась, равнодушно пропуская мимо людей, не обращая внимания на летающие и катящиеся механизмы – ее зрачки сфокусировались на водителе.

– Закурить найдется? – спросила она чуть развязно, с оттенком минорной грусти. Интонация пришла внезапно и получилась хорошо.

Парень охотно поднес ей огонь и засмеялся.

– Как делишки? Застрял? – снова грудным голосом спросила Вильма.

– Есть немного. Компания норовит навязать мне вместо грузовика самое потрепанное барахло в городе.

– А я думала, ты меня подбросишь в аэропорт.

– А что? С удовольствием, потому что нам по пути. Я тут уже подправил кое-что.

Вильма втиснулась в кабину, отыскав себе место на заднем сиденье среди завала больших коробок – картонных, и маленьких – обернутых в серебристую бумагу.

– Поехали.

Машина шла низко над поверхностью озера, оставляя на жидкости пенистый бурун. Пару раз смуглый сворачивал под арки, Вильма каждый раз непроизвольно ежилась, но система безопасности покуда не реагировала никак. За пределами озера водитель предпочитал набирать высоту.

– Времени мало, – двусмысленно обронил он.

– Я ты садись поближе, прямо к арке, – с загадочным видом посоветовала внучка координатора.

Добровольный помощник, видимо, задумался на предмет второго смысла намека. Он любил себя, считался неотразимым для девиц, и был туповат, что Вильму как нельзя больше устраивало.

– Может быть, заедем куда-нибудь пропустить стаканчик?

Она кивнула, но не ответила, специально не сообразуясь с тем, сумеет ли водитель заметить этот жест. «Только бы он дополз до места, не забыв меня слишком хорошо, и не подняв скандала. Хотя мои глаза разве не запомнишь?»

– Аэропорт.

Вильма соскочила на теплые и чистые плиты площади. Сканирующая арка маячила в отдалении.

– Спасибо.

Парень, должно быть, только сейчас заметил босые ноги попутчицы.

– У меня сестра тоже баловалась этим, – глубокомысленно заметил он.

– Чем баловалась?

– Очищала энергии, – несколько неуверенно добавил водитель. – Понимаешь, она всегда ходила босиком – всегда, даже если когда стояли холода, хотя по-настоящему в Эламе не выстывает. Короче, она любила бегать с голыми пятками и без шляпы, чтобы освободить энергии, или еще что-то в этом роде освободить. Пяточки у нее были ничего себе, она их чистила и мыла. Потом подцепила какого-то парня с хорошим индексом и поселилась в другом районе, так что я редко вижу ее, а когда вижу, то обувь сестренки стоит всю мою квартальную получку.

– Занятно. Я ухожу.

Вильма, оставив желтоволосого за спиной, быстро зашагала прочь. «Только бы арка пропустила меня. Силы небесные, сделайте так, что бы она меня пропустила. Если это чудо случится, я никогда не увижу ни Кота, ни Тони – черт с ними со всеми, с проходимцами, пусть

как хотят, так дальше и живут. Я уеду далеко-далеко – в то местечко, где длинными веснами по утрам изморозь ложится на траву, а в летний полдень холодное море слизывает со старых камней прибрежную соль. Не будет ни риска, ни роскоши – ничего. Я стану безвестной тварью, песчинкой среди песка, забуду в самый дальний угол и никогда не явлюсь к Лейтену за своею толикой денег».

– Эй, ты! – грубовато окликнул ее беловолосый. – Как хоть тебя зовут? Ты уезжаешь или ищешь кого-нибудь?! Может быть, встретимся сегодня вечером, поболтаем, то-сё?

Внучка Кантера обернулась и прощально помахала водителю рукой. Следовало покинуть Элам. В Европе, там, где законодательство ограничивало манипуляции с индексами, можно хотя бы на время затеряться.

Стояло раннее утро и остывшая за ночь площадь грелась под солнцем. Контрольная арка, как символ судного дня, высилась совсем рядом. Скучал на положенном месте служащий, печальный бес по долгу службы, быть может, один из старых знакомых.

Вильма дрогнула, собираясь бежать.

– Вам куда? – лениво спросил чиновник.

«Во Франкфурт», – хотела произнести она заранее приготовленный ответ и осеклась.

Там, впереди, возле *того же самого* бордюра из подстриженной зелени, переминался с ноги на ногу лысоватый толстячок. Его мягкое лицо выглядело безобидным и исполненным дружелюбия. Такая же мягкая розовая сумка, подобие хозяина, устроилась у ног.

То был уже знакомый сыщик.

– Здравствуйте, – добродушно сказал он. – О! Я вижу, вы уезжаете... Жаль, город прекрасен как отвлеченная идея. Впрочем, я уезжаю тоже. Элам – слишком велик и исполнен сложности, чтобы не утомлять склонного к покою человека. Поеду во Франкфурт, по делам, может быть, загляну куда-нибудь еще. Знаете, я искренне рад вас видеть, не хочу показаться совсем уж бестактным, но у вас незабываемые глаза, если хотите, они более выразительны, чем любая поделка природы.

«Ну все, – обреченно поняла Вильма. – Этот чертов шпик теперь не отвяжется. Возможно, соглядатая нанял сам Кантер. Может быть, Дин. Может быть, оба они вместе его наняли. Вполне возможно также, что толстячок действует на свой страх и риск, в припадке интуитивного прозрения. При всем при том, он получает жалование „с головы“ – за каждого пойманного нелегального беглеца или мигранта. Этим утром, когда я скрылась от психотехнолога, со мною приключилось нечто противоестественное. Сначала эти эламиты в лифте – они вели себя как черные вороны, которые долбят альбиноса, затесавшегося в стаю. Потом частный сыщик, который нюхом чует мою тревогу и тоску».

– Я никуда не еду, просто вернулась сюда, потому что потеряла свое сердечко.

– Что?! – спросил ошеломленный стукач. – Простите, я никак не возьму в толк...

– Я носила кулон в виде сердца, и, должно быть, обронила его здесь, – с мстительным спокойствием заявила внучка Кантера.

На этот раз оживился чиновник.

– Так вы никуда не едете, мисс? Боже мой! следовало воспользоваться другим проходом, простите меня, ради бога, я задумался и не сообразил, что происходит. Все потерянные вещи подбирает кибермусорщик и сдает на склад. Вернитесь, пожалуйста, пройдите под аркой в обратную сторону, тогда манипуляция с вашим счетом за билет окажется недействительной. Видите широкую синюю линию на тротуаре? Ступайте вдоль нее, эта тропа приведет вас в хранилище находок.

На самом деле поддельное сердечко давно стало добычей Шеннона.

Вильма лживо поблагодарила и с сияющей улыбкой прошествовала до конца по бесполезной «тропе», молясь в душе, чтобы поменьше обращали внимания на ее босые ноги. Миниатюрная девушка, чудо синтетической красоты, с поддельными ногтями и волосами, исполнен-

ная вежливости и равнодушия, с полчаса искала заведомо несуществующую находку – сначала через Сеть, потом, чуть смутившись отсутствием результата, вручную. Вильма ее не торопила. В широкое и высокое окно офиса прекрасно просматривалась площадь. Толстяк покрутился там и исчез, должно быть, решил остаться или выбрал себе другой рейс. Зато водитель до сих пор ждал под теплым солнцем возле крошечного пивного заведения. «У меня второй завтрак», – сказал он, как бы оправдываясь, вернувшейся Вильме. Они зашли в забегаловку вместе.

Там было чисто и довольно весело. Пересмеивалась стайка подростков. В другом углу красавица в легком летнем плаще, высокая, с точеными голыми ногам, курила тонкую сигаретку. Она заносчиво оглядела пришлицу. Дорогая серьга в розовой мочке стрельнула радужным лучиком.

«Где-то я видела эту роскошную шляху».

Водитель плюхнулся на стул и заказал по кружке дешевого пива – себе и новой знакомой. По вильминым плечам все бродил и бродил неторопливый взгляд красавицы.

«И чего она ко мне привязалась?»

Она обернулась и едва не подавилась дармовым пойлом – в голоногой прелестнице она уже узнала соседку Кантера – ту самую женщину, которая всего семьдесят часов назад первой встретила ее ночью, в пустом и полутемном ярусе башни.

Тогда эламитка была одета в вечернее платье серебряных оттенков, от нее веяло духами и дорогим коньяком. Сейчас дама потягивала точно такое же пиво, как и водитель гироплана, и выглядела помятой и усталой. Лицо чуть поблекло, на щеках залегли тонкие тени – одним словом, бабочка с потрепанными крылышками, да и только.

– А, это вы... Девушка с правдивыми глазами, – протянула она хрипловатым, но приятным голосом. – Как здоровье вашего дедушки, генерал-координатора?

Водитель, и без того озадаченный, удивился так, что Вильме сделалось неловко.

– Нормально, – буркнула она в ответ.

– Странно, я слышала, он серьезно болен. Мне кажется, Кантер очень нуждается в поддержке семьи, но, как вы сами догадались, с этим у генерала приключилась серьезная проблема.

Вильма покраснела – она пыталась, но не могла справиться с собой. Горели щеки, пылали мочки ушей.

Водитель, напротив, слушал очень внимательно и флегматично, но ничего не понял. Женщина пересела поближе, прихватив с собою недопитую кружку.

– Мне так удобнее разговаривать, – пояснила она. – Вы знаете, у вас действительно не лживые глаза, потому что ложь – чисто человеческое состояние, а механизмы способны только умалчивать или добросовестно заблуждаться.

Внучка Кантера пропустила укол. Беловолосый водитель криво ухмыльнулся, должно быть, взвесил все и решил не встречать в женскую ссору.

Эламитка задумчиво затянулась, сложила в колечко рот, окрашенный перламутром, и выпустила в пространство струю дыма.

– Я сейчас кое-что расскажу, – заявила она. – Знаете, меня зовут Стефания, или Эстефания, или Стэффи – я согласна на любой из вариантов.

Скандал явно назревал. Вильма горела от желания исчезнуть, но не знала, куда бежать. Система поиска могла включиться и с минуты на минуту, и через несколько часов – все зависело от расторопности Дина Шеннона. Единственный простой способ улизнуть не удался, осведомитель осязаемой угрозой крутился где-то неподалеку, положение явно становилось критическим.

Подвыпившая Стеффи несла как ни в чем не бывало:

– У Кантера было двое детей от кратковременных жен, но дожил до зрелости только один – тот, которого звали Имре. Скорее всего, он был клон своего папаши, а мама тут и вовсе не при чем – я помню парня, он выглядел как вылитый координатор, только помоложе. Имре был замешан в проектах Кантера, что-то там безумно сложное для меня, но, конечно, не в этом дело... Говорят, он был верующим экзотического толка.

– Разве?

– По крайней мере он верил, что ад существует, искал туда дорогу, и в конце концов, говорят, ее нашел – Имре прихлопнуло в горах, когда он шарил по ту сторону барьера. Впрочем... Ах, простите, я забыла, что вы его дочь.

Шофер наслаждался историей – видно, охоч был до мыльных опер. Измученная Вильма выглянула в окно. Толстяк с розовой сумкой упорно топтался на площади. «Я не могу выйти через главную дверь, он тотчас же увяжется за мною как за собакой грязный хвост. Интересно, как тут насчет черного хода...»

– Простите, я сейчас вернусь – только помою ручки.

Туалет оказался свободен. Два узких окна на двух противоположных стенах выходили: одно – на пространство площади, другое – на замусоренный задний дворик заведения. Стекла с односторонней прозрачностью позволяли видеть пеструю суету людей. Кибертележка проводила большой контейнер. Вильма закусила губу в отчаянии: прямо к контрольной арке, расталкивая публику как пловец рассекает воду, двигался ни кто иной, как сам Дин Шеннон.

– О, господи!

Второе окно – то, которое выходило на задний дворик, оказалось слишком маленьким, оно сгодилось бы разве что для кошки. Вильма обреченно постояла в простенке туалета, снаружи уже топтались и дважды робко постучали.

«Может быть, вернуться обратно в зал? Бьюсь об заклад сама с собой, *он* туда и не заглянет. Шеннону и в голову не придет, что беглянка, которую вот-вот объявят в розыск, будет тянуть пиво в компании водителя грузового гироплана и опустившейся светской дамы. Вперед! Главное не трусить, а там посмотрим».

Вильма умылась теплой водой, пытаясь избавиться от гримасы страдания на лице. Зеленоватое зеркало безжалостно отразило ее облик – блузу с распоротым еще прошлой ночью рукавом, забытую пластиковую повязку на руке, заострившиеся скулы и спутанные кудри. К счастью, датчики на лице маскировали легкий налет неопрятности, который неизбежно обретает человек, загнанный и очутившийся в бегах.

«Что толку в умывании или маскировке? Мои глаза меня же и выдают – они самая главная примета».

По ту сторону двери туалета ждала своей очереди маленькая старушка с острым мышинным лицом и красным носиком, Вильма скользнула мимо, старательно отворачиваясь к стене и слабо надеясь, что бабуля ее не запомнит. Народу в маленьком зале все прибавлялось. Внучка Кантера осторожно выглянула из-за косяка и обомлела.

Дин Шеннон, умник и технократ, собственной персоной, тихо беседовал с барменом. Их губы шевелились, хотя слова не долетали, Вильма по этим движениям уловила суть разговора и немного успокоилась – во всяком случае, обер-координатору ответили в отрицательном смысле. Дин отошел от стойки и почти по-свойски подсел к Стефании, они поболтали, сблизив головы, профиль эламитки в обрамлении густых волос, выглядел на редкость правильным и спокойным. Водитель исчез – должно быть, не дождавшись финала, не солоно хлебавши поплелся к своей машине.

«Вот и все, – подумала Вильма. – Я попалась, эламитка меня со вкусом выдаст».

Обер-координатор, однако, встал со стула и, одарив знакомую одной из своих улыбок, без спешки двинулся на выход. Некоторое время не происходило ничего особенного. Потом

Стеффи поднялась и, чуть «поплыв», характерной походкой пьяной девушки зашагала прямо в ту сторону, где затаилась Вильма.

– Тебя искали, подруга, – сказала она, усмехнувшись широко и чуть кривовато. – Я не могла сказать, что тебя тут не было. Врать следует только тогда, когда на вранье тебя не смогут поймать. Дину, я донесла, что ты уехала с твоим новым приятелем – парнем в грузовике.

– Зачем?

– Мне очень скучно. Если ты составишь мне компанию на несколько дней, я найду способ отвадить психотехнолога подальше.

«Сумасшедшая, – подумала Вильма. – Все они тут ненормальные как один. Наверное, это оборотная сторона их хваленного интеллекта».

– Пошли.

Они вместе сели в такси. Розыскная система до сих пор не включила тревогу, но Вильма понимала, что это последние часы, а, может быть, минуты затишья перед безжалостной охотой. «Зачем меня искал Шеннон? Или он до сих пор надеется решить дело миром?»

Резиденция Стеффи была третьим по счету зрелищем эламитской квартиры, после дома Кантера и Дина. Она оказалась поменьше, выглядела гораздо более захлавленной и походила на приют любителя искусства, но в точности определить, чем занимается хозяйка, оставалось невозможным. На беспредельном столе вперемешку сгрудилась тысяча мелочей, в том числе коробочки с театральным гримом, простой незакрытый терминал с застывшей схемой на экране, сохлая палитра с яркими кляксами краски, причем преобладали сиреневые и пурпурные тона.

Опьянение, похоже, совершенно соскочило с эламитки.

– Тебя ведь зовут Вильма?

– Да, именно так. Вильма Кантер, а раньше у меня была фамилия матери.

– Заходи сюда.

В комнате без окон стоял белый диван, стены отливали тусклым блеском металла, вернее, были обшиты внахлест довольно толстыми металлическими листами.

– Мое любимое место для медитаций. Обшивка отсекает внешние энергии, – заявила Стеффи и с хрустом затворила толстую дверь.

– Глухо как в сейфе.

– Да, конечно, тут сейф для ценной вещи – для меня.

Стеффи плюхнулась на диван и поджала ноги. Она хмуро рассматривала Вильму в упор.

– Сур не может засекать чипы в этой комнате.

– Разве? А какое мне до этого дело?

– Тебя ведь ищут, подруга, ты в бегах – коротко, просто и очень деловито ответила Стефания. – И не строй передо мной умственную девственность. Ты насолила Кантеру, а, может быть, и Дину насолила тоже – об этом не догадается разве что двухлетний ребенок. Выпей соку, бутылочка в шкафу. Я до конца расскажу тебе начатую историю...

Вильма присела рядом и отпила из своего стакана – жидкость горчила смолой. Стефания запрокинула голову к потолку, открыв высокую белую шею. Тени на ее правильном лице залегли глубже, черты трагически заострились. Она задумалась не надолго, и продолжила.

* * *

Я уже говорила, что твой отец погиб где-то за внешним барьером, в горах, в холодный день, когда невесомые хлопья испаряются, ударясь о защитное поле и по окраинным улицам ветер несет чистый запах талого льда и мокрого снега.

Мне было четырнадцать, ему двадцать восемь, я смотрела в окно, как Имре Кантер садился в гироплан. Он удалялся смело и весело. Ветер, тот самый, чистый ветер, трепал его

темные волосы. Имре так и ушел один – он не нуждался в помощниках, прямой и быстрый, с рюкзаком, окрашенным в беззаботный цвет апельсина.

То, что случилось позже, покрыто ложью, обвал придумали по совету Кантера-старшего, чтобы замаскировать нежелательные подробности. Во всяком случае, мертвеца отыскали, тело хорошо сохранилось, последний раз я рассматривала Имре Кантера за пять минут до сожжения. Это был точно он – даже родинка над бровью была его. И все же не он – как будто в огонь пошла пустая оболочка, отделенная от души в большей степени, чем обыкновенное мертвое тело.

То, что осталось, казалось мне не трупом, а брошенной одеждой.

...Я давно знала, чего он хотел добиться, потому, что мне он выкладывал многое – знала даже то, что Имре никогда не доверял самому генералу. Должно быть, тайна просилась наружу и он считал меня подходящей для откровений простушкой. Ты ведь не забыла, что Имре – клон Влада Кантера? У них была общая мечта – на двоих, на отца и на сына. Одно время все в Эламе грезил плотским бессмертием. Считалось, что содержимое черепа можно пересадить в новое тело, соединить нервы и сосуды – и дело сделано. Потом оказалось, что мозги вырождаются и череда таких пересадок не спасает от маразма и...

Ну да ладно. Не думай, генерал не поднял бы руку на того, кого он и считал, и называл сыном. Оба хотели не пересадки мозгов, а переноса душ. Природа донора при этом не имеет значения, потому что не нужно заботиться о совместимости тканей. Ты меня понимаешь или помедленнее?

...В общем, сансара⁷ для тех, кто знает в удовольствиях жизни толк, не самая плохая перспектива. Можно быть человеком и зверем, птицей или деревом, женщиной или мужчиной – какая разница? Тьма и ад хуже во сто крат. А холод небытия для привязанных к жизни еще во много раз хуже ада.

Он что-то искал за пределами барьерного поля – теперь мне уже никогда не узнать, что там было.

Я пять лет наивно верила, будто Имре не умер, а *ушел*, и душа его прилетает ко мне городским голубем, смотрит глазами маленького чужого ребенка, или, смешавшись с ветром, стучится в окна Элама, в зимние ночи, когда невесомые хлопья испаряются, задевая защитное поле и по окраинным улицам распространяется чистый запах талого льда.

Потом, однажды, когда Кантер-старший был сильно пьян, и я узнала правду.

На самом деле Имре погиб, потому что страховочная веревка намочла, он запутался в тресе и не сумел освободиться. Кантер-младший так и повис вниз головой. Вода – та самая, светлая влага подтаявшего льда, текла по его одежде несколько часов. Он так и замерз в подвешенном состоянии.

А его рассудок разрушился еще раньше – от страха.

Он никуда не ушел и никогда не вернется. Вот и все.

* * *

Вильма долго молчала. Стефания устроилась на диване. Она обнимала свои изумительно красивые колени таким жестом, будто продрогла насквозь. Лампа мигала – должно быть, что-то разладилось в системе управления башней.

– Фу! Зачем мне эта пакостная история, Стеффи? Если ты хотела меня напугать, то, считай, что своего достигла – молодец.

– Мне кажется, ты имеешь право знать все до конца.

⁷ Перерождение в новом теле

– А тебе-то что?

– У каждого свои соображения.

– Они и у тебя есть?

– Есть – мне кажется, что генерал потихоньку продолжает запрещенные эксперименты.

Они с Шенноном рулят на пару. Действуют умнее, никакой мистики и эзотерики, тексты древних не читают, в горы не лазают, но кое-что за этим есть.

– Глупости! Дин, конечно, психотехнолог, но мой дед – тот был когда-то кибернетиком, пока не стал политиком. В науке сейчас не сияет, хотя интеллект имеет не подточенный маразмом, просто у него другая специализация.

– Ты с ним поссорилась, да?!

– Нет.

– Тогда почему бегаешь от Дина Шеннона?

– Я от него не бегаю.

– Врешь, бегаешь, потому, что он тебя ищет. И, уж поверь мне, не ради флирта – тут кое-что посерьезнее. Ты ведь не хочешь, чтобы городская система прочитала твой индекс-чип?

– Нет!

– Тогда меня послушай. Твой отец – клон. Соображаешь?

– Нет. Это для тебя он расчудесный герой, Имре Кантер с апельсиновым рюкзаком, эзотерик и борец за бессмертие человечества. А для меня только человек, который заделал меня случайной подружке и позабыл в приюте, куда сдала меня мамочка.

– У тебя что-то на мордочке имеется.

– Знаю, что – глаза искусственные, подарок доброго-доброе деда любимой внучке. Что делать – настоящих у меня по сути не было.

– Твой отец клон!

Вильма прижала ладони к вискам, хотела заткнуть уши, но передумала.

– Ты хочешь сказать, что это, со зрением, у меня наследственное, потому что Кантера клонировали с дефектом?

– Хочу сказать именно это.

– Дура.

– Не сердись, подружка. – Стеффи состроила гримасу, кривоватую, но очаровательную. – Мы дети зари, если хочешь – технологического расцвета. За все приходится платить положенную цену. В противном случае не было бы тебя.

– В противном случае я родилась бы нормальной.

– Это была бы не ты. Другая девушка, мягкая и благополучная, без эдакого рискованного нигилизма в душе.

Вильма встала с дивана и прошла от стены до стены. Металл обшивки тускло сиял, башня грандиозно продолжалась под ногами, и над головой – бесчисленные этажи вверх и вниз, набитые людьми, напичканные их виртуальными пространствами, резиденции с фее-рией иллюзорных пейзажей, жизнь, культивированная до состояния искусства, заказные сновидения и обволакивающий уют, созданный суром.

– Я хочу успокоиться, быть такой, как все.

– Ты такая, как все, потому что все мы разные. Технология позволяет выжить почти каждому, дает шанс даже физически ущербным. Это шанс не только выжить, но и получить восстановленную полноценность. Взамен наша технократия требует только одного – разума и подчинения системе.

– Это ты про индексы?

– О них. Кстати, ты зря уклонилась от теста.

– Я не хочу помогать деду – он мне чужой.

– Ладно, – Стеффи выпятила полуобнаженную грудь, – тогда шансов ноль, что ты захочешь помочь мне. Понимаешь, подруга, мне позарез нужно новое тело.

Вильма уставилась на эламитку.

Стефания была прекрасна. Высокая, пропорционально сложенная, синеглазая, хотя последнее, быть может, и было создано за счет незаметной подделки.

– Зачем?

Эламитка закинула розовый локоть за голову, обратив лицо к потолку.

– Нужно, – ответила она коротко и трагически. – Понимаешь, мне скоро стукнет тридцать три.

На вид Стеффи было от силы двадцать восемь. Вильма зашлась от неистового хохота.

– И ради своего юбилея ты спрятала меня от Шеннона?!

Стеффи посмотрела на внучку координатора – к ужасу Вильмы, на веках эламитки дрожали слезы. Поначалу непролитый запас задержался на нижних пушистых ресницах, а потом бурно потек по бархатистым щекам.

– Ох, извини...

Стеффи, впрочем, с истерикой справилась довольно быстро.

– Ты не поняла, – сухо добавила она. – Понимаешь, я тоже родилась с генетическим дефектом. Мутация гена в четвертой хромосоме. Ты слышала когда-нибудь про хорею Хантингтона?

Вильма попыталась вспомнить. Отрывки энциклопедического словаря, загруженные в память глаз, ровными строчками титров поплыли поверх совершенного лица Стефании.

– Это лечится.

– Не в моем случае. Можно обезвредить деформированный протеин и заблокировать реакцию белков. Но у меня несовместимость с необходимыми препаратами.

– По тебе не скажешь.

– Потому что мне всего тридцать три, финал начнется года через два, когда мне перевалит за тридцатипятилетие. Вот тогда – истощение, малярия и полное уродство.

Стефания мягко провела руками по своим точеным плечам и поежилась:

– Молиться я пробовала. Без толку, конечно. Можно выбрать одну из пяти официальных религий, но не сомневайся, ни одна из них мне не поможет. Мозг не вылечить, если он разрушает сам себя.

– Так ты всерьез думаешь, что можно обойтись без того, чем набита черепная коробка – то есть в существование независимой от тела памяти?

– Верю, – серьезно и доверчиво ответила Стефания. – А ты бы не поверила на моем месте? Знаешь, подруга, я тебе предлагаю хорошую работу. Не отпирайся, ты украла у Кантера секрет. Иначе Дин не искал бы тебя в аэропорту. Они держат все в тайне, поэтому не вызвали легавых, но рано или поздно оба они или заявят в полицию или наймут киллера. Особенно Кантер. Шеннона ты еще смогла бы уговорить, затащив в постель...

– Чего ты хочешь?

– Помоги мне, – горячо и убедительно зашептала эламитка. – Помоги мне, пожалуйста, не умереть через два года, а я прямо сейчас помогу тебе обойти *их* обоих.

– Как?

– Мой индекс не хуже, чем у Дина, я тоже умею кое-что.

Вильма отвернулась на минуту, испытывая сильнейшее искушение поддаться. Интуиция на грани прозрения подсказала Стефании верный вывод насчет *переноса*, но изначальные посылки оставались неправильными.

«А что она заявит мне, если узнает про Феликса? Или про Кота? А что скажут они, если на Сонный остров за мною увяжется эламитка? Конечно, у девушки достаточно денег, чтобы оплатить перенос. Не все же Коту подбирать заказчиков. А можно ли довериться ей прямо

сейчас? Я ничего не знаю о Стеффи, кроме тех сведений, которые она сообщила о себе сама. Девушка может врать – все они врут. Но в одиночку мне не выбраться из Элама».

– Ладно.

Вильма бессильно опустилась на диван. Рука, пораненная накануне в драке, вдруг и мучительно заныла. Захотелось немедленно содрать повязку и посмотреть, что там случилось с порезом.

Она еще раз оглядела тесное пространство комнаты, «сур» гнал через вентиляцию воздух, насыщенный поддельным запахом травы, цветущих полей и леса. В этом аромате свободы присутствовал мучительный диссонанс с металлической обшивкой стен, молчанием, и неживым мерцанием. Свобода была рядом – стоило лишь уйти из Элама. Как бы ни был огромен город, внешний мир намного превосходил его разнообразием и величиной. Мир как единое целое всегда оставался идеальным убежищем для любых беглецов. Он принимал их с терпеливым равнодушием природы. Вильме очень хотелось покоя.

– Ладно, я помогу тебе, – угрюмо сказала внучка координатора. – Если ты мне поможешь, я тоже сделаю для тебя все. Просто выполню работу, но сначала ты выполнишь свою. Но только не думай, что это легко получится...

Глава 6. Странствие двойников

Элам, Поволжье, а также Северо-восточная Европа

Лейтен рисовал. На этот раз он выбрал толстый карандаш коричневого цвета и работал мягкими свободными штрихами. Рассвет (которого рисовали) не обращал на процесс творчества никакого внимания, он в пяти шагах от художника методично возился с личным терминалом, пытаясь достичь одному ему ведомого эффекта.

– Ну и что получается? – как бы нехотя спросил он.

– Сами смотрите.

Декан-координатор бегло оценил рисунок:

– Да, хорош, похож на нас обоих, но все же видно, что это я, а не вы.

– Почему видно?

– Все дело во внутреннем спокойствии. Я спокоен, потому что прав. Вы беспокойны, потому что чувствуете себя виноватым, боитесь и имеете на то самые веские основания. У вас и у меня один и тот же физический тип лица, но преобладают разные выражения.

Лейтен спорить не стал. Координатор разговаривал с ним часто, но редко вдавался в объяснения, предпочитая истины общего толка конкретике.

– Вам не надоело меня удерживать?

– Нет, не надоело.

– Я дал вам координаты Сонного острова, если хотите, можете обратиться к властям и под благовидным предлогом забрать оттуда саркофаг.

– Все мое время. Хотел бы я знать, почему вы не стали увильнуть, а, в самом деле?

«Потому что Вильмы там нет – вот почему»

– Молчите?

Координатор вдруг уловил нечто в пространстве Сети и отвлекся, занялся найденной изюминкой.

«Вильма сейчас в Эламе, – подумал Лейтен. – А на острове остались только Кот и Феликс Новаковский. Феликс не из нашей компании, а Коту я не доверял никогда. Провались они оба в ад. На острове отличная защита и запасные пути отступления. Даже если эламит приведет к куполу нанятых бойцов, ребята, конечно, успеют смыться. Я верю, что они это сумеют. Если не смогут, отвечу за все вместе с ними, а все же не один. А Вильма прячется, что бы ни случилось с девушкой в мегаполисе, от моих слов она не пострадает».

– Тут только три возможных объяснения, – сам себе ответил Рассвет. – Или на вашем острове сейчас никого нет, или там приготовлена засада, или вы мне нагородили лжи.

– Я говорю правду.

– Не полную правду. Хотите полную услышать от меня? Я только что отыскал документацию на ваш хваленый остров. Захолустье, лес, дом-бункер, старый, но комфортабельный, в довольно глухом месте. Дом полностью автономен, рассчитан на одного жильца, который любил комфорт, значит, при желании, туда могут набиться пятеро... или четверо. У вас не более четырех сообщников, Антон. Убежище, конечно, имеет защиту, и она, надо думать, в неплохом до сих пор состоянии. Как поступят эти ваши «друзья», если ими займутся всерьез?

– Не знаю.

– Врете. У вас наверняка предусмотрены действия на случай неудачи ограбления. Рискну предположить, что тело ваше они не уничтожат, хотя будут этим шантажировать. Они его и не унесут – саркофаг, скорее всего, довольно громоздкая штука. Что еще остается? Думаю, заранее подготовленный план исчезновения. Ваши дружки разбегутся и бросят все как есть, постараются только убрать свои следы – отпечатки пальцев и то, из чего можно выудить их

ДНК для юридических обвинений. В смысле физического противодействия интеллигентные аферисты редко бывают героями.

– С чего вы взяли?

– С вас. Вас-то я как следует рассмотрел.

Лейтен проглотил это корректное оскорбление. Крыть, собственно, было нечем. Эламит едва ли не читал мысли гостя.

– Ну так и делайте то, что хотите.

– Сделаю, поверьте, всему наступит свой черед...

Марина, жена координатора, прошла мимо, держась как ожившая статуэтка и растворилась где-то в анфиладе комнат.

– Собирайтесь, вечером мы вдвоем отправимся в Европу.

– Зачем?

– Увидите.

– Надолго едем?

– Не надолго, на десять дней.

То ли сказывалась тонкая общность близнецов, то ли по другой причине, но Лейтен уже привык правильно истолковывать недомолвки.

«В полицию Элама он не заявит. Может, не хочет скандала, а, может, боится, что бюрократия затянет поиски на несколько месяцев, и сознание брата испортится. Вполне может случиться, что полицейские сломают саркофаг или убьют Новаковского, и тогда обратному обмену крышка. Значит, обратится в частное агентство. А что? Деньги, индекс и влияние ему помогут. Устроит все дней за десять, если повезет, получит назад своего Константина. Меня, скорее всего, закопают там же в лесу, при любом раскладе».

– Я с вами не поеду, даже не двинусь с места.

– Испугались, что вас закопают в лесу при любом исходе событий?

Лейтен от досады сломал карандаш и принялся точить его заново. «Попробуй скрыть что-нибудь от собственного двойника...»

– Занятно, – эхом невысказанных мыслей отозвался Рассвет. – Ваше сознание не имеет ко мне прямого отношения, но я понимаю вас лучше, чем понимал собственного брата. У Кости, к сожалению, внутренняя жизнь была слишком многовариантна для нормального человека...

– Значит, уезжаем?

– У вас будет возможность подготовиться... Кстати, вы, Лейтен, так и не признались мне, кто вам помог нелегально получить визу в Элам.

– Это касается только двух людей – меня и его.

– Ладно. Не хотите, не отвечайте, мелкие детали не особо-то и занимательны...

Ночью гироплан припарковали к раздвижной стене. Точнее, машин было несколько – эламит не стесняясь, вызвал охрану. Тони впервые увидел эламитских ловцов вблизи: их высокие фигуры, угловатые от амуниции, оружие, словно бы мутные щитки на бледных в темноте лицах. Предназначение щитков оставалось неясным, расспрашивать Рассвета он не решился. Сур отключили заранее. Марина, тонкая фигура в розовом, светила отъезжающим при помощи карманного фонаря. В такой же черной куртке, как у Рассвета, неотличимый от координатора, Лейтен перелез вслед за ним устроился на сидении. Через минуту заработал второй винт, машина отделилась от стены и зависла в воздухе в окружении конвоя.

– Поехали.

Плавно-плавно, величественно сдвинулась и поползла им навстречу контрастная панорама ночного Элама.

Летели быстро и высоко. В окно Тони видел верхние оконечности башен, потом машина вздернула нос, ракурс изображения изменился. Рассвет помалкивал. То ли свист винтов мешал разговору, то ли все уже оказалось сказанным. Водитель, точно такой же ловец, как и остальные, хмыкнул и, даже не оборачиваясь, объявил:

– А за нами «хвост» летит. Ничего серьезного, но я бы на вашем месте приготовился к мелким пакостям.

Рассвет опять промолчал. Несколько последних часов он вообще отделялся односложными фразами, погруженный в какие-то свои мысли, близкие и понятные исключительно технократам. А Лейтену все мерещился оптический прицел, перекрестье которого упирается прямо в затылок. Воображаемая линия полета пули тянулась от чужого гиросплана.

Координатор быстро заметил это состояние и, наконец, подал голос:

– Не надо напрягаться. Между нами и ними «висит» машина ловцов. Здесь не виртуальная реальность, поэтому воздушный бой в городе неуместен по определению. И вообще – уймитесь, любезный брат, ваша паранойя действует мне на нервы.

– Хорошо.

Машины забирали в сторону и одновременно уходили вниз. Пару раз сильно трянуло.

– Балуются, – беззлобно отозвался водитель. – Заходят поперек и проверяют наше терпение.

Ловец не спрашивал ни о чем, и не проявлял чрезмерного беспокойства, скорее всего, просто получил деньги заранее. С точки зрения Лейтена, везли как попало, так, что мутило на виражах, но координатора скорость устраивала и огорченным он не казался.

– Сейчас будет аэропорт. Садимся. О, черт!

На этот раз трянуло так, что клацнули зубы.

– Олухи, – нейтрально заметил пилот и, захохотав, добавил несколько слов на непонятном жаргоне.

Машина шла вниз, мелькнули огни ближней башни и мерцание амортизационного озера под фонарями. Скрипнуло, лязгнуло, и толчок известил о контакте с землей.

– Ну вот, мы и на месте. Места заказаны заранее. Пойдемте, любимый брат, не стойте под звездным небом словно идиот, а не то к вам прикинется простуда.

Пели синтетические колокольчики. Мелкие мошки вились над оградой из стриженных кустов. Ловцы – угловатые фигуры без лица – незаметно растворились в сумерках. Чиновник вежливо поздоровался с координатором и тот ответил ему словно старый знакомый. До лайнера Рассвет и Лейтен, добрались пешком. Единственную битком набитую сумку тащил вертлявый кибер.

– Нам, случаем, не выстрелят в спину?

– Нет. Теперь уже поздно палить и драться в детективном вкусе. В аэропорту своя система защиты. Мы здесь в большей безопасности, чем дома – вы уж поверьте мне, Лейтен.

– Кого хоть убивать собираются – меня или вас?

– Я не гадалка. Мне кажется, что вы – идеальная кандидатура на роль жертвы бандитов. А что? Аферист без роду-племени, и приличного индекса. Взломщик сейфов, похититель тел, и, можно сказать, не стесняясь, темная личность.

– Да бросьте городить ерунду, – в тон ему огрызнулся Тони. – Кому я нужен? Художник без имени, недоучка, изгнанный из Академии. Вот вы совсем другое дело. Эламит, напичканный секретами и высокомерием. Отправить вас на тот свет куда престижнее, чем истреблять мелкую шуштуру, вроде меня.

– Хватит.

Возле трапа топтался незнакомый парень – очень смуглый, с высветленными волосами. Он, вдохновенно перемежая истину и ложь, жаловался жизнерадостному толстячку, который держал под мышкой розовую сумку.

– Меня вышвырнули вон под предлогом низкого индекса. Думаете кто это подстроил? Какой-то псих-координатор, то ли Сеннон, то ли Шеннон. Мало того, он, должно быть, нанял кого-то, потому что мне на днях въехали по морде, как будто я виноват, что его девушка запала на меня в баре. Эти суки сначала не дают парню прохода, а потом из-за них честный человек теряет заработок...

Тучный сыщик слушал с искренним вниманием и кивал с глубоким сочувствием, Рассвет, пройдя мимо, зачем-то резко отряхнул рукав куртки.

– Скоро взлетаем. Не отходите далеко, я отрегулировал браслет на минимальный радиус – на десять метров.

– Шутите?

– Не шучу. Через несколько часов у вас возникнет идея-фикс бежать, так вот – поддаваться соблазну категорически не советую.

– Откуда знаете?

– Прикинул по самому себе. Мы ведь близнецы.

Ночные огни остались внизу. Рассвет зажмурился и отключился – в кресле, откинувшись, дремала точная копия бодрствующего Лейтена. К Тони сон не шел, мешали сомнения. Раньше риск не смущал его, этот риск уменьшали аналитические способности Кота и сверхъестественное везение Вильмы. Заказ на кражу в Эламе поначалу выглядел лишь чуть более трудным, чем рядовое дело компании. Теперь, в новом теле, его скрытые способности к анализу пробудились, и Лейтен поражался прежней опрометчивости. Видение и память обострились – он мог легко, до мельчайших черточек восстановить для себя лицо Кота, больные белки в красных жилках усталости, неуверенный, загнанный вид, ставший привычным запахом алкоголя. Кот всегда брал поиски заказчиков на себя. Так ли удачен был его последний выбор? Десятки частных, некоторые поступки, вплоть до нелепой ссоры на острове, говорили о подавленном озлоблении техника. Он боялся. Кого?

Лейтен попросил у стюардессы воды и перебрал то небольшое, что он знал о нанимателе. Этого человека он видел лишь однажды – мельком, подсмотрев сеанс связи через плечо компаньона. Наниматель оставался для Тони лишь подрагивающим изображением на экране. Светлокожий мужчина, абсолютно незнакомое лицо «без возраста». Такой портрет мог с одинаковым успехом оказаться подлинным изображением, видеомонтажом или хорошей компьютерной имитацией.

«Да черт с ним, с лицом, – подумал Лейтен. – Во мне слишком говорит художник. Но какова была цель?»

Стюардесса, ловкая темненькая девушка, слегка напоминала Вильму, она принесла заказ. Лейтен отпил глоток, потом еще.

«Нанимателю нет нужды в деньгах Рассвета. Ему нужно нечто другое. Что?».

Украденный диск не прояснял мотивов. Еще в Эламе, Рассвет, методичный в своей беспощадности, заставил Лейтена файл за файлом просмотреть все содержимое похищенной копии. Исключительно ценной информации там не оказалось. Убедившись в этом, Тони отчаялся и вконец потерял почву под ногами.

Вильма?

Судьба Вильмы оставалась неведомой. Обрыв сеанса связи ничего доброго не предвещал, скитания девушки в закрытом городе грозили обернуться двояко. Родство с Кантером могло защитить ее, а могло и погубить...

– Куда сумку тянете? Положите коньяк на место. – неодобрительно заявил на минуту проснувшийся Рассвет. – Я смотрю, вы лихо напиваетесь за мой счет, не переборщите, любезный брат, черт вас возьми.

Тони принял отсутствующий вид. Он решил на время позабыть о Вильме. «Покушение – вот еще одно темное пятно. Мы с координатором похожи. Все-таки, в кого же из нас двоих метили в Эламе?».

Выводы напрашивались неутешительные. Целью мог оказаться любой.

– Да прекратите вы пить, – снова возмущенно буркнул Рассвет. – В конце концов, у вас не ваш желудок и не ваши мозги, все заемное.

– Почему вы не сдали меня в полицию? – с хмельным упрямством переспросил Лейтен.

– Я уже говорил. Хочу уладить дело частным путем.

– Вы болтаете напоказ как плохой актер освистанной пьесы. На самом деле я нужен вам, потому что мы похожи. Вы хотите подставить убийцам меня вместо себя.

– Обалдуй нажравшийся, – с отвращением ответил координатор и отвернулся.

Его «брат» так и остался в недоумении. То ли эламит поразительно ловко сохранял хладнокровие, то ли его враждебные намерения не простирались настолько далеко. Опынение накатило теплой волной – как прибой океана, состоящего вовсе не из воды. Как ни странно, хмель не мешал логике.

Феликс.

Его привел Кот – сказал сам себе нетрезвый Лейтен. Совершенно точно помню, что его привел этот пройдоха Кот. Вряд ли они с Новаковским старые знакомые или встретились случайно. Скорее всего, медика Коту прислал наниматель, тот самый человек, который заказал эксперименты с саркофагом. Может быть, эксперименты и есть единственная его цель?

Тони затосковал.

«Все они заодно – Кот, Новаковский, Вильма, наниматель. Они сунули меня в чужое тело и хотят продержать в нем полгода, непрерывно подбрасывая загадки, вынуждая к бегству и борьбе. Кому-то нужно проверить, как быстро развалится и погибнет разум после переноса».

– Да успокойтесь вы! – рявкнул более-менее спокойный до этого момента Рассвет.

– Что?

– Я настаиваю, чтобы вы немедленно прекратили истерику.

– По-моему, я и так молчал словно рыба.

– Вы *думали*. Причем, напившись и на мрачные темы.

– Телепатия что ли?

– Глупости, телепатии не существует.

– Тогда вы просто врете.

– Не вру.

– Врете.

– Нет. Я наблюдал за вашим лицом. Понимаете, это моя собственная физиономия. Я, как никто другой, научился читать ее выражения...

Рассвет тихо бранился. Лейтен вдруг успокоился, допил стакан и быстро уснул.

...Сон получился скомканным, пестрым и сумбурным. Тони увидел мучительно изломленные геометрические фигуры на фоне шершавой стены. Потом самого себя подростком лет двенадцати. Ручей шириной в шесть футов стекал в неширокую реку. Вода доходила до щиколоток, сквозь ее прозрачный слой просвечивали головастики – совсем мелкие и покрупнее, с отросшими зачатками лягушачьих лапок. Противоположный берег покрывали растения в желтом цвету. Солнце палило яростно, но бесполезно – неестественно яркое, однако, холодноватое, отделенное от берега и ручья слоями ледяного воздуха. Чуть позже шевельнулись сочные листья, и уж, тонкий гад с оранжевым семенем, упал в воду, после чего, извиваясь, поплыл наискось вдоль течения...

Лейтен проснулся почти трезвым. Он твердо знал, как провел свое детство – среди чистых скверов и комфортабельных каменных коробок большого города. Ни одно из загородных мест, предназначенных для пикников, не походило на увиденный во сне ручей.

«Я так свихнусь, не дожидаясь шести месяцев, отведенных мне Новаковским. В дополнение ко всем несчастьям не хватало еще чужих снов».

За иллюминатором сильно посветлело. Координатор бодрствовал. Он надвинул видеоочки на нос и весь ушел в работу с терминалом. Устройство на глазницах сильно меняло облик эламита, так что определить его настроение не получилось. В левой руке он держал кофейную чашку и время от времени отпивал из нее не глядя. Управляющий браслет все время оставался на запястье.

Лейтен машинально потрогал браслет на собственной руке – похожий, конечно, но иного предназначения.

– Где мы летим, «братец»? – пробормотал он на элами.

– Потерпите, скоро узнаете. Выезд из города сейчас затруднен – я постарался и сделал все, что мог, жаль, что в этом отношении я могу не очень много. Если погоня была, мы ее опередили на пару часов.

– Как вы это устроили?

– Воспользовался правами, запросил друзей, пока вы спали. Все наши попутчики в лайнере проверены, они не имеют никакого отношения к делу. Потом я купил и оплатил все билеты на следующий рейс из Элама. Мои сотрудники срочно разъехались по командировкам, чтобы занять купленные места. Наши ночные гости наверняка застряли в городе, но это, понятно, не надолго – прорвутся, конечно, если захотят.

«А вот и еще одна версия проклянулась, – не без мрачного удовлетворения подумал Тони. – Весь этот кошмар задуман заказчиком лишь для того, чтобы заманить Рассвета в укромное место – на остров. Там его по быстрому порешат, да и меня заодно прихлопнут».

– Думаете, перенос задуман для того, чтобы выдернуть меня из Элама? – ехидно спросил координатор. – Ерунда. Кому нужны лишние затраты денег? Слишком сложно. Если нужно убить человека, его можно убить везде. Да и зачем? Вам только кажется, что технократия живет особой жизнью, но у меня практически нет врагов. Я не работал с секретными технологиями, не биолог и не медик, а потому, не обещаю продления существования. Не кибернетик, как следствие, не связан ни с коммуникациями, ни с тестированием. В администрировании активничал умеренно, не психолог, поэтому меня трудно заподозрить в попытках обчистить чужие мозги. Я теоретик в узкой области. Вы хоть в этом разбираетесь?

– Нет.

– Ну и идите к черту.

– От вас я бы ушел хоть куда, даже в преисподнюю...

– Не хвалитесь. Когда пекло по-настоящему распахнется перед вами, вы еще пожалеете о своем легкомыслии...

Тони не рискнул злить эламита. Через час они сменили рейс.

Кончалась ночь, лайнер пошел на посадку. Лейтен вышел под светлеющее небо. Равнина вокруг чужого города тянулась до горизонта, и лишь на западе, среди идеально гладко степи, высился камень – скала или гигантский валун.

– Приметное место.

– Нравится пейзаж?

– Да, красиво. Впрочем, после Элама мне понравится все, что угодно.

– Родина моей жены. Бывали здесь раньше?

– Нет.

– Мы сделали небольшой крюк, но результат стоит нескольких часов задержки. Тут работает мой друг – сотрудник агентства по розыску людей. Я связался с ним, он встретит нас на вокзале...

Сотрудник агентства (это звали Фарит) оказался человеком лет тридцати, азиатской наружности. Все трое пересели в джип с затемненными стеклами, сумку забросили в багажник. Ехали довольно долго. На Тони в очередной раз накатило – он видел каждую черточку в лицах прохожих, каждую трещинку в облицовке каждого дома. Показалась конная статуя – он ощутил тяжесть бронзы и экспрессию образа, задуманного ваятелем. Зеленоватая вода реки касалась камня набережной – он понимал движение потока, его цель, и неизбежность достижения этой цели.

– Что, опять? – уныло спросил Рассвет и не стал дожидаться ответа.

Он повернулся к Фариту, который сидел за рулем:

– Времени мало, – добавил координатор.

– Мой брат... плохо переносит дорогу, – сформулировал он наконец, и в чужой копии собственного лица Лейтен заметил черточки растерянности.

– Почти приехали.

Ясное утро испортилось, небо обложило до самого горизонта. Предгрозовая духота понемногу сгустилась. Элегантный городской пейзаж за окном тоже переменялся – высились или тянулись разнообразные коробки промышленных построек. Забор по периметру территории скрывал людей, но не мешал видеть конструкции. Там шла своя жизнь, непонятная Тони, но четко организованная, жесткая и исполненная энергии. В равнодушной целесообразности техногенного пейзажа, таилось завораживающее обаяние.

Тони пошарил во внутреннем кармане куртки, извлек блокнот и сделал несколько набросков для будущей картины.

Фарит остался недоволен, должно быть, заметив манипуляции художника.

– Действительно, крыша у него не в лучшей форме, благоразумнее не затягивать время, – обронил он. — Тут рядом склады, в том числе и наш, возьмем основное снаряжение, и в путь. Некоторые полезные мелочи уже в багажнике.

– Задержимся еще немного, для разговора, – холодно отозвался Рассвет, видно, думал о своем.

Возле массивной двери Фарит остановился, давая возможность системе просканировать свое лицо и руки. Лейтен, который был знаком с такими сейфами и замками не понаслышке, не удивился. Он спрятал блокнот в карман и прислушивался к отдаленным раскатам грома. Внутри ангара оказалось пусто. Четверо незнакомцев возились в углу с коробками и мешками. Рассвет упал в пыльное пластиковое кресло, бессильно уронил голову на скрещенные руки. Точно такой же, как и кресло, пластиковый стол, заскрипел от толчка, роняя на пол хлопья пыли и распотрошенной упаковки.

В этом жесте координатора Лейтен прочитал приговор самому себе.

«И ведь не эламит меня убивает, и не этот его „специалист по розыску людей“, даже не незнакомцы, которые стреляли отравленной иглой. Наш главный враг – время. Оно тикает безжалостно, отбирает свое у вечности. А у меня впереди совсем не вечность, а только полгода жизни в чужой оболочке. И это в лучшем случае. Пока остаешься в порядке, думаешь, что каждый прожитый день для нас – ничто, даже меньше, чем ничто. И только потом, когда уже поздно, мы понимаем трагический смысл бесполезно растрченного времени»

– Лейтен, прекратите истерику! – прикрикнул Рассвет, и выведенный из состояния ступора Тони вздрогнул. Люди, которые возились с коробками, почти равнодушно обернулись и тут же вернулись к прерванному занятию.

– Я вам покажу, как пытаться свихнуться мне назло! – бушевал координатор.
– Идите к черту. Не орите. Я вполне нормален, просто загрустил по понятной причине. Фарит довольно хладнокровно наблюдал внезапную ссору.

– Павел... – тихо позвал он.

Рассвет замолчал.

– Ты уверен, что ты правильно разобрался в деле?

– Да, – жестко ответил эламит.

– Этот парень – вылитый твой брат. Ты уверен, что он не Костя?

– От Кости у этого проходимца только внешность и зачатки талантливости.

– Я не стану спорить насчет цели операции, но нужно заранее обговорить детали. Слушайте внимательно, оба, потому что как только мы выйдем из ангара, реализация начнется на полную катушку. На север перемещаемся на машине, и выбор дороги я принимаю на себя. В ближних округах считывание индекс-чипов ограничено. Например, нельзя делать это в целях слежки. Запрет, конечно, нарушается негласно и правительством, и влиятельными структурами, но стационарной аппаратуры вы не найдете нигде, и частным лицам, которые ее поставят, светит приличный срок. Вы оба поняли? Наши «друзья» из Элама сейчас испытывают известный дискомфорт. Лицензия на оружие у нас есть, но, думаю, дело не дойдет до применения, координаты я ввел, карту подобрал, так что компьютер сам наведет машины на цель. Конечно, если местность окажется проходима для автомобиля.

– Она только частично проходима, – сообщил Тони. – Я ведь предупреждал, я обо всем рассказал честно. Там даже вертолет будет трудно посадить. Вездеход нужен.

– А пока что как – вперед по шоссе на вездеходе?

Фарит кивнул.

– Специальная машина нас демаскирует. Поедем на двух джипах, на крайний случай погрузим снаряжение для пешего перехода. Сколько людей сейчас на острове?

Рассвет ответил неуверенно.

– По словам этого проходимца – только двое. На самом деле, технические характеристики убежища позволяют почти бесконечно долго поддерживать жизнь пятерых.

Фарит ненадолго задумался.

– Учтем такую возможность. Павел, пусть твой «брат» посидит в сторонке, есть частный разговор.

Тони встал и без возражений убрался в противоположный угол ангара. Там часто и тревожно мигала неисправная лампочка. Сотрудники Фарита закончили работу и молча курили в отдалении. «Как бы им не пришла в голову благая идея меня усыпить, – печально подумал Лейтен. – Если я буду все время спать, то не сумею сориентироваться и не найду лазейку к спасению. А она появится – в этом я уверен, потому что мир большой, и не в силах человеческих предусмотреть все».

– ...Может быть, усыпим его уколом и аккуратно положим в багажник? — почти беззвучно предложил Фарит.

– Не нужно, – смутившись, ответил декан-координатор. – Хороши мы будем, таская тело моего близнеца в багажнике. Еще в кутузке окажемся. Эй, Антон!..

Выехали через полчаса – все семеро на двух джипах. Лейтен на прощание оглядел так и не дорисованный промышленный пейзаж. Он твердо знал, что больше сюда не вернется, хотя не мог бы сказать, что послужило источником озарения. Дождь все-таки разразился – кривые следы капель побежали по стеклам. Громыхнуло – лениво и протяжно, первые брызги запрыгали по дорожному полотну.

– Сколько времени понадобится?

– По скоростным трассам в густонаселенной местности – около девяти часов ходу. То, что будет потом, знает только Бог.

Невыспавшийся Лейтен рухнул в сон. На этот раз чужие видения не приходили. Он проспал восемь часов и очнулся от последствий тряски — болела спина. Машина не двигалась, равнина кончилась и сменилась чередой лесистых холмов, в вершинах монотонно шумел ветер. Города вокруг не было. Могло показаться, будто все города на свете остались позади.

– Эй, координатор!..

(Рассвет оказался тут как тут. Похожий на самого Лейтена, но настороженный и решительный)

– ...пить найдется?

– Молчать. Никакого алкоголя.

– Я имел в виду – воды.

– Можно взять на заднем сиденье.

Лейтен откупорил полулитровую бутылку и выпил ее до конца – всю.

– Где мы теперь? – поинтересовался он, отдышавшись.

– Почти на месте. На востоке – уральские предгорья. Тут поселок поблизости. Попробуйте вспомнить – вам знакомо это место?

Тони напряг память – отозвалось болью и пустотой.

– Нет. Мне и Коту пришлось везти саркофаг, вернее, его детали. Подогнали вертолет к ближайшему городу со странным названием, летели долго, все расходы оплачивал наниматель.

– Ладно.

Рассвет отошел в сторону – туда, где за обочиной раскисшей глинистой дороги курился костерок.

– Вылезайте, сейчас будет обед. Вернее, ужин. Дорога на север пока что проходима, потом пойдем лесом и пешком. Тут в округе, кроме как в поселке, никто не живет.

– Почему?

– Не знали? Заповедник. Закрытая территория. В поселок мы не попадем, так что комфорт не гарантирую. Сегодня ночуем в поле, завтра к вечеру выходим в заданную точку.

– Хорошо.

Лейтен потрогал свой браслет – на вид безобидный, вроде часов.

– Как далеко я могу отойти в сторону?

– Самое большее – на пятьдесят метров. И не занимайтесь всякой, наподобие блуждания, ерундой, там, в глубине чащи, водятся злые рыси.

Бездымный костер излучал тепло. В котелке кипела крупа вперемешку с извлеченным из банок мясом. Фарит помешивал варево отчищенной от коры палочкой.

– Можно было вскрыть концентрат, он бы сам разогрелся – чуть смущенно пояснил он. – Но так лучше с психологической точки зрения. По крайней мере, огонь и трава придают ночевке особенный колорит.

Темнело относительно медленно, не так, как на юге. Лейтен поел и сел немного в стороне от компании на траву, выбрав место посуше. Черные пики елей угрюмо торчали на фоне заката, вокруг распространился горячий воздух костра. Вился гнус – и мелкий, звонкий, и крупный, надоедливый, наподобие ярких мух. Мухи оставляли болезненные укусы. Фарит молча протянул Лейтену тюбик репеллента.

– Вы разбираетесь в концептуальных вопросах? – спросил Тони Рассвета.

– Угу, – ответил Рассвет, аккуратно надкусывая край многослойного бутерброда. – Я математик.

– Скажите, другие миры существуют, скажем, такие, где нет летающих кровососов?

– Вы слышали про сферу Дайсона?

– Нет.

– Каждая цивилизация, которая достаточно развилась, стремится заключить свое солнце в сферическую оболочку, чтобы отсечь пустые растраты энергии. На внутренней поверхности гигантских сфер они и живут. Вы понимаете, что ландшафтов в нашем понимании там нет, да и кто знает, что для сферитов привычка? Во всяком случае, я не думаю, чтобы внутри такой конструкции оказались комары и естественная природа.

– И много таких сфер уже нашли? – заинтересованно спросил Тони.

– Покуда ни одной.

Фарит, который слушал разговор, ухмыльнулся.

Лейтен убил комара и щелчком ногтя отправил крошечное тельце в огонь.

– Так я и знал.

На этот раз координатор помешкал.

– Понимаете, тут вся тонкость в вычислениях. В очень больших вычислениях. Есть гипотеза, по которой то, что вычисляется с достаточным трудом, наверняка где-то существует. В этом смысле, там может оказаться все, что угодно. Я понятно выразился?

– Спасибо, конечно, но я не идиот, пусть даже мой индекс по сравнению с вашим ничего не стоит...

Сотрудники «агентства по розыску людей» разбрелись кто куда. Темнело, мутный месяц болтался над лесом. Забытый кем-то маленький компьютер тихо работал прямо в траве.

– ...Удивляюсь, зачем вы занялись воровством, – язвительно заметил координатор. – У вас избыток тщеславия и недостаток индекса. Такие типы обычно идут в мятежники.

– И что – часто идут? – в тон ему отозвался Лейтен.

– Можно подумать, что вы не знаете, сколько раз радикальные противники тестов поднимали мятежи. С их точки зрения система избирательных ограничений Госалы несправедлива, а умственный ценз – издевательство над естественным человеком. С одной стороны, в чем-то они правы...

– Какая смелость это признавать!

– Не ехидничайте. Любой тест относителен. Жизнь личности может оказаться исполненной внутреннего, незаметного другим благородства.

– Это про вашего брата?

– Про него. Но дело не только в нем. Иногда человек, остающийся в пределах нормы, имеет один-единственный, но яркий талант, который не укладывается в рамки объяснимого. Таких людей общий тест незаслуженно ограничивает.

– Так что – эта ваша система поощряет посредственность?

– По идее, она должна продвигать талантливость, – как ни в чем не бывало отозвался Рассвет.

Он замолчал, извлек свой собственный терминал и занялся малопонятной для Тони работой. Браслет управления заметно мешал эламиту, но только до поры, пока тот не разомкнул в досаде замочек и не убрал устройство в карман.

Разухабисто вопила ночная птица. Лейтен, оставшись в одиночестве, ушел в сторону, чтобы больше не видеть людей. Не отпускало видение здоровенной сферы, наполненной бессмысленным кишением лиц и тел.

– Ау, Антон! Далеко не забредайте.

– Ладно, ладно, не уйду, не уйду...

Он заметил овраг, оценил темень и прохладу с запахом грибов, смолы и хвои. «Интересно, какого расстояния достаточно, чтобы уничтожить контакт между двумя браслетами?» Тони вылез из случайно подвернувшейся ямы, отошел еще немного, ожидая дикой боли в запястье – и опять ничего. Влажные, жиденькие поганки размазывались и хлопали под

ногами. Теперь костер виделся только как багровое пятно, которое мутно проглядывало сквозь частый гребень стволов.

Расстояние понемногу увеличилось до ста метров. Лейтен ухмыльнулся и, стараясь подавить страх перед лесом, нырнул в благословенную темноту, а потом наугад побрел прочь.

Глава 7. Прощальная вечеринка

Элам

Вильма скептически рассматривала шрам на своей руке – тонкий, розовый, малозаметный. Она оглянулась на Стеффи, потрогала кожу и откинулась в кресле, впервые за последние недели чувствуя себя по-настоящему свободной.

Медленно, но верно наполнялся публикой зал. Голоса, женские и мужские, шелестели под театральными сводами. Не было только детских голосов, как не было и старческих, первых – из-за позднего часа, вторых – потому что даже преклонных лет эламиты не собирались стареть.

– Я очень хороший хирург, – с достоинством сказала Стеффи пять дней назад, после того, как успешно освободила Вильму от вживленного чипа. – Скажу без неуместной стыдливости, ты даже не представляешь, скольким красавицам я перекроила физиономию.

Идея насчет изменения внешности самой Вильмы появилась сразу же, но не нашла у новой подруги ни малейшей поддержки:

– Ты зря вообразила, будто можно добиться неузнаваемости... Я не о глазах, – добавила Стеффи, заметив явное неудовольствие Вильмы. – При известных затратах можно вставить мигалки, более похожие на человеческие, но дело не в этом. Понимаешь, мы не боги и заново не лепим, мы только подправляем врожденное. Да будь пациентка развалиной, давно пережившей расцвет, я бы вывела верхний слой кожи, заставила эпидермис регенерироваться, устроила подтяжку, вживила зубы и ресницы, умертвила нервы в тканях на лбу, чтобы прекратили копиться морщины... Одним словом, из бабушки семейства мы сляпали бы приятную девушку неопределенного возраста. Но я не могу дать тебе лицо малайки, эскимоски или дочери зулусов. А меньшее отличие тебя не спасет.

– Ты думаешь, они меня ищут по портрету?

– Да что ты, милочка! По лицам у нас давно никого не ищут, это совершенно вышло из моды. Не сомневайся, тебя ищут по чипу. Твой чип я сняла аккуратно, соединила с кусочком живой ткани, все это в пробирке и может посылать сигналы устройствам сканирования. Пока ты отлеживалась, я запрограммировала кибера бродить по Эламу с контейнером и поддерживать твоему чипу систему жизнеобеспечения. У тебя есть дней десять восхитительной свободы и времени, чтобы повеселиться. В конце концов кибера поймают, но мы будем уже далеко.

Вильма тогда восхитилась предусмотрительностью подруги.

Сейчас, в вечерней толпе, она наблюдала результаты профессии Стеффи и ей подобных.

Уродливых женщин в театре не было. Красивых естественной оригинальной красотой, впрочем, тоже. Властвовал жесткий стандарт, наложенный на природные вариации, что делало его, все же, достаточно разнообразным. Узкие бедра в последнее время потеснила мода на более пышные формы, но талии оставались тонкими. Волосы (результат подсадки и стимуляции), обрезанные спереди надо лбом, сзади спускались до нарочно увеличенных ягодич. Носики преобладали прямые, за исключением носов небольшого числа оригиналок, которые отдавали предпочтение римскому профилю.

– Ты не поверишь, дорогая, некоторые за десять лет перекраиваются по четыре раза, – завершила подругу Стефания. – Видишь, вон ту, шикарную стерву в голубом?

Вильма послушно посмотрела в указанном направлении. Ослепительная девушка, воплощение юности и достатка, улыбалась двум спутникам одновременно, показывая края бело-снежных резцов.

– Это Цинну, – тут же пояснила Стеффи. – Совладелица компании по переделке тел. Не смотри на свежие щечки, лучше обрати внимание, что у нее преднамеренно внесенный

дефект – зубы длинноваты, это делается только для избранных пациентов, и стоит дороже. Естественность – королева всего, особенно если ее делают искусственно...

Вильма случайно встретила с красавицей взглядом и поспешила отвернуться. С милого юного личика на внучку координатора смотрели глаза пятидесятилетней женщины – умные, циничные, с нетающими льдинками в глубине.

– Мужчины тоже в своем роде тщеславны, не лучше женщин. Ты представляешь... – добавила сплетница-Стефания, понизив голос. И, прикинув губами к уху подруги, быстро-быстро пробормотала кое-что занимательное. Внимательно выслушав, Вильма покатила со смеху.

– О! Я же говорю, что они затейники...

Начало спектакля все оттягивалось – ждали опоздавшую звезду, то ли попросту исчезло чувство времени. Чужие сияющие взгляды блуждали по оголенным плечам Вильмы. Кресло послушно изгибалось под каждое движение, помогая расслабиться. Вместо занавеса клубилась технически созданная тьма.

– А вдруг Кантер или Дин сейчас сидят в зале?

– Глупости, милочка. Наши технократы, конечно же, не узнают тебя в упор. Подумай, тут уйма народу, кроме того, я не зря прилепила тебе новые ресницы. Они чуточку утрированы, зато замечательно затемяют твои датчики. С двух шагов не видно. Светлый парик на расстоянии не отличишь от подсадки волос. Одним словом, ты сейчас смахиваешь на мою слегка подчищенную копию. Это самый писк моды сезона, таким образом появляться вдвоем.

Вильма промолчала.

Занавес исчез. Попросту распался, но не мгновенно, а скорее рассыпался на черные блестящие, быстро унесенные специально устроенным сквознячком.

– Заодно насладимся классикой, – завершила Стеффи. – Может, сюжет немного устарел, зато антураж подновили. Постарался М. Н., наш гений дизайна, так что я тебе обещаю неиспорченный вечер.

Вильма с содроганием вспомнила «парк развлечений», куда сводил ее Шеннон, но отступление из зала уже сделалось невозможным, а классический источник казался гарантией от слишком больших неприятностей.

– Смотри...

Начало пошло ни шатко, ни валко. Звезда пела, замечательно попадая под фонограмму, в чем ей помогал приклеенный за ухо микросинхронизатор. Компания сценических налетчиков отплясывала нечто невообразимое. Хороши были в основном декорации – голографическая имитация трущоб. Сомнительные районы в том виде, как изобразили на сцене, не существовали нигде и никогда, но зрителей в зале это не волновало. Зеленоватый искусственный туман стлался под ногами актеров. Стены бутафорских развалюх, отделанные под граффити по эскизам лучшего художника сезона, демонически фосфоризировали. Вид сцены и разряженных актеров назойливо напомнил Вильме зеленоватое дно пруда, в который запустили карпов. Рыбы слонялись туда-сюда, что как нельзя лучше гармонировало с общей странностью зрелища. Постепенно она даже приспособилась получать от него удовольствие.

В антракте Стеффи вспорхнула и исчезла, скорее всего, отправилась подновить косметику. Слегка пришибленная зрелищем внучка координатора слонялась по фойе до тех пор, пока не утратила чувство реальности. Толпа эламитов вольно обтекала ее со всех сторон. Все были знакомы, и все были свободны. Все узнавали друг друга, и никто никого не стеснял. Шелестели, сплетались голоса. Стеффи все не возвращалась. В конце концов зачарованную Вильму окликнули.

Сзади, всего в десяти шагах, стоял Дин Шеннон.

– Вильма, стойте.

Чувство безопасности улетучилось мгновенно. Она развернулась и нырнула в толпу, как щука – в омут. Психотехнолог, впрочем, ударился следом, стараясь не выпускать из виду серебристое платье Вильмы. К несчастью, этот цвет любила не только она. Координатор заметался, дезориентированный обилием серебристых, словно покрытых чешуей женских спин.

Вильма воспользовалась этим и прибавила ходу. Вслед ей уже оглядывались.

– Вильма, остановитесь! – звал Дин.

Сумятица возникла и усилилась. От внучки Кантера шарахались, она неслась в сторону выхода из театрального яруса, мимо зрителей и охраны в хороших костюмах, неотличимой от посетителей, мимо истерически настроившихся женщин и шокированных мужчин, на ходу оттесняя людей ладонями.

«Вот зараза. Я так и знала, чем этим кончится...».

– Стеффи! – крикнула она на ходу, уже не надеясь быть услышанной.

К счастью, ропот возмущенной публики заглушил этот выкрик и координатор не разобрал имени. Он, покраснев от азарта, неся следом за беглянкой, весьма невежливо расталкивая знакомых, полужнакомых и незнакомых совсем. Кто-то окликнул его, кое-кто сделал характерный жест у виска. Скандализованная публика подалась назад. Те, которые прохаживались поодаль, и не поняли, в чем тут дело, движимые любопытством, устремились навстречу отступающим. В результате те и другие столкнулись, на целую минуту образовав самую настоящую давку.

Подобную небожителнице Цинну в суматохе больно прижали к стенной облицовке, но она блестяще оправдала репутацию ловкой женщины – наградила обидчика тычком пальца под ребро.

Скандал стал несомненным и склонялся к панике.

Охрана замешкалась, ошеломленная нестандартным ходом дел.

Тем временем на широкой лестнице в три ступени, устроенной, должно быть, ради красоты, у Вильмы подломился каблук. Она на ходу стащила туфли и метнула их прямо в оберкоординатора, который к тому времени сократил расстояние.

– Да стойте же! Вильма, если вы сейчас уйдете, то будет хуже. Честное слово, вам грозят серьезные неприятности...

Она одним прыжком достигла фойе, сквозь иллюзорную имитацию чего-то готического безо всякой элегантности вывалилась за пределы театра и оказалась возле стоянки гиропланов.

Огромные окна яруса (настоящие, а не голографические) открывало вид на ночной Элам. Он сверкал мириадами огней как сверкает стол хрустальной крошкой после скандального банкета. Высота манила ужасом падения.

– Оставайтесь на месте.

Шеннон оказался почти рядом. Он не двигался, должно быть, опасался, что девушка может отпрыгнуть и сорваться. На скуле психотехнолога розовело неправильной формы пятно, явный след недавней пощечины.

– Отойдите от ограждения, – сказал он почти спокойно. – Ради бога, не надо делать глупостей. Мы с вами поговорим, только и всего.

– Не хочу.

– Ошибаетесь. Если вы меня не выслушаете сейчас, то пожалуете об этом позже – бывают вещи хуже светского скандала, и даже хуже прыжка с полукилометровой высоты. Кстати, не надейтесь разбиться. Тут, несколькими метрами ниже натянута крепкая страховочная сетка, она вас поймает, ушибы будут, но синяки не смертельны. Кантер отыщет внучку в больнице, «несчастный случай» только облегчит ему проблемы.

Вильма задумалась. Холод ночного воздуха касался разгоряченной кожи. Ложь, наскоро придуманная, уже вертелась на языке, и она, не задумываясь, пустила в ход ложь.

– Чего вы хотите? Да, признаю, побаловалась с вашим терминалом. Вы меня напугали – разве можно так бросаться на людей? Если вы считаете, что шутка с терминалом была неудачной, я готова просить прощения...

– Кто вас послал?

– Никто, – ответила Вильма, но страх, не тронув странных глаз, отразился в изгибе ее бровей, в жалко опущенных уголках губ.

Дин заметил это и удовлетворенно кивнул.

– Кантер заказал вашу смерть.

– Не правда! Скажите, что вы мне наврали.

– Все нет. Вы сами должны знать, какие важные вещи затронули. Вообразили, что можно просто так, без последствий, прикасаться к частной информации? Допустим, мне просто подстроили мерзкую шутку просто так, хотя, клянусь душой, я такого обращения не заслужил. Конечно извращенным юмором можно объяснить многое. Ваше заочное знакомство с Рассветом можно объяснить самыми разными способами. Но про его безумного брата вы случайно узнать не могли. Вас выбрали, обучили и послали на верную гибель. Кто это сделал?

Вильма промолчала – слова технократа били прямо в цель.

– Чего вы от меня хотите?!

Координатор усмехнулся – открыто, лишь с легким безобидным лукавством.

– Может быть, не хочу ничего. Может быть, я хочу вам помочь. Скажите правду, иначе вас не уберечь от генерала. По чести, я и в самом деле собираюсь вас спасти. Это такое навязчивое желание, от которого трудно избавиться.

«Вот ведь змей, – подумала про себя растерянная Вильма. – Меня приманивают поближе, яблочко готово, и висит невысоко. Как умело врет! Так врут все они, владельцы роскошных индексов. На каждую мою неловкую ложь у него своя – ловкая и соблазнительная»

– Я не понимаю, о чем это вы.

– Поймите, я друг вам, а не враг. Скажите правду, мне и только мне, по секрету, и Кантер вас не тронет. Я готов защищать вас в любом случае, но мне будет очень трудно без полного понимания обстоятельств.

– Обманываете.

– Нет.

Дин держался уверенно, видимо, не сомневался в конечном успехе. Вильма сильно загрустила. Повеяло дождем. Первые капли влаги сорвались с темного неба и упали на ее ресницы.

«Пора удирать. Стеффи не показывается... Без нее я тут ничто, „дедуля“ и „друг“ меня где угодно словят».

– Забирайтесь в машину, поедem ко мне, – вкрадчиво добавил Шеннон. – Теперь можно успокоиться, все худшее уже позади. Я сумею вас защитить.

Дину показалось, что девушка глядит на него с восторгом, потом он засомневался – взгляд Вильмы уперся в точку за правым плечом координатора. Тогда он обернулся.

Еще одна женщина, стильная светловолосая эламитка лет тридцати, шла прямо на Дина с видом сомнамбулы. Возможно, под воздействием наркотика, щеки ее пылали. Раздосадованный внезапной помехой, координатор посторонился.

– Простите, мисс, – сказал он на всякий случай.

Женщина, кое-как переставляя точеные ноги и толкнув Дина голым локтем, прошла мимо, оказалась за спиной у Вильмы, влезла в свой гироплан и принялась там возиться с управлением. Ее способность к полету выглядела крайне сомнительной. Внучка Кантера проворно попятилась и, к изумлению Дина, влезла в ту же самую кабину.

– Поехали.

То ли дурман соскочил с незнакомки, то ли она попросту отбросила притворство, но машина под ее рукой резво оторвалась от площадки и отправилась прочь.

– Вильма! – запоздало заорал Дин вслед, но помешать не успел. Он попробовал запомнить бортовой номер, но внимание эламитского координатора отвлек острый тычок пальчика под лопатку.

– Цинну?

Видимо, красавица только что побывала в драке. Грим с много раз прооперированного лица сошел вместе с потеками пота и слез, хотя плакала дама исключительно от ярости.

– Ну, я вам это припомню, – заявила она ошеломленному координатору. – Я с вами посчитаюсь за испорченный вечер, вы, свинья и собака греха, ворона и крокодил безобразий...

– Да что вы говорите... За что?

– Я бы дала вам еще одну пощечину, но у вас совершенно нет совести, это равносильно тому, чтобы похлопывать задницу...

Цинну все еще бранилась, чем дальше, тем более цветисто и изысканно, а машина с беглянками, вращая винтами, уже уплывала в ночное небо.

– Как глупы вы все, женщины, – пробормотал раздосадованный координатор, смахнул с рукава подцепленный где-то след пудры, обошел бесноватую, и двинулся прочь, решив перед отъездом домой погулять по галерее и успокоить нервы.

* * *

Спустя полчаса, готовясь покинуть Элам, Вильма вернулась к прерванному разговору с подругой.

– Думаешь, он тебя не узнал? – спросила она с сильным сомнением.

– Скажи лучше, что мы никогда и не были знакомы. Стеффи и Дин Шеннон! Да это же огонь и вода. Я его, впрочем, немного знала заочно, но он меня, если когда и видел, то едва ли запомнил. В этом преимущество огромных домов. Мы со старым Кантером живем рядом, но я вижу его в основном на телеэкране. С тех пор, как Имре Кантер погиб, у нас еще было немного поводов встречаться...

– Кстати, твоего кибера уже отловили?

– Может быть, его и не ловят. Дин задумал кое-что другое, он своего не упустит.

– Я поеду с тобой и добыю, чтобы Новаковский принял твой заказ. Но как ты собираешься вытаскивать меня из Элама? Арка не пропустит человека без чипа.

– Смотря какого человека. Например, трупы умерших вывозят без особых проблем.

– Мне пока не хочется подышать.

– Есть и другие средства. Посмотри на это...

Стеффи рывком распахнула стенной шкаф и посторонилась, не мешая чужому телу упасть на ковер. Слегка шокированная Вильма уставилась на чудо.

Девушка, точная копия Стефании, затаенная в серебристое платье, раскинула руки в естественной позе спящей. Волосы разметались. Глаза оставались закрытыми, тень от длинных ресниц лежала на щеках.

– Бр-р-р...

– Это только макет женщины.

Пронзительная иллюзия естественности оставалась полной. Присутствовали даже мелкие точки на кончике носа.

Стеффи присела на ковер и без церемоний обнажила игрушку.

То что под платьем, тоже выглядело натурально.

– Нравится?

– Не очень. Жутковато, похоже на жмурика.

– Вообще-то, она расстегивается. Надо только крепко прижать пупик...

Внутренность куклы оказалась обычным пластиковым футляром, и Вильма вдруг успокоилась.

– Мы положим туда тебя, – деловито объяснила Стеффи. – Вес никого не удивит, то, что имеет размеры взрослого человека, по мнению скудных умов и весить должно как человек. Никто из чиновников не решится потрошить произведение искусства, а тем более, трепать мою копию за голый пупок.

– Фи.

– Не надо кривить лицо, дорогая. Если хочешь предложить нечто более толковое, то я вся внимание, но ты ведь тут никто и возможности твои никчемные.

Вильма, подумав, промолчала. Молчание – знак согласия, и Стеффи, подобрав пустую куклу, забросила ее на диван.

– Надо примерить. Дышать будешь через нос.

Глава 8. Погоня

Северо-восточная Европа. Окрестности Сонного острова

Светало. Лейтен бежал быстро, как только мог.

Ветви молодых сосен хлестали его по рукам, пасмурное небо, подкрашенное зарей, снова набрякло дождем, капли воды стекали по капюшону куртки. Браслет бездействовал, хотя расстояние между беглецом и Рассветом превысило все разумные пределы. То ли координатор проспал бегство пленника, то ли угроза оказалась самым обычным блефом. Тони перешел на шаг и немного перевел дыхание. Потом присел на серый мох, вытащил живую отмычку и попытался открыть браслет, но не сумел – предмет взлома оказался слишком мелким.

«Куда податься?»

Потеплело, пахло хвоей, тропинки все не было, но размытый маревом диск солнца завис где-то за вершинами, это помогало держать направление. Поскальзываясь на россыпях тонконогих грибов, Лейтен съехал по склону оврага. Обычно ямы, заросшие по краям подлеском, оказывались неглубокими, но бесконечные падения и спуски выматывали остатки сил. Он сломил ветку и помахал ею на ходу, отгоняя слепней, однако насекомые возвращались снова и снова. Репеллент остался в лагере, Тони вспомнил о тюбике с безнадежной досадой и тут же постарался о нем забыть. Есть хотелось, но пока умеренно.

Так он и шел, упрямо стараясь найти дорогу к поселку. Солнце уже двигалось к полудню, когда Лейтен присел отдохнуть на небольшую прогалину среди мхов и сосен, на землю, покрытую короткой травой и мелкими лиловыми цветами, напоминавшими крошечные гвоздики. Стая слепней сгрудилась для атаки, зудели комары, руки и щеки, покрытые волдырями от укусов, чесались нестерпимо.

Он все же улегся, подставил лицо скудному теплу северного лета. По запястью медленно полз одинокий муравей, блудный сын муравейника. «Укусит», – вяло подумал Тони. Муравей, и в самом деле, укусил. Лейтен сел и дотронулся до руки – запястье под браслетом пылало, кожа покраснела, неприятное жжение все усиливалось.

«Я напрасно думал, будто расстояние поможет, эламит все-таки до меня добрался».

Поначалу ньюло не сильно. Стащить браслет Тони даже не пытался, только рывком поднялся и побежал в ту сторону, где ожидал найти поселок. Почва постепенно понижалась, чистый сосняк сменился пихтовым лесом, некоторые стволы выглядели чахлыми, вода мелкого болотца заплескалась под ногами.

«Что я делаю, куда я бегу? Я заблудился».

Диск в небе померк, свет дня подернулся серой пеленой. Рука горела невообразимо. Страдание коснулась связок и кости, смотреть туда не хотелось. Пару раз Лейтен падал ничком, но каждый раз он заставлял себя встать и брел дальше как одержимый, не замечая ничего вокруг, и сохраняя направление лишь за счет обострившейся от страха интуиции. Он не мог бы сказать наверняка, не потерял ли дорогу. Руку ломило уже выше локтя.

Из очередного оврага Тони выбрался только с третьей попытки, подвернув лодыжку и расцарапав ладони. Растяжения он не чувствовал – мучения сосредоточились в запястье. Мир размазался багровыми круглыми пятнами, круги наслаивались друг на друга и перемещались, создавая подобие вечного хаоса. Человек, частица, затерянная в этом хаосе, сел и прислонился к сломанной ели, ощутил запах горькой смолы и почему-то – дыма. Худая рыжая белка, проскакала вверх по соседнему дереву и устроилась на ветке, изучая Лейтена настороженным глазом.

«Надо немедленно возвращаться, – твердо решил Тони. – Я проиграл, мне не удрать, не надо было и пытаться. Но я даже вернуться не могу. Лучше просто не двигаться, тогда этот

распроклятый координатор по индикатору перемещения поймет, что я сдаюсь, и сам ко мне выйдет».

Он выбрал место посуше, лег на спину и принялся смотреть в небо, полускрытое хвойными кронами, шурясь и глотая слезы. В том, что с ним происходило, оставалось последнее преимущество – Лейтен больше не чувствовал комариных укусов. Боль в руке больше не увеличивалась, но даже то, что он испытывал сейчас, казалось нестерпимым.

– Рассвет, я здесь! – заорал Тони в исступлении.

Белка спряталась. Эхо умерло где-то среди стволов и кочек. Координатор не пришел.

Зато через некоторое время раздалось хлюпанье топи под чужими сапогами. Людей было двое. Они разговаривали на знакомом, но искаженном языке и шли очень быстро, как будто имели четкий ориентир. Отдельные фразы Тони понял, добрых надежд они не внушали.

– ...где-то здесь валяется...

– ... не этот, а второй...

Лейтену попытался вытереть мокрые веки, но незнакомцев опознать не смог – оба выглядели как безликие силуэты, которые нависли, заслоня скупой свет северного полудня. Его пнули в бок, но не сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.